

Р. Бурдерон

ФАШИЗМ: ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Roger Bourderon

LE FASCISME
IDÉOLOGIE
ET PRATIQUES

(Essai d'analyse comparée)
Éditions sociales

Paris
1979

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Для научных библиотек

Р. Бурдерон

**ФАШИЗМ:
ИДЕОЛОГИЯ
И ПРАКТИКА**

*Перевод с французского
Е. ФЕЕРШТЕЙН*

*Вступительная статья
ЭРНСТА ГЕНРИ*

Москва
«Прогресс»
1983

Научный редактор ЛЕОНТЬЕВ В. М.

Редакция литературы по философии и лингвистике

© 1979 Éditions sociales, Paris

© Перевод на русский язык с сокращениями и вступительная
статья, «Прогресс», 1983

Б $\frac{0303010000-647}{006(01)-83}$ 2—83

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Книг о фашизме опубликовано за последние десятилетия, вероятно, сотни. О том, что происходило в 30-е и 40-е гг., современники знают теперь, казалось бы, достаточно. И все-таки тема эта не исчерпана.

Случившееся в 30-е и 40-е годы настолько чудовищно и трагично, что некоторым из молодых людей иногда даже трудно поверить в то, что им рассказывают жившие в те годы. Ни одна прежняя политическая система не причинила человечеству за несколько десятилетий такого страшного урона и так морально его не оскорбила, как фашизм Гитлера, Муссолини, Франко и их сообщников. И это не будет забыто.

Книга французского историка Роже Бурдерона вносит новый вклад в научную литературу о фашизме 20-х и 30-х гг., когда Гитлер еще только готовил катастрофу второй мировой войны. Автор не пересказывает то, что в основном уже известно, а скорее углубляется в накопившийся огромный исторический материал. Не со всем, что сказано в книге, можно полностью согласиться, и не все, что хотелось бы в ней видеть, в ней есть. Тем не менее она представляет большой интерес, и вот почему.

Антифашистская литература была до второй мировой войны большей частью боевой литературой дня и такой, разумеется, должна была быть. Против фашистов надо было постоянно и неустанно бороться и предостерегать. Авторами книг против фашизма выступали прежде всего политические борцы, а не теоретики. На карту была поставлена судьба Европы, да и всего мира, и времени для углубленных теоретических исследований не хватало. Когда горит дом, лекций о пожарах не читают. Поэтому работ о довоенном фашизме, написанных пером квалифицированных

марксистских антифашистов, вышло в то время сравнительно мало*.

Есть, правда, множество книг о преступлениях фашистов в отдельных странах, особенно о гитлеровцах. Огромный фактический материал содержится в протоколах Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками**. Кое-какие разоблачающие признания можно найти в воспоминаниях Шпеера, фон Папена, записках Геббельса, Чиано и других фашистских главарей. Все это, несомненно, позволяет пригвоздить к позорному столбу истории участников и соучастников фашистских преступлений. Но фашизм как более или менее единая социально-политическая система, как особый феномен 20-х и 30-х гг., с учетом того, что он хотел и чего он тогда уже начинал добиваться,— эта тема до сей поры антифашистскими теоретиками недостаточно исследована. Вот почему работа Роже Бурдерона безусловно заслуживает внимания.

Роже Бурдерон воспринимает фашизм со всеми его специфическими особенностями в разных странах именно как единое целое, как глобальную трагедию, как крайнее выражение общего кризиса современного капитализма. Он исследовал фашизм начального периода со многих сторон, не оставляя без ответа почти ни одного существенного вопроса. Несмотря на некоторые недостатки, о которых в заключение пойдет речь, это прежде всего вдумчивая книга. Автор говорит о целях фашизма, его идеологии, пропаганде, его государственной и иерархической системе, его аппарате насилия. Он касается закулисных связей фашизма с монополистическим капиталом и империалистическими кругами, исследует нацистскую теорию расизма.

Хотя Бурдерон пишет о трех главных цитаделях фашизма — Италии, Германии и Испании — и не до-

* См.: Димитров Г. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны. Статьи и речи 1935—1937. М., 1937; Куусинен О. Фашизм, опасность войны и задачи коммунистических партий. М., 1934; Тельман Э. Избранные статьи и речи, т. 1—2. М., 1957—1958; Тольятти П. О задачах коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны. М., 1935; Датт Пальм. Фашизм и социалистическая революция. М., 1935.

** Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. В 7-ми т. М., 1957—1961.

водит свое рассмотрение до второй мировой войны, ему удастся нарисовать цельную картину и сделать главный вывод: основная цель и основная функция фашизма, где бы он ни возникал, в любой стране — это исступленная, тотальная борьба с марксизмом, рабочим движением, социализмом в защиту капитализма. Все остальное по отношению к этой генеральной цели носит подсобный характер и вытекает из нее.

В этом заключается основная причина возникновения фашизма, но в этом же заложена и причина краха фашизма Гитлера, Муссолини и Франко. Читая книгу Бурдерона, все время возвращаешься к этому основному моменту, и многое неясное или не совсем понятное становится на свое место. Не расизм, не антилиберализм, не «бунт средних классов», а воинствующий, фанатичный антикоммунизм и апология империализма — главный ключ к пониманию фашизма. И то, что Гитлер 30 апреля 1945 г. пустил себе пулю в лоб, а Муссолини за два дня до этого был расстрелян антифашистами, это было неизбежным логическим концом фашистских главарей. История вынесла свое решение. Крайняя, наиболее реакционная форма диктатуры буржуазии, тотальный антикоммунизм были приговорены историей на глазах у всего мира.

Вдумчиво читая книгу, можно проследить весь генезис фашизма. Ясно, почему обе фашистские партии, нацистская в Германии и партия Муссолини в Италии, возникли в 1919 г., сразу после первой мировой войны. В момент, когда на востоке Европы возникло первое социалистическое государство в мире, на Западе сразу же послышался сигнал не только к вооруженной интервенции против Советской республики, но и к бешеной контратаке против революционного рабочего движения в отдельных капиталистических странах. Автор прав, когда видит в этой контратаке основную причину рождения мирового фашизма, квинтэссенцию всей его политики и его идеологии. Реакционные, наиболее агрессивные круги крупной буржуазии не могли не вызвать на сцену Гитлера, Муссолини и их подручных. Никакой случайности, никакой неожиданности тут не было. Бывший австрийский люмпен-пролетарий и бывший итальянский псевдосоциалист кинулись в 1919 г. туда, где они срочно потребовались классу, который

уже переживал глубочайший кризис, поставивший вопрос о самом его существовании.

Гитлер в 1925 г. вещал: «Триумф марксизма означает исчезновение человеческой жизни на земле». Муссолини перед приходом к власти, 21 июня 1921 г., публично заявлял, что главное стремление его партии — это покончить с марксизмом. Главарь Испанской фаланги Примо де Ривера возглашал: марксизм — «это знаменье конца цивилизации».

Все эти истерические выкрики против революционного рабочего движения, как известно, несколько не мешали фашистам изрыгать громовые проклятия в адрес либерально-буржуазной демократии и бросаться ультрарадикальными фразами. «Никогда, без сомнения, не существовало большего разрыва между революционными заявлениями и главной целью, целью контрреволюционной», — замечает автор, упоминая о фашистской пропаганде (с. 151).

Конечно, каждое фашистское движение в капиталистическом мире окрашивается специфическими историческими условиями и особыми интересами правящего класса в данной стране. Эти специфические национальные условия были отражены и в программных документах всех трех крупнейших фашистских партий. Но анализируя эти документы, Бурдерон без труда находит в них общее. Несмотря на все различия между германским и романским (итальянским и испанским) фашизмом, классовая суть его была одна и та же. Бурдерон прав, когда на вопрос, действовали ли в мире «фашизм или фашизмы», отвечает «фашизм». Антикommунизм, пишет он, представляет собой «ту точку соприкосновения, где сходятся фашизм, нацизм и фалангизм, причем основные обвинения, выдвигаемые ими в адрес марксизма, настолько схожи, что они даже формулируются зачастую в почти идентичных выражениях» (с. 44).

Все то, что пришло потом: и развязывание фашизмом мировой войны, и учреждение лагерей смерти, и идея создания всемирного ордена германо-фашистских неофеодалов, и план образования «тысячелетнего рейха», — все это явилось логическим следствием его принципов и установок.

Р. Бурдерон подтверждает, что полностью отождествлять массовость выступлений фашистов перед

войной с так называемым «бунтом среднего класса», как это сплошь и рядом все еще делают на Западе буржуазные историки, ошибочно. Да, некоторые призывы фашистских идеологов, такие, как требование «защиты частной собственности», неприятие парламентаризма, лозунг о завоевании «жизненного пространства», действительно побуждали обывателей голосовать на выборах за фашистов, а молодежь из той же среды — вступать в фашистские банды. Мелкая буржуазия, поступавшая, как она скоро это почувствовала, вопреки своим собственным жизненным интересам, была слепа, фашизм использовал ее как свое орудие, не дав ей взамен, по существу, ничего. Но подлинным патроном фашизма с самого начала стала другая, действительно могущественная и целеустремленная сила — монополистический капитал.

Захват фашистами власти, подчеркивает автор, неизменно осуществлялся «при прямом и активном соучастии значительной части крупной монополистической буржуазии» (с. 155), которая предоставила ему огромные политические и финансовые средства.

В книге приводится ряд фактов, пусть и не новых, указывающих, что именно так оно и было. Финансирование фашистов теми или иными представителями имущих классов, пишет автор, имело место начиная с возникновения фашистских организаций (с. 154). В Германии в финансировании фашистов участвовали Тиссен (предоставивший Гитлеру сто тысяч марок золотом), Крупп, Кирдорф и другие магнаты тяжелой промышленности Рура, баварские и рейнские дельцы, мюнхенские миллионерши Бехштейн и Брукмани.

11 октября 1971 г. один из сыновей Густава Круппа, выступая по телевидению, заявил, что его отец до прихода Гитлера к власти будто бы никаких денег тому не давал. Это ложь. В книге Бурдерона отмечается, что Гитлер еще 4 мая 1931 г. в интервью с журналистом Брайтингом прямо признался в получении субсидий от Круппа и других магнатов германского большого бизнеса. Замести следы не удалось.

Геббельс подтверждает в своем дневнике, ставшем достоянием гласности после войны, что в результате встречи 4 января 1933 г. Гитлера с кельнским бан-

киром Шредером финансовые дела нацистской партии «радикально» улучшились *. В «Комментариях» к официальной нацистской программе, составленных Г. Федером, личным подручным Гитлера, с которым тот начинал свою карьеру в Мюнхене, открыто превозносятся «заслуги» германских промышленных династий.

Субсидирование партии Муссолини промышленниками и аграриями началось еще в 1920 г., что дало фашистам возможность организовать свои боевые отряды, расчистившие дуче дорогу к власти. Вслед за тем финансирование взяла на себя сама верхушка промышленного капитала в Италии — так называемая «Конфиндустрия». В Испании тем же делом в начале 30-х гг. занялись крупные земельные собственники и промышленники, в частности нажившийся на контрабанде мультимиллионер Хуан Марч и представлявший дельцов Бильбао и Бискайский банк промышленник Х. Ф. де Лекерика. Фашистская партия Испанская фаланга возникла при участии и под давлением этих кругов.

Нет, не сбросить монополистическому капиталу Европы с себя исторической ответственности за распространение фашистской чумы в 30-х гг., не свалить свою вину на мелкую буржуазию!

Бурдерон прав и тогда, когда подчеркивает, что вина за чудовищные насилия, учинявшиеся в фашистских странах, лежит на самих фашистах и их предводителях. «Говорить, когда речь идет о фашизме, о «насилии со стороны масс», — пишет он, — абсолютно неправильно, даже если в той или иной фашистской акции участвуют сотни людей. В любом случае вопрос сводится исключительно к террористической акции боевого отряда» (с. 143—144).

Факт тот, что фашисты в захваченных ими странах, особенно в Германии, делали все, чтобы разжечь в массах зверские инстинкты насилия. И тогда

* Правда, некоторые замечания автора в этой связи звучат несколько непоследовательно. Так, например, на с. 150 он пишет, подчеркивая эти строки: *«Финансовая зависимость фашистских движений от капитализма и земельных собственников является препятствием для осуществления ими действительно независимой политической деятельности, даже в самых общих рамках поставленных ими перед собой целей»*. Как будто, если бы не было прямых субсидий от монополий, ультрареакционный фашизм проводил бы иную политику!

участвовавшие в бесчинствах люди оказывались полностью в их руках.

Фашистская пропаганда, подчеркивает Р. Бурдерон, с самого начала обращалась не к разуму, а исключительно к примитивным эмоциям. Надо отметить, что именно это вообще сыграло очень важную роль в пропагандистских успехах фашистов в предвоенные годы. Нацисты знали, как воздействовать на чувства масс в выгодном для фашизма направлении. В этом отношении Гитлер и Геббельс свое дело знали назубок.

Хотя в фашистской Италии и франкистской Испании лагерей смерти еще не было, начало терроризму было положено и там еще перед войной. Банды погромщиков «скуадроне д'ационе» и фалангистская милиция уже успешно учились у эсэсовцев.

В нацистских же лагерях дело доходило до какого-то неслыханного синтеза нечеловеческой жестокости с бизнесом. Волосы заключенных шли на изготовление домашних туфель и чулок, из зубных протезов добывалось золото, при производстве мыла использовался человеческий жир. Все оправдывала фашистская идеология, проповедовавшая «уничтожение слабых».

В своей книге Р. Бурдерон проанализировал большой фактический материал. Наиболее интересны разделы, разоблачающие фашистскую идеологию, несомненно самую низменную из когда-либо существовавших. Автор подчеркивает, что она исходила из центральной идеи о неравенстве людей как неизбежном законе природы. Классовое деление общества и классовое сознание людей вообще игнорируются. Отсюда и вывод об элите избранных натур, якобы единственно способных взять на себя ответственность за дело нации, и о вожде — о фюрере, дуче или каудильо. Тем самым проповедуется абсолютная, тотальная, неограниченная диктатура фашистов и тех, кто стоит за спиной этой элиты. Фюрер может делать то, что хочет, ему все позволено, ничего не запрещено. Как было сказано в самом уставе нацистской партии, ответственность он несет лишь «перед богом и перед историей», он «ясновидец», «земной бог». Под его началом распределение власти в фашистском государстве происходит сверху вниз, и неравенство людей закрепляется раз и навсегда.

Но чью политику осуществляли сами фюрер, дуче и каудильо? И тут обнаруживается другая, на деле не менее важная сторона фашизма — его теснейшая, кровная связь с империализмом. Он неотделим от него. Это подтвердилось как в Германии, так и в Италии, Испании, и без учета этой взаимосвязи ни фашизма Гитлера, ни фашизма Муссолини, ни фашизма Франко по-настоящему не понять. Полнокровный фашизм всегда наполнен крайне агрессивным империалистическим содержанием. И если он по воле своего главаря и его окружения бросается в страшную, угрожающую нации катастрофой войну, то ни один человек в стране, по идее фашистов, не вправе сказать «нет» или хотя бы даже подумать «нет».

Так и действовал фашизм в 20, 30 и 40-х гг., подчиняя, по существу, все империалистическим интересам крупной буржуазии. Гитлер стремился к захвату Европы, прикрывая агрессию лозунгом завоевания «жизненного пространства». Муссолини готовился к захвату значительной части Африки и к восстановлению под своей властью Римской империи как «бастиона латинской цивилизации». Франко мечтал о восстановлении испанского влияния в Южной Америке, что должно было вернуть Испании былую славу и богатство. Империализм использовал фашизм во всех трех странах, последовательно ведя его к величайшему преступлению в истории. И очень многое из идеологии старого фашизма по наследству передано новому.

Охват материала в книге весьма обширен и обстоятелен. В частности, автор уделил немало места испанскому фашизму, теме, которая за рубежами Испании до сей поры была недостаточно разработана и которая в связи с активизацией неофашизма в этой стране приобретает актуальность. Неофашисты за Пиринеями не сложили оружия.

Содержание книги Р. Бурдерона, очевидно, обогатилось бы, если бы он уделил внимание фашизму в его собственной стране, во Франции. Было бы интересно узнать и его ответ на вопрос: как могла стоявшая у власти французская крупная буржуазия, всегда смертельно боявшаяся германского милитаризма, в 1940 г. так легко отказаться от национальной независимости и стать на колени перед Гитлером?

Книга «Фашизм: идеология и практика», несомненно, ценный, строго обоснованный научный труд. Тем не менее она не лишена некоторых недостатков. Главный из них, с точки зрения пишущего эти строки, — отказ от оценки и критики современного неофашизма. Как действуют наследники Гитлера, Муссолини и Франко в наши дни? Здесь также требуется сравнительный анализ. Ведь именно такие вопросы теперь повсюду встают перед активными антифашистами, продолжающими дело Сопротивления. Одного анализа событий вчерашнего дня ныне недостаточно, его нужно дополнить изучением современных, новых фактов.

Доводы автора, объясняющие этот пробел в его работе, не очень убедительны. Он пишет: «Я сознательно исключил какое бы то ни было экстраполирование на события современности. Фашистские движения в тех классических формах, какие они приняли, возникли и прошли свой путь развития в специфичных исторических условиях, общие рамки которых я очень бегло набросал. Тема эта сложна сама по себе, и опасность впасть в упрощенчество, говоря о периоде между двумя войнами, достаточно велика, чтобы дополнительно увеличивать риск внесения путаницы аналогиями, справедливость которых следовало бы сначала доказать» (с. 19—20).

Но разве главное в «опасности путаницы», когда современные антифашисты говорят, например, о неонацистах или об основанной учениками Муссолини, насчитывающей сейчас 300 тысяч членов и яро рвущейся к власти неофашистской партии Итальянское социальное движение?

Отделять неофашизм от прошлого фашизма нельзя ни при каких обстоятельствах, наследственность налицо. Речь идет не о формальной, поверхностной аналогии, а о кровном родстве. Это одна линия, и новый фашизм исполнен решимостью взять реванш за разгром старого. Об этом надо помнить.

Конечно, неофашизм не во всем повторяет старый фашизм. Как всякая политическая сила, он в соответствии с изменившимися условиями применяет иную стратегию и тактику, выдвигает новые лозунги. Но сущность его от этого не меняется. Нечто со-

вершенно новое или иное он собой не представляет.

Далее. Говоря о гитлеровском фашизме, автор нигде не упоминает о так называемом «коричневом интернационале» — предвоенном сговоре фашистских партий и групп в разных странах, состоявшемся по инициативе и под руководством нацистов. Между тем сговор этот тогда, несомненно, сыграл свою роль, помогая Гитлеру прямо и косвенно оказывать влияние на правые круги Запада. Под названием «Антикоминтерн» Геббельс основал глобальную антикоммунистическую лигу с филиалами и диверсионными бандами в разных столицах капиталистического мира. В США филиал этой организации включил ряд небезызвестных американских реакционеров, в том числе конгрессмена Гамильтона Фиша, главаря Национального гражданского союза Ральфа Исли, бывшего военного разведчика А. Э. Стивенсона и некоторых других ультра. За кулисами прогитлеровской группировке в США тогда покровительствовал миллиардер и изоляционист Генри Форд.

Надо учесть, что современные неофашисты также неустанно пытаются сговориться друг с другом и скоординировать свои политические и террористические действия, о чем свидетельствует объединение их в «черный интернационал». На этот раз, в отличие от прошлого, западногерманским фашистам приходится делить руководство движением с их итальянскими партнерами, накопившими свежий опыт по части убийств и провокаций. Так или иначе, фашизм старается «интернационализироваться» и теперь.

Недостаточно, мне кажется, отражена в книге роль правой военщины при рождении фашизма и в дни его приближения к власти. Руководствуясь милитаристскими и империалистическими побуждениями, ультрареакционная военщина сыграла в 30-х гг. важнейшую роль в Германии, Италии и Испании, расчищая дорогу Гитлеру, Муссолини и Франко на верх буржуазного государства. Такие же тенденции заметны в кругах военщины в некоторых капиталистических странах и в наши дни. Факт взаимного притяжения между милитаризмом и фашизмом не теряет своего значения и в 80-е гг. Скорее его зна-

чение в связи с современной политикой Пентагона увеличивается.

Наконец, нельзя не пожалеть, что автор, так внимательно исследовавший сущность, идеологию, стратегию и тактику старого фашизма, не уделяет должного внимания одной из главных, помимо поддержки со стороны крупного промышленного и финансового капитала, причин, объясняющих успехи фашизма в те годы: отсутствию единства рабочего движения.

Тот, кто помнит то время, опять-таки знает, что если бы такое единство между коммунистами и социал-демократами было тогда своевременно обеспечено, то Гитлер, например, едва ли смог бы захватить власть. Большинство населения Германии было еще осенью 1932 г. на стороне левых. На выборах в рейхстаг 6 ноября 1932 г., за три месяца до назначения Гитлера рейхсканцлером, нацисты получили 11,73 млн. голосов, коммунисты и социал-демократы вместе 13,2 млн. Гитлеровцев *можно* было остановить и разгромить. Рабочие в Германии хотели и могли преградить дорогу фашизму. Но левые силы были разобщены, и это решило дело в пользу крайне правых сил и фашизма.

Мы знаем теперь, что так получилось по вине правых социал-демократических руководителей. Знаем и то, что политическая установка, смешивавшая в один лагерь рядовых социал-демократов и правых социал-демократических руководителей, ослабляла отпор фашизму. Это была трагедия германского рабочего класса, германского народа. Последствия прихода фашизма к власти и попустительства (мюнхенский сговор) его агрессивным устремлениям известны: 50 миллионов жизней унесла вторая мировая война.

Что привело Гитлера к власти — самый важный из всех вопросов, которые поставила перед современниками история фашизма. Лишь достаточно полный ответ на этот вопрос может верно осветить борьбу антифашистов в прошлом, настоящем и будущем.

Фашизм еще дышит. Известно, что лишь недавно, в конце 70-х — начале 80-х гг. совершенные фашистами взрывы бомб и покушения в Италии (Болонья), в ФРГ (Мюнхен, Гамбург) и Франции (Париж) при-

вели к многочисленным жертвам. Глава неонацистской террористической банды в ФРГ Кюнел заявил: «Общественность должна осознать, что в Германии есть нацисты». Он потребовал, чтобы партии Гитлера было разрешено восстановиться. В Италии неонацисты почти каждый день совершают кровавые преступления. В Испании организуются неонацистские заговоры. Терпимо ли все это? Простят ли будущие поколения нашим современникам такое терпение?

Неонацизм делает ставку на проводимую наиболее агрессивными кругами империалистической буржуазии политику обострения международной обстановки, возрождения «холодной войны». Но на этот раз антинацистские силы, прежде всего страны социализма, международное коммунистическое и рабочее движение, неизмеримо могущественнее, чем в прошлом. В 80-х годах антинацистские силы способны успешно противостоять фашизму и сокрушить его. Современный фашизм может и должен быть уничтожен в зародыше. Но забывать о прошлом, в том числе и о совершенных ранее антинацистами стратегических и тактических ошибках, недопустимо.

«Под каким бы названием фашизм ни выступал,— заявил в августе 1982 г. президент Международной федерации борцов Сопротивления А. Банфи,— он представляет серьезную опасность для демократии. Но пока живым остается дух единства, который воодушевлял Европу в борьбе Сопротивления, фашизм места себе не найдет».

Как уже сказано, книга Роже Бурдерона представляет собой несомненную научную ценность. И прочесть ее стоит каждому мыслящему современнику, который не хочет ждать новой катастрофы сложа руки.

ЭРНСТ ГЕНРИ

ВВЕДЕНИЕ

Фашизм возникает в Италии в марте 1919 г. и в ноябре 1921 г. конституируется в Национал-фашистскую партию (НФП). В 1920 г. на политической сцене в Мюнхене появляется Национал-социалистская рабочая партия Германии (НСДАП). В десятилетие между 1920 и 1930 гг. с переменным успехом создаются, развиваются, распадаются, влачат жалкое существование или же достигают процветания партии, чьи лозунги, организационные принципы, программы и идеологические установки обнаруживают в большей или меньшей мере родство скорее с итальянским фашизмом, чем с германским нацизмом.

Таким образом, фашизм сопутствует социальным потрясениям, порожденным первой мировой войной, потрясениям, ведущим одновременно к утверждению в его характерных чертах государственно-монополистического капитализма, к окончанию безраздельного господства в мире экономической системы капитализма. Результатом этих потрясений была также победа Октябрьской революции 1917 г. в России, сообщившая сильнейший революционный импульс рабочему движению и борьбе трудящихся за свои права. Импульс этот сопровождается в первую очередь появлением, а затем и утверждением коммунистических партий. Начиная с этого десятилетия во всех крупнейших капиталистических странах перед правящими классами, и особенно перед крупным монополистическим капиталом, встает вопрос об изменениях форм господства, вытекающих из внутренней эволюции самой капиталистической системы и новой ситуации, возникшей в результате появления социалистической страны, СССР, и коммунистических партий, главная цель которых — революционное преобразование общества, способное положить конец, как это сделала Октябрьская революция в Рос-

сии, господству капитала. Эта проблема смыкается в первую очередь с вопросом о природе и роли государства, его функциях, деятельности и способах воздействия на различные аспекты общественной жизни, включая и экономический.

Еще одно предварительное замечание мне кажется важным: фашизм пришел к власти — или захватил ее — в условиях многостороннего кризиса, охватившего все сферы национальной жизни в целом,— кризиса, который нельзя было свести просто к аспекту экономической конъюнктуры. В 1922 г. Италии пришлось столкнуться с трудностями во всех областях — экономической, социальной, политической, идеологической. Истоки их лежали в тех общих условиях, в которых она, победитель, обманутый в своих надеждах, вышла из первой мировой войны. Эти условия делали трудным, если не невозможным, «возврат к нормальному положению» в его прежнем виде, когда могло удерживаться и развиваться засилье господствующих классов — капиталистической буржуазии и крупных латифундистов. Быстрый рост НСДАП и приход Гитлера к власти в 1933 г. (после ряда лет, в течение которых нацизм топтался на месте) были составной частью в сложном политическом, социальном и экономическом процессе, главной пружиной которого являются многообразные обострения всех противоречий немецкого общества в результате кризиса, разразившегося в Германии начиная с 1930 г. И наконец, гражданская война в Испании, развязанная Франко в 1936 г., явилась завершением длительного кризисного процесса с его господствующими социальными и политическими аспектами,— процесса, отражающего нежелание значительной части правящих классов, в частности тех, кто был связан с иностранным капиталом и латифундиями, смириться с победой Народного фронта в 1936 г.

Таким образом, фашизм представляет собой как бы некоторого рода реакцию на структурный и конъюнктурный кризис, потрясающий европейское капиталистическое общество в период между двумя войнами. Но о какого рода реакции идет речь? Имеется ли в виду восстание средних классов, доведенных до отчаяния «революционными угрозами»

и своей собственной пролетаризацией? Или же, наоборот, речь идет о реакции, отвечающей целям монополистического капитала (поддерживаемого аграриями, играющими разную по значимости роль во всех странах, где фашисты приходят к власти), его стремлению приспособиться к новым реалиям, соответствующим данному этапу развития государственно-монополистического капитализма? Вопрос этот и поныне продолжает быть предметом спора. Практика фашистских партий, находящихся у власти, дает на него частичный ответ. Но тут следует задать себе еще один вопрос, с тем чтобы попытаться определить, кто же, по сути дела, может быть заинтересован в программе, идеологической тематике и практических действиях фашистов, что же такое представляют собой эти партии, какие цели они ставят перед собой, каковы их действия до захвата власти? Для того чтобы познать явление и его воздействие на общество, важно приступить к изучению каждого из его компонентов, начиная с отправной точки, его истоков, и вскрыть его внутреннюю логику, стараясь при этом не ограничиваться одними лишь идеологическими или программными углами зрения, а исследовать одновременно с этими двумя аспектами организацию и практическую деятельность партий, ибо именно посредством организации и практической деятельности они входят в непосредственный контакт с жизнью общества, составной частью которого они становятся.

Никаких иных целей это эссе перед собой не ставит. Таким образом, круг проблем нами строго ограничен: путем исследования программ, идеологии и практики каждого из основных фашистских течений — итальянского фашизма, германского нацизма и испанского фалангизма — попытаться определить их классовое содержание, что позволит лучше понять, почему и как они пришли к власти.

И наконец, мне представляются важными два методологических замечания.

Я сознательно исключил какое бы то ни было экстраполирование на события современности. Фашистские движения в тех классических формах, какие они приняли, возникли и прошли свой путь развития в специфических исторических условиях, общие

рамки которых я очень бегло набросал. Тема эта сложна сама по себе, и опасность впасть в упрощенчество, говоря о периоде между двумя войнами, достаточно велика, чтобы дополнительно увеличивать риск внесения путаницы аналогиями, справедливость которых следовало бы сначала доказать*. В то же время я пытаюсь внести свою лепту в ответ на вопрос: «фашизм или фашизмы»? Является ли каждое из рассматриваемых движений специфичным со всех точек зрения, в корне отличным от других движений (в частности, если говорить о нацизме по отношению к фашизму и фалангизму) или же, наоборот, можно говорить, основываясь на реальных и очень важных к тому же особенностях, связанных с национальной ситуацией, в которой эти движения осуществляют свою деятельность, об их однородности и совпадениях в коренных вопросах? Вопрос этот не академический. В первом случае сталкиваешься с разрозненностью отдельных явлений, во втором можно прийти к лучшему пониманию всего явления в целом. Именно это и заставило меня склониться в пользу сравнительно-исторического анализа.

Я не закрываю глаза на тот риск, с которым связан анализ подобного типа, и в частности на опасность насильственно свести к общему знаменателю ситуации различные и бесконечно сложные в своей исторической реальности. И все-таки лишь подобный анализ может, на мой взгляд, дать ответ на ранее поставленный вопрос — фашизм или же фашизмы, т. е. привести к определенной типизации явления. Кроме того, на всех этапах анализа я насколько возможно стремился проводить различие между тем, что, как мне кажется, имеет общую значимость для определения и понимания фашизма, и тем, что отвечает частностям, свойственным каждому из рассматриваемых случаев, исторической преемственности, специфичности ситуации.

* О неубедительности отказа автора от оценки современного неофашизма см. во вступительной статье (с. 13—14). — *Прим. ред.*

Глава первая

ПРОГРАММЫ

Первой программой «фашистского» (слово это тогда еще не привилось) движения была программа итальянских боевых отрядов (*fasci italiani di combattimento*) от 23 марта 1919 г., но, по сути дела, программа фашизма (она была опубликована 27 декабря 1921 г. в газете «Иль пополо д'Италия») увидела свет лишь после того, как была конституирована Национал-фашистская партия, в момент захвата власти Муссолини. Тем временем в Мюнхене 24 февраля 1920 г. была опубликована программа НСДАП.

Программа Испанской фаланги, опубликованная в 1934 г. и заново принятая в 1937 г. во время гражданской войны, когда Франко была создана единая партия, увидела свет годы спустя — итальянские фашисты уже несколько лет находились у власти, а Гитлер стал рейхсканцлером. Этот манифест соответствует полному апогею «фашистских» движений, отсюда, быть может, и большая четкость, большая точность в формулировке тех или иных целей, самоуверенность, граничащая с наглостью в тоне. В то время как фашистская программа 1921 г. предстает прежде всего как изложение основополагающих принципов, нацистская программа в отличие от этого является преимущественно перечислением требований, а фалангистская программа включает одновременно основные принципы движения и перечисление тех решений, которые предлагаются для первостепенных политических, социальных и экономических проблем Испании.

АНАЛИЗ ПРОГРАММ

Каково же содержание этих программ? Тематический анализ должен привести к определению точек

соприкосновения, возможных расхождений и некоторых отличительных черт. Несколько ведущих тем, хотя и различных по своей значимости, присутствуют, по сути дела, повсюду: полная переоценка роли нации и государства, увязываемая с четко утверждаемой империалистской направленностью, необходимость обновления политической жизни, решение социальной проблемы и отсюда определение места индивидуума в обществе, позиция в отношении церкви. Удовлетворимся поначалу тем, что просто покажем программы в том виде, как они были предложены общественному мнению в каждой из стран*.

Переоценка роли нации и государства

1. Нация

Нация определяется как *вечная реальность*, независимая как от входящего в нее народонаселения, так и от перипетий истории, и занимает наипервейшее место в каждой из программ. Ее не следует смешивать ни с общностью людей, причисляющих себя к ней, ни с совокупностью людей, заселяющих страну. Она *«высший синтез»* материальных и духовных ценностей расы (программа НФП), *«высшая реальность»* страны, которой *безоговорочно* подчинены все интересы, индивидуальные или же общественные (программа Фаланги). Таким образом, нация нечто бесконечно более высокое, чем все входящие в нее компоненты — индивидуумы, группы, классы. Ее не следует смешивать ни с одним из них, они занимают в отношении к ней полностью подчиненное место.

По утверждению фалангистов, она — *«единство судьбы во всеобщности»*, в своей основе она вечна, и исходя из этого всякий сепаратизм преступен по своей сути.

Эта идея вечности нации подспудно присутствует в программе НСДАП, но в ней появляется новая

* Дальнейшее изложение программных положений наглядно покажет циничное лицемерие фашистских идеологов, довольно часто использовавших политические лозунги и терминологию социализма для осуществления прямо противоположных ему целей. — *Прим. ред.*

величина — *расизм*. Немцы определяются *общностью крови*. Постоянство крови лежит в основе вечности нации. Сохранение чистоты крови полагается основной национальной целью.

2. Империалистические устремления

Они, как утверждается, рождаются самой историей и проистекают из особого характера нации, ее своеобразия, обуславливая ее основную *миссию*. Так, Италия — это *«бастион латинской цивилизации»* в Средиземноморье, и исходя из этой посылки провозглашается и узаконивается территориальная экспансия. У фалангистов — «имперские устремления». Они заявляют, что Испания будет стремиться к обретению заново своей славы и богатства на морях, и провозглашают ее *духовным вождем испанского мира*. Эти империалистские устремления утверждаются равным образом и НСДАП, правда с довольно отличными от фалангистских мотивировками, но также привязанными по меньшей мере в какой-то своей части к наследию исторического порядка, которое во всех прочих программах занимает преимущественное место. В данном случае эти устремления основаны на необходимости *сплочения германского общества*, которое зиждется на кровных связях, в *Великую Германию*. Таким образом, расистское обоснование ставится тут во главу угла. К этому присовокупляются «объективные» потребности немецкого народа в том, чтобы прокормиться и утвердиться (эти потребности позже найдут свое выражение в быстро завоевавшей известность формуле «жизненного пространства»). И наконец, приводятся ссылки на новейшую историю: путь к признанию за немецким народом права на объединение пролегает через отмену договоров 1919 г.*

3. Государство

Государство находится полностью на службе нации во всех ее основных устремлениях. Оно является *«ее юридическим воплощением»*, уточняет НФП.

* Эти договоры положили конец первой мировой войне. Вместе с тем грабительские условия Версальского договора дали в руки немецкому фашизму оружие для националистической, реваншистской демагогии. — *Прим. ред.*

Являясь всего лишь исполнителем воли нации, оно получает определение *национального государства*, стоящего над любыми частными интересами. Прилагательное подчеркивает четкую расстановку акцентов. Нацистская программа не употребляет этот эпитет, но особая оговорка, что лица, не пользующиеся правами гражданства (в частности, евреи) и определяемые согласно расовому критерию, не допускаются к управлению государством, дает понять, что национальное государство для Германии идентично с *расовым государством*.

Требование сильной власти вытекает из определения взаимоотношений между нацией и государством. Если власть государства и должна сводиться к основным его функциям политического и юридического плана, что предполагает невмешательство в предпринимательскую сферу, она от этого не утрачивает в какой бы то ни было мере своего полностью суверенного характера. И, говоря о суверенности, коснемся походя вопроса о передаче суверенных прав нации государству. Поскольку оно является «ревностным стражем» национальных интересов, его престиж должен быть восстановлен — так утверждает итальянский фашизм. Фаланга открыто заявляет, что государство будет «*тоталитарным орудием*», служащим неприкосновенности отечества. НСДАП требует могущественной централизованной власти и публично провозглашает политический централизм.

Итак, все три программы настаивают на восстановлении сильной политической власти, движущей силы в «высоких» свершениях нации. Тут же заметим, что это требование идет вразрез с концепциями либерального государства, примиряющего и согласующего во имя всеобщего блага противоречивые интересы. В данном случае государство провозглашается не чем иным, как острием единой воли нации.

4. Армия

Реализация националистических и империалистических проектов предполагает наличие армии, находящейся на высоте стоящих перед нею задач. Если в программе 1919 г. на национальные милицейские силы возлагалась лишь оборонительная роль, то в программе НФП 1921 г. открыто провозглашается

милитаризация страны. НСДАП, более прагматично настроенная, два года спустя после Версальского договора заявляет о своем решении бороться за перевооружение Германии. Что касается фалангистов, они не только желают дать Испании армию, в которой она нуждается, чтобы занять соответствующее положение в мире, но и намерены превратить армию в живой «эталон» добродетелей, к которым следует стремиться. Вся жизнь Испании будет проникнута военным духом.

5. Вывод

Все три программы совпадают в основных вопросах, касающихся нации, государства, империалистских устремлений. Анализ позволяет сделать заключение относительно их общей позиции. Имеются нюансы в формулировках, можно обнаружить различия в обоснованиях, но они являются результатом различных исторических условий, в которых находилась каждая из партий. Совпадение же основных позиций поразительно.

«Обновление» политической жизни

В этом вопросе также четко прослеживается сходство трех программ. С одной стороны, они сходятся в том, что ставят под вопрос парламентарные режимы, плод представительной либеральной системы, с другой — они утверждают необходимость полностью изменить политические нравы.

НФП ограничивается требованием урезать прерогативы парламента, но это требование обретает чрезвычайно сильное звучание, поскольку оно входит составной частью в определение новой роли государства. В то же время НСДАП и Фаланга занимают более резкую позицию. Они наотрез отвергают парламентарную практику. Нападки неприкрыто или косвенно направлены в адрес политических партий, повинных в плачевном состоянии политических нравов. Если НФП ограничивается в отношении них намеками, НСДАП обвиняет их в аморальности, то Фаланга без обиняков ратует за радикальное их упразднение.

Итак, провозглашено *оздоровление политической жизни*. Но нет ясности в отношении мер, кроме мер

негативных. То есть в данном случае была просто-напросто провозглашена принципиальная позиция, но хранилось молчание в отношении предусматриваемых позитивных решений. Подчеркнем этот важный пробел в программах партий, добивающихся власти.

«Решение» социальной проблемы

Во всех программах важное место занимают экономические и социальные проблемы: частная собственность, борьба классов, организация общества, социальное продвижение. Это вопросы, затрагиваемые в большей или меньшей мере и с большей или меньшей степенью ясности.

1. Частная собственность

Она со всей определенностью утверждается НФП и Фалангой. За нею признаются индивидуальные, семейные и общественные функции. Она является правом. Если нацистская программа 1920 г. и не содержит недвусмысленного признания частной собственности, то она и не ставит ее под вопрос и выступает в первую очередь в защиту интересов среднего класса, что предполагает существование частной собственности. Кстати, в 1927 г. Г. Федер в «Комментариях» к программе уточняет, что национал-социализм признает как один из своих принципов частную собственность и ставит ее под охрану государства.

В то же время обличаются *злоупотребления* частной собственностью, ибо собственность является, помимо всего прочего, *источником обязательств* в отношении общества. Поэтому неограниченное пользование частной собственностью не всегда законно. Злоупотребления со стороны частных интересов и финансового капитала, равно как и *«капиталистическая система, обезчеловечивающая частную собственность»**, становятся объектом нападок фалангистов. Но в то же время фашисты и фалангисты чаще всего ограничиваются лишь провозглашением принципа. Предусматриваемые программой 1919 г. час-

* Это одно из типичных для фашистских программ демагогических утверждений, направленных на обман народа.—Прим. ред.

тичная экспроприация богатств, национализация военно-промышленных предприятий исчезают из программы 1921 г. Нацистская программа 1920 г. содержит более радикальное обличение злоупотреблений и включает перечень мер, которые необходимо принять: покончить с нерабочими доходами, с сосредоточением прибылей в одних руках, провести конфискацию военных доходов, экспроприацию крупнейших магазинов, национализацию трестов. Но это последнее мероприятие в 1927 г. было сведено лишь к акционерным предприятиям или же предприятиям с ограниченной ответственностью. В то же время в «Комментариях» Г. Федерера превозносятся заслуги крупных промышленных династий, создателей германской индустрии.

Тем не менее *предпочтение* со всей определенностью отдается мелкой и средней собственности. Это относится как к собственности индустриальной, так и торговой, а там, где программа касается аграрных проблем, и к собственности земельной. Например, фалангисты, чья программа в области сельского хозяйства отличается большой четкостью, ставят своей целью *распределение полезных земель*, с тем чтобы утвердить *семейную собственность*. А когда нацисты в 1920 г. выдвигают требование аграрной реформы, она предполагает по меньшей мере консолидацию семейной собственности, несмотря на угрозы раздела земли, содержащиеся в подтексте. Следует, однако, признать, что в дальнейшем ими будет подчеркиваться социальная роль всех форм земельной собственности.

2. Корпорации

Во всех программах высказывается намерение оказывать содействие профессиональным организациям, в которые входили бы лица, принадлежащие к определенной профессии, каким бы ни было их социальное положение и место на производстве, или же способствовать созданию таких организаций. Таким образом, «корпорация» призвана объединить рабочих, служащих, инженерно-технических работников и предпринимателей. Нацистская программа проявляет наибольшую сдержанность в этом вопросе, тем не менее корпоративная организация появля-

ется на сцену вместе с проектом создания *профессиональных палат*, призванных следить за соблюдением законов. НФП и Фаланга занимают более недвусмысленную позицию. Корпорация — это средство *укрепления национальной солидарности* (вместо того чтобы противопоставлять друг другу социальные классы, она их перестраивает) и *развития производства*, которая благодаря ей переходит полностью на службу нации. Таким образом, корпорация рассматривается как одна из основных структур социальной организации.

3. Классовая борьба

Если наличие социальных классов и возможность конфликтов между ними всего лишь не отрицаются, то намерения определены в программах со всей четкостью: следует *упорядочить борьбу интересов* между социальными классами. Частные интересы классов должны быть безоговорочно подчинены интересам национальным. Таким образом, социальные битвы в той степени, в какой они наносят вред нации, не будут допускаться. НФП, к примеру, заявляет об укреплении мер, направленных против рабочих (соблюдение запрета на забастовки в сфере коммунального обслуживания).

Но прежде всего корпоративная организация направлена на ликвидацию социальных конфликтов: поскольку «*производители*» представляют собой отныне некое органическое целое, социальные классы растворятся в корпорации и социальные антагонизмы должны исчезнуть.

Нацистская программа подходит к проблеме по-своему. В ней, несомненно, нашел известное отражение отказ от классовой борьбы. Программа выступает за участие трудящихся в доходах предприятия. Но центр внимания переносится с классовой борьбы — она вовсе не упоминается — прежде всего на *борьбу расовую* в форме утверждения как основополагающего момента солидарности граждан перед лицом тех, кто ими не является, — немцев перед лицом немцев. Противопоставление немцев немцам носит не только национальный характер (целью его является объединение всех немцев в Великую Германию) и не только характер политический (исключение «неграж-

дан» из жизни государства). Оно равным образом проявляется и в экономическом, и в социальном плане: государство должно предоставлять средства существования гражданам. Если страна не может обеспечить пропитание всему населению, значит, следует изгнать лиц, не являющихся гражданами. При этом должна быть запрещена иммиграция немцев. Так, ксенофобия и антисемитизм заступают место классовой борьбы, и по меньшей мере в виде тенденции, выраженной в программе НСДАП, расовая борьба подменяет борьбу классовую.

Вывод. Социальные противоречия должны смягчиться или исчезнуть благодаря интеграции социальных групп и классов в одно и то же сообщество — синдикат производителей, корпорацию, расовое сообщество. Таким образом, основополагающая национальная солидарность возьмет верх над принадлежностью к различным социальным классам.

4. Роль обучения

Каждая из программ настоятельно останавливается на проблемах обучения, рассматриваемых в двойном аспекте — национальных интересов и социального продвижения. В этом вопросе программы совпадают полностью.

Национальные интересы требуют формирования кадров, необходимых для того, чтобы вести нацию путями славы. Но кроме того, школа должна ковать души, закалять их. Она должна *внедрять национальный дух*, который объединял бы индивидуумов в общество. Таким образом, провозглашается необходимость *воспитания в национальном духе*.

Социальное продвижение с помощью обучения позволит каждому и любому, независимо от его социальной принадлежности и происхождения, подняться по социальной лестнице. Таким путем «все, кто этого заслуживает», «лучшие элементы внутри каждого класса», «все немцы, одаренные и трудолюбивые», смогут своим трудом, с помощью своего таланта, своих данных подняться до самых высших слоев нации. Тем самым благодаря *личным заслугам*, делающим возможным индивидуальное продвижение, «уничтожаются» социальные различия. Перед всеми открывается надежда войти в правящую элиту

страны. Эта же элита, таким образом, якобы постоянно обновляется за счет непрерывного поступления новых талантов из всех классов общества. К тому же настоятельно подчеркивается, что никакой дар не пропадет втуне из-за отсутствия экономических средств. Достаточно-де одаренности и трудолюбия, чтобы достичь самых высоких руководящих постов*.

5. Вывод

Социальная организация, основанная на разумно ограниченной частной собственности, где исчезнут все злоупотребления, поставит все наличные силы на службу нации. Социальные классы, согласно фашистским программам, будучи интегрированными в национальное сообщество и организованными в корпорации, в конце концов исчезнут благодаря обучению, источнику обновления руководящих кадров путем индивидуального продвижения. Результатом этого явится социальный организм, функционирующий в условиях единодушия в национальных устремлениях.

В то же время определяется истинное место индивидуума в национальном организме. Он получает полное признание лишь в рамках сообщества, в котором он интегрирован и которое находится над ним.

Позиция в отношении церкви

Этот вопрос в программах, без сомнения, является отнюдь не первостепенным по важности. Однако следует отметить, что все партии занимаются им. Они настоятельно выдвигают принцип *независимости государства* по отношению к церкви. Государство не может допустить вмешательства, угрожающего его суверенитету и могущего подвергнуть опасности его существование. Исходя из того что государство является исключительно орудием национальной воли, эта позиция дает возможность подчеркнуть, что никакая сила, стоящая вне нации, будь она даже духовная, не в состоянии повлиять на ее судьбы.

Но это утверждение независимости не помешало НСДАП и Фаланге примкнуть к *христианскому*

* На деле, как известно, ни о каком «социальном продвижении» трудящихся низов при фашизме не было и не могло быть речи. — *Прим. ред.*

мировоззрению. В программе НФП не было ничего похожего. Однако в 1919 г. программа итальянских фашистов содержала откровенно антиклерикальные положения, которые в программе 1921 г. уже отсутствовали. НСДАП выступает за «конструктивное христианство», не раскрывая при этом сколько-нибудь его содержания. Что же касается Фаланги, она внесет в национальное переустройство католические взгляды. И в заключение следует сказать, что отсутствие прямых ссылок на религию в фашистской программе не помешает Муссолини признавать в своих речах католическую миссию Рима.

ПОПЫТКА ТИПОЛОГИЗАЦИИ

Анализ различных программ позволяет установить сходство между ними. Более же систематическое изложение тем, исследование свойственной той или иной программе манеры подачи материала, размышления относительно степени оригинальности позволяют нам уточнить характерные особенности фашистских программ.

Тематическая направленность

В каждой из программ обнаруживается определенный круг тем, с большей или меньшей четкостью сформулированных, на которых делается больший или меньший упор в зависимости от обстоятельств, связанных с моментом и исторической преемственностью, но всегда отчетливо различаемых. Ни в одной из программ не содержится какого-либо фундаментального положения, которого не встречалось бы в других. Те или иные частные положения в одних программах содержатся, в других их нет, но все они связаны с каким-либо более общим положением. Например, в программе НСДАП расизм — это своеобразная разработка темы национализма, причем он соотнесен с нею.

Таким образом, сам перечень тем для начала уже дает возможность охарактеризовать программы фашистских движений:

— преимущественный, целостный примат национализма;

- империалистские устремления;
- всемогущество национального государства;
- значительная роль армии;
- обличение либеральной парламентарной системы;
- стремление к обновлению политических нравов;
- корпоративный принцип;
- признание частной собственности, но обличение порождаемых ею злоупотреблений;
- предпочтение, отдаваемое мелким и средним предприятиям;
- проблема борьбы классов снимается путем национальной солидарности;
- национальная роль школы;
- обновление ведущих слоев общества через индивидуальные усилия и образование: роль обучения в этой связи;
- интеграция индивидуума в определенный ряд сообществ;
- утверждение независимости государства от церковных организаций.

Форма подачи материала

Каждая из программ дана в форме определенного числа утверждаемых принципов и перечня обещаний.

Утверждение принципов охватывает основы национальной жизни (нация, империализм, сообщества, спланивающие и объединяющие социальные группы). Изложение принципов дается без какой-либо мысли об их рациональном обосновании. Нет и намека на попытку доказать что-либо. Принципы представлены как бесспорные истины, сами собой разумеющиеся, о чем бы ни шла речь — об извечной ли этике (общие интересы господствуют над частными) или же национальной истории (латинский дух, «испанизм»). Цель такой манеры подачи ясна, она в том, чтобы пленить умы, а не убеждать.

Перечень обещаний содержит как декларацию политических намерений движения (усиление авторитета государства, армии и т. д.), так и более или менее четкие требования, выполнение которых удовлетворило бы различные слои населения. Этот перечень заслуживает кое-каких комментариев.

При раздаче обещаний учтены все и вся, за исключением тех, кто «злоупотребляет» правом собственности. В отношении них не дается сколько-нибудь четкого определения, а в программе фашистской партии о них и вовсе речи нет. Не упоминаются и возможные противоречия, которые могли бы возникнуть при единовременном выполнении некоторых обещаний, относящихся к категориям, чьи интересы расходятся (собственники, средние классы, рабочие и т. д.).

К тому же в программах чаще всего предпочитают не выходить за рамки расплывчатых терминов, и фразеологические уточнения в тех или иных случаях все же не могут скрыть самого общего характера сформулированных предложений. Единственное заслуживающее внимания исключение составляет та часть фалангистской программы, которая посвящена аграрным проблемам и в которой дается перечисление конкретных обещаний. Объяснение этому лежит в остроте вопроса, в степени недовольства бедного крестьянства и сельскохозяйственного пролетариата, в важности той массовой базы, которую они могут представлять. При этом конкретность, присутствующая, пока речь идет о декларируемых посулах, исчезает, как только дело доходит до способов их реализации. Во всех случаях программы, по сути дела, отличаются большой сдержанностью в вопросе претворения в жизнь даваемых обещаний, а то и вовсе обходят его молчанием. В них охотно перечисляется все, что следует сделать, но не говорится, каким образом это будет достигнуто.

Зато предусмотрены меры в отношении нежелательных элементов, которые явятся препятствием в осуществлении программы (люди, не являющиеся гражданами, евреи...). Так, беспорядки в обществе, судя по всему, возникают не из-за напряженности внутреннего положения, а из-за *паразитарных элементов*, которых достаточно убрать, чтобы снова воцарился порядок. Таким образом, речь, по существу, идет не столько о переустройстве общества, сколько о том, чтобы изъять из него личности, наносящие ему вред. В последующем мы еще раз вернемся к этому существенному аспекту.

«Оригинальность» содержания

Каждая из программ предстает как связанное целое, идущее от общих проблем (определение нации) к проблемам частным, достигающее разительного эффекта категоричностью утверждений. Таким образом, создается впечатление — и этому способствует уверенность тона — действительно новаторской политической платформы.

Ну а если присмотреться поближе, оправданно ли это впечатление? Замечаешь, что, по сути, ни одно из тематических направлений, ни одно из требований не является присущим только лишь рассматриваемой программе. Без сомнения, в ней можно обнаружить *заострение* известных принципиальных позиций. К примеру, особый упор делается на национальном вопросе или же проблеме всемогущества государства. Но это не мешает тому, что составные элементы всех программ нахватаны отовсюду понемножку. В них можно узнать излюбленные темы большей части течений, входящих в политический спектр.

Наиболее ясны, вне всякого сомнения, *заимствования у классического правого и крайне правого крыла*: национализм (усиленный, если говорить о немецкой программе, расистской нотой), империализм, роль, отводимая армии, критика парламентаризма. Лепта, внесенная социальной доктриной церкви, сочетается со взглядами некоторых правых кругов в вопросе корпоративной организации, призванной «снять» борьбу классов. Тут одна лишь нацистская программа, согласно которой расовый антагонизм занимает место антагонизма социального, вносит несомненный оттенок своеобычности, хотя речь идет скорее об упорядочении ранее существовавших тенденций, чем об истинной новации.

Никак не следует недооценивать то, что привнесено в программы *правым и левым центрами либеральной демократии*. Об этом свидетельствует как идея необходимости защиты частной собственности от злоупотреблений капитализма, так и мысль о социальном продвижении с помощью образования, призванном обновить правящие круги. Оба этих тематических направления дороги съездам французских радикалов. И наконец, не обошлось дело и без *реформист-*

ского социализма: превозношение труда и трудящихся, обличение монополий, борьба против спекулянтов, национализация тех или иных отраслей и в этой связи тенденция к соучастию в управлении (так, например, в программе фалангистов рассматривается управление коммунальным хозяйством, осуществляемое корпорациями) *.

Таким образом, в конечном итоге каждая из программ является не чем иным, как *амальгамой* элементов, почерпнутых из арсенала всех политических течений либеральной демократии, включая партии, входящие во II Интернационал, но, подчеркнем это, *исключая коммунистические партии*, объединенные в III Интернационале. Эти элементы попросту накладываются один на другой, причем не было предпринято попытки достигнуть их синтеза. Разве что отдельные привнесенные элементы выражены более четко и с большей систематичностью, чем в своих истоках. Вот почему, как мы уже об этом говорили, многие могут обнаружить в этих программах свои собственные устремления. Какова бы ни была социальная или политическая принадлежность многих людей, они смогут найти в них отклик на занимающие их вопросы и обнаружить по крайней мере общность с некоторыми своими политическими симпатиями. В этом *главная общая черта*, объединяющая все три фашистские программы, и ею, на мой взгляд, определяется их своеобычность. Будучи гетерогенными, поскольку они состоят из заимствований, к которым едва была приложена рука, из всех классических политических течений, они призваны служить объединению приверженцев всех этих течений под фашистскими знаменами. Но подобное объединение состоится не потому, что люди и социальные прослойки, ждущие смены вех, осознают общность своих интересов. Это объединение произойдет исходя из *частных интересов*, присущих каждому индивидууму и каждой прослойке,— интересов, нашедших отражение в платформе фашистского движения. Причем наживкой для них явится неизменная ссылка

* В действительности все такие заманчивые обещания фашистских партий, сделанные в программах накануне прихода к власти, затем ими цинично были отброшены. — *Прим. ред.*

на высшие интересы нации. Фашистская программа может быть уподоблена одежде арлекина.

Вывод: сочетание демагогии с конъюнктурой

Таким образом, эти программы сочетают очень разнородные, по сути своей противоречивые элементы, даже если при этом они восходят к течениям, фактически признающим существующую социальную систему и порядок. Возникает вопрос: выполнимы ли эти программы или же, точнее, выработаны ли они для того, чтобы быть выполненными? Не являются ли некоторые из обещаний рассчитанной мистификацией? Короче говоря — и это объективная констатация, а не моральная оценка, — не демагогичны ли эти программы по своей сути? Попытаемся же ответить на эти вопросы.

С одной стороны, впечатление демагогичности очень подкрепляет тот факт, что выполнение обещаний ставится в зависимость от четко выраженного и способного развязать страсти масс стремления изъять из социального организма засевших в нем паразитов, мешающих его гармоничному функционированию. С другой стороны, мы можем констатировать в ряду разнородных элементов, из которых состоят фашистские программы, наличие некой *фактической иерархии*, и это не удастся скрыть. На самом деле основные положения доктрин и утверждаемых принципов восходят к политическим идеям крайне правого и в меньшей степени правого крыла. Так, истинным стержнем программ, как мы убедились, является национализм. Лишь в перечне обещаний и способов устранения некоторых социальных неполадок обнаруживают себя, скорее, иные политические истоки. Но в этой связи небезынтересно подчеркнуть, что как в программе итальянского фашизма 1921 г. по сравнению с программой фашистов 1919 г., так и в комментариях к публикации нацистской программы в 1927 г. в сравнении с нацистской программой 1921 г. можно проследить сокращение, а иногда и полное исчезновение социальных мероприятий, заимствованных у реформистского социализма.

Более того, сами основатели фашистских движений недвусмысленно определили свое отношение к

программам. Для Муссолини, как и для Хосе Антонио Примо де Риверы, основателя испанской Фаланги, нет никакой нужды в программах. Поставленные вопросы будут решаться не программой, а деятельностью людей, принявших решение действовать в соответствии с некоторыми основополагающими принципами. Значимость того, что поставлено на карту, делает смехотворными всякие программы. В сентябре 1922 г., по прошествии более года с момента принятия программы НФП, Муссолини сделал следующее заявление в Удине:

«Нас спрашивают, какая у нас программа. Наша программа проста: мы хотим управлять Италией. О программах говорят и более, чем следует. Италия нуждается не в программах оздоровления, а в людях и устремлениях» (цит. в: Guichonnet P. L'Italie L. J. Hatier-Université, p. 221).

Что касается Примо де Риверы, то он уже в том же году, когда были опубликованы 26 пунктов Фаланги, заявляет в своей речи от 4 марта 1934 г.:

«Говорят, что у нас нет программы. Более того, если бы мы располагали полной программой, мы были бы все лишь еще одной партией и походили бы на наши собственные карикатуры»^{1*}.

Но вот Гитлер не отрицает полезности программы, скорее наоборот. Однако он уточняет, что программа — не что иное, как место встречи известного числа предложений, собранных воедино исключительно с мыслью о разнородности людей, к которым они обращены.

В «Майн кампф» он формулирует это так:

«Если для того, чтобы наши замыслы увенчались победой, мы должны их воплотить в боевую партию, то отсюда логически следует вывод, что программа этой последней должна быть рассчитанной на тот человеческий материал, которым мы располагаем» (курсив мой.— Р. Б.) (с. 455)².

Это означает, что программу не следует принимать дословно и что не следует особенно удивляться, если она окажется невыполненной, когда фашистское движение придет к власти. Это объясняет заодно и

* Примечания автора, обозначенные цифрами, см. в конце книги.

ее гетерогенность, и, таким образом, становится понятным, как можно одним махом пускать в обращение программу НФП или же «26 пунктов Фаланги» и выступать с отрицанием значимости какой бы то ни было программы. Но заодно это свидетельствует и о том, что программа — не более как наживка, цель которой содействовать объединению людей всех политических взглядов, а следовательно, что она носит сугубо конъюнктурный характер. Именно поэтому уточнение способов претворения ее в жизнь, которые, как мы заметили, отсутствуют в ней, является совершенно ненужным. По сути дела, сами зачинатели *фашистских движений подразумевают или же открыто заявляют, что их программы демагогичны.*

Таким образом, фашистские программы предстают как платформы для действий, тесно увязанные с политическим моментом. Но источником основополагающих идей, в частности идеи интегрального национализма, центрального пункта программы, равно как и проекта авторитарной реформы государства, являются политические круги крайне правого направления.

Глава вторая

ОБЩИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Методологический подход

Основные идеологические направления, являющиеся наиболее существенными для каждой из партий, выражены в фашистской, нацистской и фалангистской программах языком политических действий или же кратко резюмированы в виде нескольких формул. Нам предстоит дать краткое определение этих идеологических направлений, с тем чтобы попытаться исходя из них вывести общую основу, которая позволила бы дать определение фашистской идеологии. В источниках нехватки нет: выступления и все писания Муссолини, работы философа Джентиле, «Итальянская энциклопедия», популяризаторские работы идеологов толка Преццолини, Валенциани или Горголини — все они представляют собой источники, необходимые для изучения итальянского фашизма. Для нацизма основной книгой в большей степени, чем «Миф XX века» Розенберга, идеологические тексты НСДАП, писания и тексты выступлений нацистских главарей, комментирующих мысли фюрера, является гитлеровская «Майн кампф». Не менее обильной документацией располагает и франкизм: в период, предшествующий гражданской войне, определение фалангизма дается Хосе Антонио Примо де Риверой, чьи идеи в первые годы франкизма являются постоянным идеологическим ориентиром фалангистского движения в Испании. Выступления Франко и франкистских главарей касаются тех идеологических проблем, которые затронуты равным образом и в книге В. А. Маркотте «Национал-синдикалистская Испания». К слову сказать, программа Фаланги занимается рассмотрением идеологических

вопросов в значительно большей степени, чем фашистская или нацистская программы.

В то же время, несмотря на то что документация в общем обильна, поставленная нами перед собой задача не из легких. Каждое из движений несет на себе достаточно четкую печать своих национальных истоков, чтобы выглядеть специфичным в идеологическом плане. Расистская одержимость нацизма, которую, кстати, нигде более не встретишь, увеличивает это впечатление ни с чем не сравнимой своеобразности. Само собой разумеющиеся различия в стиле и форме подачи материала подчеркивают расхождения. Нет ничего общего между замечаниями Джентиле и высокопарными и претенциозными писаниями Розенберга, между упорядоченным изложением фашистских идей в «Итальянской энциклопедии» и путаницей фактов и идей, случайного и основного, делающей столь ужасающим чтение «Майн кампф». Конечно же, возникает множество точек соприкосновения: критика либерализма, отбрасывание марксизма, третий путь между либерализмом и коммунизмом, иерархический принцип, сменяемость элитарных кругов и т. д.

Можно ли также говорить о том, что перед нами целостные завершенные доктрины, представляющие собой связную идеологическую систему? Разбросанность тем в письменных источниках, сравнительно редко встречающиеся целостные изложения склоняют к мысли, что фрагментарность преобладает над целостностью, нагромождение — над синтезом. Повторение и комментирование нескольких ключевых идей, немногочисленных к тому же, легко приводит к выводу об ограниченности общих разработок. Однако неоднократно предпринимается попытка, хотя и остающаяся в стадии наброска, выработать представление о целом. Так, в гитлеризме расистский миф подменяет радикальное объяснение механизма жизни и функционирования человеческого общества. Таким образом, он выдается за мировоззрение и обоснование целой философии.

Даже поверхностный анализ идеологических текстов выявляет многие противоречивые аспекты и подходы в рамках одного и того же движения, а тем более если сравнивать движения между собой.

Значит ли это, что следует отказаться от выявления в идеологических обоснованиях ключевых черт, общих для всех трех движений? Несомненность общих признаков, характеризующих программы (особенно утверждаемые в них принципы), кое-какие сравнимые идеологические положения, о которых говорилось выше, одновременное появление фашизма в Италии (1919 г.) и нацизма в Германии (1920 г.), родственные связи, признаваемые подпевалами из Фаланги, между испанским национал-синдикализмом и его латинской и германской «сестрами» послужили для меня основанием принять *в качестве рабочей гипотезы возможность существования идеологического ракурса, имеющего фундаментальное значение, общего для всех трех движений и основанного на одном главном теоретическом принципе*, служащем отправным пунктом для всех прочих положений. Исходя из него, можно было бы выявить характерные черты «фашистской идеологии».

Что может быть этим объединяющим принципом? Анализ программ показал нам, что решающее значение имеет в них утверждение идей национализма и империализма. Но анализ националистской идеологии выявляет ощутимую разницу в форме подачи материала. Расистский субстрат не позволяет рассматривать в одном плане национализм нацистский или национализм фашистский, или же франкистский, даже если черты сходства между ними и бóльшие, чем это кажется на первый взгляд. Что касается прочих теоретических элементов, выявляемых даже при поверхностном анализе идеологии, приходишь к мысли, что либо все они являются вторичными по отношению к националистскому принципу (как, например, антилиберализм, определение роли государства и т. д.), либо они вытекают из негативной теоретической позиции в отношении другого теоретического учения (например, понятие «производитель» в противоположность понятию «борьба классов» или же понятие «иерархический принцип» в противоположность понятию «равенство людей»).

Как мне кажется, напрашивается следующий вывод: ни один позитивный принцип из сформулированных всеми тремя партиями не позволяет, по сути дела, установить искомую идеологическую базу либо

потому, что эти принципы не совпадают, если обратиться непосредственно к тому или иному движению, либо потому, что они являются производными, а не главными. Тогда остается единственно возможный вывод: *не является ли главной основой идеологического единства радикальный, непримиримый антагонизм фашизма, нацизма и фалангизма в отношении теории, с их точки зрения, пагубной по своей сути.*

В этой связи примечателен следующий факт: в идеологических работах зачастую само определение национализма дается лишь в связи с упоминанием его решительного противостояния интернационализму и борьбе классов, разрушительных для нации. *Не в том ли дело, что рассматриваемые движения прежде всего и до того, как высказаться в пользу чего-либо, выступают с позиций принципиального отрицания?* И не кладет ли начало развитию их собственной идеологии идеологическое растерзание их общего противника?

Нам представляется, таким образом, что в целом позитивные идеологические построения рассматриваемых движений давались в соотношении с одним-единственным ориентиром, полностью негативным и играющим роль контрастного фона. На этом основании выстраивается весь предметный регистр фашистской доктрины, а таким *контрастным фоном служит для нее марксизм.* Идеологической основой, общей для фашистских движений, является принципиальный антимарксизм, и это нам предстоит доказать.

ТОТАЛЬНЫЙ АНТИМАРКСИЗМ

Предварительное замечание. Когда речь идет о марксизме и политических партиях, провозглашающих свою приверженность марксизму, фашистские движения не всегда точны в своих словесных определениях: их идеологи прибегают к смешению понятий и зачастую без различий употребляют такие термины, как «марксизм», «социализм», «большевизм», «коммунизм», не делая также должного различия и между социал-демократией и коммунистическим движением.

Давая определение доктрины или идеологии своего движения, основоположники и идеологи фашиз-

ма идут от тотального отрицания марксистских идей. Примеров более чем достаточно. Главное в знаменитой речи Муссолини, с которой он выступил 21 июня 1921 г. в Палате депутатов еще до своего прихода к власти,— это стремление покончить с марксизмом, о котором только и идет речь. В этом выступлении Муссолини указал, что он и его сподвижники всеми силами будут противиться попыткам социализации, национализации, коллективизации:

«Хватит с нас государственного социализма! Мы не остановимся перед борьбой, которую я назвал бы теоретической, против... ваших доктрин... Мы отрицаем существование двух классов, ибо их существует значительно больше; мы отвергаем, что всю историю человечества можно объяснить с помощью экономического детерминизма. Мы отрицаем ваш интернационализм» (цит. в: Paris R. Histoire du fascisme en Italie, v. I, p. 298).

Впоследствии, придя к власти, Муссолини заявит, выступая в Милане перед рабочими Ломбардских сталелитейных заводов, что его правительство руководствуется в своей практической деятельности принципом нации, «которая существует и которую нельзя уничтожить», и производства, «так как в интересах не только капиталистов, но и рабочих производить как можно лучше и как можно больше». Ссылки в этой связи на интернационализм и классовую борьбу достаточно недвусмысленны, чтобы позволить Валенциани прокомментировать их следующим образом: «Рабочее движение, созданное фашизмом и призванное противопоставить себя движению марксистского толка и в конечном итоге занять его место, неизбежно должно было черпать вдохновение в идеях и принципах, прямо противоположных идеалам социализма» (Valenziani. Le corporatisme fasciste. Edit. de la Nouvelle Revue critique, Paris, 1935, p. 19).

Та же теоретическая позиция лежит в основе нацизма. Гитлер в следующих выражениях распинается в своем восхищении перед Муссолини:

«Решимость Муссолини не делить Италию с марксизмом, а наоборот, обрекая последний на уничтожение, предохранить свою родину от интернацио-

нализма позволит ему занять место среди великих людей мира сего» («Mein Kampf», p. 679).

В довершение же он со всей определенностью заявляет, что вся проблема, которую надлежит решить, чтобы искоренить в Германии разъедающий ее марксизм, сводится к созданию новой идеологии, могущей занять его место в массах.

Подобным же образом Хосе Антонио Примо де Ривера обосновывает в испанских кортесах после подавления астурийского восстания (октябрь 1934 г.) необходимость новой идеологии. Он заявляет, что источник силы революции в мистике, носителями которой были революционеры. Допуская, что эта мистика была дьявольской, тем не менее следует сказать, что речь шла о мистике революционной, которой ни общество, ни правительство не сумели противопоставить мистику извечного долга, не зависящего от тех или иных обстоятельств.

«...чтобы согласиться на самопожертвование, нужно быть исполненным священным горением в отношении религии, отечества или же новой идеи общества. Именно в этом горении была сила астурийских горняков, и оно сделало их опасными» (цит. в: P a u l e S. G. Phalange, histoire du fascisme espagnol, Ed. Ruedo Ibérico, 1965, p. 54).

Дело, стало быть, выглядит так, как если бы, с точки зрения основоположников фашистских движений, перед революционной теорией марксизма открывался *идеологический вакуум*, который следовало заполнить. Перед лицом марксизма нет ничего воистину мобилизующего, т. е. ничего, что могло бы развязать массовый энтузиазм и массовые страсти. Вот почему необходимо сфабриковать новую теорию, которая черпала бы в себе достаточные силы, чтобы лишить марксизм его притягательности. Это-то и представляет собой ту точку соприкосновения, где сходятся фашизм, нацизм и фалангизм, причем основные обвинения, выдвигаемые в адрес марксизма, схожи настолько, что они даже формулируются зачастую в почти идентичных выражениях.

В самом деле, марксизм «запятнан» двумя бесспорными «пороками»: теорией классовой борьбы и интернационалистским кредо. *Интернационализм* приводит-де индивидуума к отказу от своей искон-

ной привязанности к своей земле, разрушает чувство принадлежности к определенному сообществу, иначе говоря, подрывает сами основы национальной жизни. Противопоставляя одни социальные группы другим, *теория классовой борьбы* разрушает самые устойчивые иерархические связи, обесцвечивает индивидуальные способности, низводит лучших до уровня наихудших, игнорирует специфичные личностные особенности с тем, чтобы вписать индивидуума в его социальный класс, что ведет к его дегуманизации. Принцип борьбы классов способствует распаду общества, и, таким образом, марксизм предстает как *разрушительная* в основе своей сила. Это определение употребляется часто. Основоположники фашистских движений полностью отдают себе отчет в том, что марксизм — это единственная теория, серьезно ставшая под угрозу существующий социальный строй. Несомненно, исходя из этого все три движения обосновывают свой антимарксизм утверждением, что *марксизм выступает против естественного порядка вещей*, восставая своим эгалитаризмом против иерархического принципа, управляющего миром. Это «аксиоматичное» утверждение приводится в поддержку опровержению марксизма, а залогом его бесспорности служит такое соображение: следовательно, победа марксизма, грешащего против законов природы, приведет к тому, что сгинет любой вид социальной организации. Тем самым марксизм якобы ликвидирует цивилизацию. Примо де Ривера в этой связи говорит, что марксизм — это «стремительное нашествие порядка, разрушающего западную и христианскую цивилизацию» (Primo de Rivera J. A. Proclamation de la Phalange. 2 février 1936).

Используя двойственный смысл термина «материализм», смешивая философский материализм с отрицанием каких-либо духовных ценностей и стремлением удовлетворить исключительно материальные потребности, Примо де Ривера пытается все, что безнравственно подвести под определение «большевистского».

Так «обосновывается» сущностная порочность марксизма. К слову сказать, когда программы фашистских движений заимствовали кое-какие элементы у социализма, это не означало возможности

идеологической альтернативы, которая не была бы категорическим отрицанием марксизма. В частной ссылке на «социализм» исключено какое бы то ни было теоретическое совмещение его с марксизмом. И наконец, если антилиберализм частично связан с позитивной концепцией государства и личности, разрабатываемой всеми тремя движениями — на этих аспектах мы еще остановимся, — *критика либерализма также основана на констатации, что либеральное государство неспособно вести эффективную борьбу против марксизма.* В политическом плане изначальная слабость либерального государства, разлагаемого к тому же марксизмом, мешает ему принять необходимые меры в идеологическом же аспекте, философия золотой середины не обладает динамизмом, способным увлечь за собой широкие массы. Муссолини в своих речах клеймит теоретическую немощность и практическое бессилие либерального государства. А Гитлер заявляет, что государство, неспособное воспрепятствовать развитию такого зла, каким на деле является марксизм, уже не будет в состоянии вернуть утраченные позиции. Он заявляет, что все традиционные немарксистские партии неспособны иметь свою политическую философию. Примо де Ривера идет еще дальше. Он утверждает, что в росте марксизма повинен экономический либерализм. Пораженный политическим и идеологическим бесплодием *либерализм — это предвестник марксизма*, тем самым он полностью дискредитирован.

ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ ИДЕОЛОГИИ

Таким образом, создается впечатление, что каждое из движений стремится противопоставить «разрушительному» марксизму, а заодно и никчемности либерализма *действенную идеологию*, способную, так сказать, собрать в кулак силы, сбитые марксизмом с пути истинного или же усыпленные либеральным государством, способную, сиречь, заполнить идеологический вакуум. Но прежде, чем приступить к рассмотрению содержания этой новой идеологии, следует подвергнуть анализу *формы*, которые ей приданы, так как если новая идеология находит свое оправдание исключительно в своей действенности, в

прямой зависимости от *ожидаемого воздействия ее на массы*, само собой разумеется, что дело тут не столько в том, чтобы обладать стройной, рационально обоснованной теорией, четким мировоззрением, законченным результатом теоретической разработки, сколько в том, чтобы располагать набором *идеологических лозунгов*, могущих быть принятыми общественным мнением. Кроме того, требуется, чтобы эти лозунги были не просто приняты на веру, так как, хоть это и позволило бы извлечь максимальную пользу из выгодных для фашистского движения предвзятых мнений, массы при этом не были бы освобождены из-под марксистских влияний и не избавлены от проявляемой ими индифферентности. Лозунги эти должны были быть отмечены *печатью абсолютной истины* так, чтобы стать в полном смысле слова неотразимыми.

Но какая теория, будь она самая что ни на есть рациональная и научная, может претендовать на абсолютную истину? Если бы элементы доктрины предстали в виде рационального доказательства, они не могли бы достичь искомой цели. Вот почему основоположники всех трех движений так охотно говорят о *мистике*. Прямо де Ривера, например, хочет противопоставить «мистику вечного долга» революционной мистике. Мистика расы у нацистов, мистика нации у фашистов внушается с помощью неистово раздуваемых *мифов*, причем основоположники движений признают это откровенно: «Мы создаем миф; наш миф — это нация», — заявляет Муссолини в 1922 г. Расизм для нацистов — это «миф XX века».

Более того, итальянские и немецкие фашистские идеологи настаивали на *иррациональных истоках* своей доктрины. Когда Джентиле анализирует основы «нового государства», созданного фашистами, он отмечает, что фашизму не чужд некоторый авторитарный либерализм. Но, говорит Джентиле, теория сильного государства не более чем «в той или иной степени интеллектуальная догма». Поэтому она не оказывает никакого влияния на реальность. Благодаря фашизму эта догма стала идеей-силой, она обрела черты *страсти*; произошло нечто вроде озарения, вспышки, молнии, *непосредственно* возникшей общности между толпой и идеей-силой и, как следствие,

возникла возможность коммуникации и распространения вширь. Таким образом, страсть находит выход в действии. Не осмысленное принятие доктрины позволяет действовать в ее пользу, а, наоборот, действие является результатом *иррационального порыва*, внушенного высвобождением неистовства масс, толчок к которому был дан поистине мистическим откровением идеи-силы, говорил Джентиле в речи в Палермо 31 марта 1924 г. Эта *непосредственность контакта доктрины и индивидуума* не менее ясно выражена у нациста Карла Шмитта, отвергающего в восприятии доктрины и зарождении действия какое-либо посредничество, основанное на разуме или чувстве.

По его словам, следует отметить тот примечательный факт, что адекватный образ уже *непосредственно* сам по себе является *импульсом*.² Понимание доктрины не нуждается ни в опосредованном образе, ни даже в представлении по аналогии, оно даже не соответствует им. Оно не проистекает из иносказаний и вычурных воспроизведений или же из картезианской «общей идеи». Это понимание непосредственное и осязаемое (курсив мой.— Р. Б. Цит. в: Hofier. *Le National-socialisme par les Textes*. Plon, p. 40)

В конечном итоге доктрина причастна к божественному откровению. Разве Гитлер не заявлял о себе, что он вдохновлен господом богом, действует в духе «всемогущего нашего создателя», ибо, обороняясь против еврейства, он «борется за дело господне».

Таким образом, известные идеи-силы должны стать тем рычагом, который позволит мобилизовать энергию, высвободив заключенную в ней страсть. Будучи абсолютными истинами, они могут выражать себя лишь в терминах веры, вследствие чего они формулируются как *постулаты*, и это является необходимым условием того, чтобы они могли возыметь требуемое непосредственное воздействие.

Процесс умозаключений определяется этими ведущими принципами. Чаше всего прибегают к *серии утверждений*, не утруждая себя какими-либо иными соображениями. Так, например, определение фашизма в «Итальянской энциклопедии» представляет собой нескончаемый перечень позитивных или нега-

тивных утверждений, не исключающий определенного нюансирования, но в котором исключена аргументация («фашизм является», «фашизм не является», «он полагает», «он считает», «он рассматривает»...). К тому же убежденности в том, что являешься обладателем Истины, может оказаться достаточно, чтобы сделать излишним всякое объяснение. Маркотте так объясняет тоталитарные устремления национал-синдикализма: поскольку обладание Истиной несомненно, а истина одна, национал-синдикализм не может допустить, чтобы она так или иначе обсуждалась.

Однако идеологические разработки могут обрести видимость доказательств. Но их исходной точкой является предшествующее безапелляционное утверждение, не допускающее ни обсуждения, ни доказательства. Особенно типична для этого метода гитлеровская «Майн кампф». Так, в главе «Народ и раса» предлагается принять без дискуссии постулат неравенства рас, обосновывающий приводимую ниже аргументацию, имеющую целью показать превосходство арийцев и продемонстрировать приемы, с помощью которых евреи управляют миром. В лучшем случае исходный постулат опирается на наблюдение над каким-либо фактом, представленным как нечто самоочевидное, отвечающее здравому смыслу, соответствующее природе вещей, исторически обоснованное, научное. Таким образом первично провозглашенной истине дается *экспериментальное подтверждение*. Так, иерархический принцип и принцип борьбы за жизнь являются выводом — примечательное совпадение во всех трех движениях — из «наблюдения природы», где не существует в чем бы то ни было равенства ни между видами, ни между отдельными особями. Национализм, империализм, расовое неравенство черпают свое оправдание прежде всего в исторических описаниях, якобы точных, объективных, подкрепленных фактами.

Естественные науки были избраны нацистскими идеологами для обоснования теории неравенства рас. Они исходят из «*принципа созидательного*» и «*принципа паразитарности*», представляемых как результат наблюдения и якобы управляющих растительным и животным миром. Далее берется пример

борьбы человеческого тела с паразитами — приложение провозглашенного «научного» принципа к конкретному случаю — и демонстрируется, что эта борьба может в итоге закончиться либо истреблением паразитов, либо смертью человеческого существа. Последний этап «доказательства»: будучи универсальными, эти принципы равным образом приложимы и к человеческому обществу, которое с научной точки зрения не может не порождать паразитов, подлежащих уничтожению, с тем чтобы выжить обществу. Таким образом, аргументация опирается как будто, чего казалось бы яснее, на экспериментальный метод. Но тут со всей очевидностью подмечаешь, что механизм *умозаключения совершенно порочен*:

1) В случае провозглашения принципов (созидательного и паразитарности) — голое, ничем не доказанное утверждение абсолютной истины, дающее тем не менее «обоснование» для всего прочего, что содержится в изложении.

2) В случае неправомерного уподобления — основанное на провозглашенных принципах, но следующее ложной логике перенесение феномена, констатированного в известной форме биологической организации (человеческого тела), на развитие социального организма.

Несмотря на внешние признаки логики, перед нами, по сути дела, полностью иррациональный метод.

Итак, мы имеем дело с идеологическими системами, сконструированными на *основополагающих истинах, определяемых как бесспорные и догматически утверждаемых, служащих для индивидуумов и масс непосредственным источником откровения*. Но если задуматься о главной критерии, критерии действительности, эти идеи-силы должны привести к возможности своего практического претворения, а из этого вытекает необходимость рассмотрения того, как предстает в их свете *связь между теорией и практикой*.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Поскольку идеология должна быть прежде всего действенной, истинной она будет в том случае, если она приведет идеологическое движение к успеху в его начинаниях. А отсюда и основополагающая

мысль, четко изложенная Джентиле: «Истинной является доктрина, которая более чем на словах и в книгах выражает себя в действии и в индивидуальности людей... и решает проблемы более серьезно, чем человек, абстрактно разглагольствующий, проповедующий и сочиняющий теории» (речь в Палермо 31 марта 1924 г.)

«Наша доктрина — это дело», — заявлял Муссолини. Следует остерегаться интерпретирования этой знаменитой фразы как выражения полного презрения к идеологическим построениям. Анализ идей Джентиле позволяет внести ясность в это изречение Муссолини. Конечно, фашистский философ не раз противопоставлял практику теории или же по крайней мере теоретическим размышлениям, ведущим к созданию идеологической системы. В них он видел лишь забаву интеллектуала, отрезанного от реальной жизни. У Джентиле эта фигура не вызывает ничего, кроме презрения. В итоге книги не содержат ничего, кроме утверждения или отрицания «спекулятивной философии». С этой точки зрения существует полный разрыв между теорией и практикой. Нет ничего и в философии Джентиле, что наводило бы на мысль о существовании диалектических отношений между теорией и практикой. Идея теоретического размышления, исходящего из реальной данности, конечным итогом которого является абстрактное построение, позволяющее затем воздействовать на реальность и подвергающееся постоянной корректировке со стороны реальности, — эта идея ему чужда. Но одна фраза Джентиле служит своеобразным пояснением сказанного Муссолини: *«Истинная теория — всегда практика, определенная форма жизни»*. Джентиле говорит также об *идентичности* доктрины и действия в смысле *прагматизма*, *извлекаемого непосредственно из грубых данных реальности*. Это равносильно тому, чтобы заявить без обиняков, что доктрина не предлагает каких-либо философских взглядов и не исходит из какого-либо научного обоснования (разве что при случае, когда это делается для «наружного употребления»). Доктрина состоит от силы из *идеологических рецептов*, могущих помочь фашистскому движению в достижении поставленных целей. Джентиле не требует от теоретических основ

ничего иного, как успешного выполнения той роли, которая со всей откровенностью им отведена, — быть идеологической двигательной силой фашизма в самых широких массах, заставляющей их проникнуться идеалами, «выражающими» (пользуясь термином Джентиле) осуществляемую им деятельность. Как видим, значение имеет лишь критерий действенности.

Взаимосвязь между доктриной и действием с грубой прямолинейностью выражена у Гитлера, поскольку избранный им подход к вопросу сводит все к соотношению сил между марксизмом и движением, призванным вести действенную борьбу с ним. Марксизм следует искоренить силой — такова исходная точка гитлеровских соображений относительно идеологии. Но возможно ли мечом искоренить духовную концепцию? Можно ли с помощью грубой силы бороться против философских идей? Гитлер приходит к заключению, что можно силой бороться против идей лишь при условии, что сама эта сила будет опираться на новую идею.

Таким образом, теоретическая разработка доктрины возникла как следствие необходимости борьбы против марксизма, успешному исходу которой она должна была способствовать. Вероятно, мыслилось это так: материальная сила должна была найти свое оправдание в идеологии, иначе противникам была бы уготована роль мучеников. Но в умозаключениях Гитлера идеология находится на втором месте: поскольку одна лишь материальная сила беспомощна, необходима доктрина. А посему материальная сила находится на службе философской концепции лишь *по видимости*. В своей основе *доктрина нужна только для того, чтобы выразить собой действие*, позволить нацистскому движению одержать победу над противником. Все дело в том, чтобы найти идеологию, пригодную наилучшим образом оправдать беспощадное использование грубой силы. Во внимание тут принимается лишь критерий эффективности.

Итак, идеология является производным требованием практической деятельности и конечных целей движения. Исходя из этого, она вырабатывается *со дня на день*. В Италии систематическое изложение доктрины имеет место лишь начиная с 1929 г., да и

то в нем немало туманностей. В «Майн кампф» теоретическая часть изложения расплывлена и перемешана с несчетными практическими, историческими или автобиографическими пассажами.

По сути дела, идеология всех трех движений свидетельствует во многих своих аспектах о своем антиинтеллектуализме. Подчиняя любую теорию сиюминутной практической деятельности, провозглашая тождественность дела и доктрины, уводя в сторону от научного мышления и подводя под свою доктрину иррациональную основу, фашистские идеологи отказываются усматривать какую бы то ни было ценность в теоретическом мышлении. Будучи исключительно спекулятивным, отрезанным от жизни, неспособным найти выход в практической деятельности, догматичным, оно лишено для них какой бы то ни было силы воздействия на реальную действительность. «Оставим же книги!» — резюмирует Джен-тиле.

ИДЕОЛОГИЯ ИЛИ УЛОВКА

Прежде чем приступить к анализу главных идей-сил, могущих вызвать искомый взрыв страстей, следует задать себе еще один вопрос, не помышляя пока о том, чтобы дать исчерпывающий ответ.

Эта идеология, признающая, что она подчинена единственно целям рассматриваемого движения, — идеология, провозглашаемая своими основоположниками как созданная для придания возможно большей действенности партии и призванная в первую очередь дать идеологический отпор марксизму, не является ли она просто-напросто удобной уловкой, собранием лозунгов, способных служить приманкой, для необходимого сплочения нужных приверженцев, с тем чтобы добиться успешного осуществления основной, антимарксистской цели? Ж. Биллиг в своей книге «Гитлеризм и концентрационная система» (*L'Hitlérisme et le Système concentrationnaire*) привлёк внимание к тому факту — решающему, если он будет доказан, — что *идеологическое построение* в «Майн кампф» *выглядит как уловка*. Не является ли разработка этой уловки путеводной нитью в значительной части «Майн кампф»? Одержимый почти что математической, по его словам (это выражение

употребляется несколько раз), вероятностью победы марксизма, Гитлер неустанно занят поисками средств, которые могли бы воспрепятствовать этой победе. Уже в самом начале «Майн кампф» им применяется в связи с необходимостью противостояния нацистской доктрины социал-демократии, как подметил Биллиг, откровенно циничная формулировка: «Эта тактика (социал-демократии)... должна почти что с математической вероятностью привести к победе, если только *противостоящая партия не научится бороться против удушливых газов удушливыми газами*» (курсив мой.— Р. Б.).

Принимая всерьез не только деятельность марксистских партий в Германии, но и прежде всего марксистскую теорию, Гитлер занят поисками идеологии, чья тлетворная деятельность могла бы оказать разрушительное действие на политическое и социальное сознание масс, находящихся под влиянием марксизма. Так, Гитлер заявляет со всей естественностью, что чем более он размышлял о «необходимости изменить позицию правительства в отношении социал-демократии, являвшейся в то время воплощением марксизма, тем более убеждался в *отсутствии пригодного заменителя* для этой философской школы. Что можно было дать на прокорм массам, если допустить, что марксизм мог бы быть разбит?» (курсив мой.— Р. Б.).

Если говорить о Гитлере — тут речь об уловке ведется неприкрыто. Но в то же время не может не показаться поразительной глубокая уверенность Примо де Риверы, которую он разделяет с Гитлером, в неизбежности марксистского решения вопроса в том случае, если не будет найдено ничего, что можно было бы противопоставить марксизму. Он часто возвращается к этой мысли, в основе которой лежит его оценка трудов Маркса. Для него видение Маркса было правильным, его анализ оказался точным, его предсказания относительно эволюции капитализма оправдались на деле. Именно исходя из этого, согласно Примо де Ривере, «*либеральный капитализм обязательно приводит к коммунизму*» (курсив мой.— Р. Б.).

«Предвидения Маркса осуществляются с бóльшей или меньшей быстротой, но неумолимо. Дело идет к

концентрации капиталов, к пролетаризации масс и в конечном итоге к социальной революции» (Primo de Rivera J. A. La Révolution espagnole, 19 mai 1935). Если думать о том, что марксистская опасность была для Примо де Риверы поистине навязчивой идеей, не приложимо ли замечание Ж. Биллига в отношении гитлеризма также и к фалангизму?

И наконец, строить идеологию исходя исключительно из поставленных перед нею целей и ее непосредственной практической эффективности, как этого требует Джентиле, не значит ли это превращать ее в не что иное, как уловку, призванную сделать возможным претворение этих целей в жизнь?

Таким образом, уже в связи с размышлениями основоположников фашизма, занятых поисками идеологии, единственной целью которой является стать как можно более действенной поддержкой практической деятельности, немедленно встает вопрос об органически *присущей этой идеологии неискренности**, независимо от разрабатываемых ею тематических направлений и от того, в какой мере ее носители осознавали эту неискренность³. Теперь нам следует заняться рассмотрением содержания тематических направлений в идеологии каждого из движений.

* Точнее, преднамеренной демагогии и лжи. — Прим. ред.

Глава третья

ИДЕОЛОГИЯ: НАЦИЯ И ГОСУДАРСТВО

Идеология рассматриваемых движений придерживается нескольких главных стержневых направлений, образующих довольно несложное целое, что не исключает вспомогательных исторических или философских разработок. Теория нации и государства, теория индивидуума и осуществления власти, принципы социальной организации — вот основные тематические направления в идеологии каждого из движений, делающих заявку на радикально новаторские концепции, призванные прежде всего дать решающий отпор марксизму.

НАЦИОНАЛИЗМ И РАСИЗМ

Как мы это видели, националистское самоутверждение является краеугольным камнем политических предложений. Как же эта предпочтительная роль нации отражается в идеологии?

Заимствование у традиционного национализма

Национализм каждого из рассматриваемых движений проникнут национализмом классическим, что подчеркивается формулировками программ действия. Это верно и для нацизма, где расистский дух лишь усиливает звучание, силу темы Великой Германии, являющейся непосредственным порождением идей пангерманизма.

Под высшую реальность нации подводится прежде всего *величие прошлого*, представляющего собой выражение миссии, чьей вечной носительницей является нация, и противопоставляемого тому упадку, в

котором страна пребывает ныне. Постоянно приводятся ссылки на историю: Рим, очаг сначала Римской республики, потом Римской империи, владычицы Средиземноморья, чье побережье она объединила, все еще излучает свет свершившегося в нем духовного чуда, трансформации восточной религии в религию универсальную: латинский мир и христианство в стародавние времена начиная со времен Рима покорили весь свет. Точно так же основание тысячелетнего Рейха будет знаменовать собой возврат к господству германского духа, в свое время воплощенного в Священной Римской империи германской нации, когда огонь готического духовного начала, рожденного на берегах Рейна, объял всю Европу, в то время как германцы несли неусыпную стражу на рубежах Востока против оттесненных ими славян. Имперские устремления фалангистов основываются на величии Испании XVI века, Испании, завоевавшей новый континент, ставшей во главе необъятной империи, представленной на всех морях, распространяющей по всему миру кастильский язык и культуру. Так, в тесной связи находят свое выражение националистское самоутверждение и империалистские устремления.

Этому блистательному прошлому противопоставляется *нынешний упадок*. Италия, одна из стран — победительниц в войне 1914—1918 гг., поруганная своими собственными союзниками, не сумела даже довести до конца своего национального объединения. Германия, преданная изнутри и проигравшая поэтому войну, несмотря на доблесть своей армии ограбленная и униженная, стала жертвой версальского *диктата*. И наконец, Испания, раздираемая мятежными группировками и сепаратизмом, выступает в международном сообществе всего лишь как держава второго ранга. Не являются ли эти унижения сами по себе следствием внутреннего загнивания, как об этом громогласно заявляют все три движения. Утрата своего лица на международной арене — это следствие *утраты национального чувства внутри страны*. Нынешний распад является следствием разрушительных ударов марксизма. А истоки всех этих бед в догме классовой борьбы, которая, отрицая высшую значимость нации и отвергая принцип национального

единства, вызывает в нации раскол. Разрушение нации является роковым результатом борьбы соперничающих групп, поднявшихся друг против друга. Одним словом, само существование нации оказывается под угрозой *.

Однако национализм черпает свою силу не только в величии прошлого. Он возникает, помимо этого, как совокупный итог *традиций предков*, укоренившихся в национальной жизни и неотделимых от нее. И именно памятуя об этих традициях, каждое из движений считает необходимым провести грань между собою и своими соседями. Ссылки на символ Рима на протяжении всей итальянской истории, что, кстати, дало возможность фашизму приобщить себя к революционным тенденциям Рисорджименто⁴, приверженность Испании к католическим истокам, определяемым как высшая ступень ее духовности, обращение к германскому духу, несущему глубокую печать язычества, а затем средневековых влияний, — вот лишь некоторые примеры этого стремления увязать движение с национальным прошлым в тех его проявлениях, которые рассматриваются как наиболее специфичные, зиждущиеся на вневременной мистике или же извечной миссии. В случае Испании фалангист Эдилья стремится так показать своеобычность фалангистского движения по сравнению с другими: «Языческому культу отчизны, расы и силы, который встречается в известных зарубежных движениях, схожих с нашим, мы предпочли духовное кредо, соответствующее нашей традиции» (цит. в: Раупе. *Op. cit.*, p. 101).

И наконец, национализм проистекает из *привязанности*, в известной степени биологической, *индивидуума к своей родной земле*. В недрах своего сознания человек — националист. С этой идеей перекликаются многие пассажи «Майн кампф» в связи с немцами, проживающими за пределами Германии. Гитлер, ратуя за воссоединение судетских немцев с рейхом, не преминул напомнить о биологических основах национализма. Один лишь Примо де Ривера не признает этой привязанности к родной земле в

* Грубое извращение фашизмом марксистской теории классовой борьбы. — *Прим. ред.*

качестве главной основы национализма. Он усматривает в ней как возможный объединяющий принцип, так и возможную опасность дезинтеграции регионалистского толка. В этом неприятии, несомненно, дают себя знать опасения, вызываемые сепаратизмом басков и каталонцев. Для Примо де Риверы национализм зиждется прежде всего на вере в судьбы Испании, и, исходя из этого, он выступает против самого термина «национализм» во имя прославления как нельзя более националистского «испанизма»: «Мы не националисты, ибо национализм — это индивидуализм народов... Мы суть испанцы, а это одно из немногих серьезных дел, какие есть на свете», — говорил он 17 ноября 1935 г. на заседании Национального совета Фаланги.

В прославлении прошлого величия и национальной миссии, общности традиций и почвенных корней можно узнать тематические направления классического национализма. Ничего оригинального тут нет. Этот возврат к истокам сливает каждое из рассматриваемых движений с предшествующими националистскими течениями и тем самым, вводя в русло идеологии классического правого крыла, как бы смыкает его в одно целое с нацией, что дает твердую основу для утверждения своей принципиальной враждебности интернационализму.

Новые аспекты: вернуть массам чувство нации

Но если первое требование, предъявляемое к идеологии, — ее действенность, то она должна, исходя из этого, вырвать народ из-под интернационалистских влияний и дать свой ответ на «догму» классовой борьбы. Традиционного национализма, по сути дела, для этого недостаточно. Он потерпел банкротство в решении стоявшей перед ним задачи сплочения всех национальных сил, поскольку часть общественности, а именно пролетариат, откололась от нации.

Гитлер, как обычно, наиболее цинично излагает поставленную им цель, не прикрывая ее мишурой оправданий. Он пространно поясняет в «Майн кампф», обращаясь к массам с аргументами, имеющими непосредственное к ним отношение, что им,

массам, следует возратить национальное чувство. Идеология должна быть обращена исключительно к миллионам немцев, поддавшихся искушению интернационализма. Цель не в том, чтобы влиять на сознание людей из лагеря, уже являющегося национальным. Речь идет о том, чтобы перетянуть на свою сторону лагерь антинациональный.

Значит, классическому национализму должно быть придано новое орудие, которое позволило бы вернуть в лоно нации заблудших овечек. И действительно, национализм движений, о которых идет речь, обладает дополнительными особенностями, обуславливающими его отличие от национализма классического. Несомненно, Фаланга продолжает стоять ближе всего к классическому национализму. Организация Испании как «гигантского синдиката производителей» предполагает, что каждый производитель способствует выполнению национальной задачи. Неважно, что определение национальной задачи дается лишь в классической лозунговой форме «величия Испании».

Идея эта гнездилась уже в итальянском фашизме: в национальном сообществе каждый отдельно взятый человек — производитель. В своей главной задаче нация не делает различий между рабочими и собственниками. Интересы как тех, так и других тождественны. Они могут существовать лишь благодаря развитию производства, какое бы место они ни занимали на социальной лестнице. Этим обусловлено наличие национальной солидарности, которая не может быть сломлена никаким социальным антагонизмом. На этом аспекте особенно настаивают Валенциани и Горголини. Таким образом, внутреннее развитие нации предполагает национальное единодушие и процветание каждого индивидуума. В то же время об уровне этой солидарности, насущно необходимой, свидетельствует место, занимаемое Италией среди прочих наций. Если производство не находится на должной высоте, если не побеждена нищета, это происходит потому, что Италия не занимает в мире того места, которое ей надлежит занимать. Она была разграблена более богатыми нациями, сдерживавшими ее экспансию, воспрепятствовавшими осуществлению ее имперского предназначения. Так появляется тема

пролетарской нации, которая может выйти из своего нынешнего положения путем борьбы против стран-богатеев,— тема не совсем новая, но используемая в полной мере фашизмом. Исходя из этого, более чем когда-либо оправданна национальная солидарность. Находя свое обоснование во внутренних потребностях национального производства, она утверждает себя перед лицом других наций. Обеспечить Италии то место, которое ей надлежит занимать в мире,— это значит обеспечить ее процветание и положить конец нищете. Так принимает все более четкие очертания оправдание в глазах народа как национализма, так и империализма. Национализм предстает, таким образом, в новом обличье, что дает возможность вернуть в лоно нации группы, подпавшие под влияние интернационализма.

Прославление солидарности национального сообщества, стоящей над частными интересами, не является, собственно говоря, чем-то оригинальным, и с помощью таких понятий, как «производитель» и «производство», фашизму и фалангизму удастся разве что систематизировать предшествующие, хорошо известные тенденции социальных течений правого и крайне правого толка и с помощью словесных ухищрений, более соответствующих эпохе, придать им новый, более динамичный облик. В противовес этому, оправдание империализма насущными потребностями нации, стремящейся положить конец нищете своих сограждан до полного ее исчезновения и вынужденной поэтому выступать против проявления эгоизма со стороны богатых наций, полностью отличает фашизм от традиционных националистских течений. Это оправдание отвечает поискам *социальной мотивировки внешней миссии нации*, пригодной для того, чтобы сплотить обездоленных, уже поддавшихся на приманку обещания внутреннего процветания*.

* Социальная политика фашистов была направлена на обман трудящихся, подрывала классовую солидарность рабочих, сеяла иллюзии общности интересов предпринимателей и пролетариев, что облегчало монополистическому капиталу эксплуатацию трудящихся. — *Прим. ред.*

Гитлеровское решение вопроса: расизм

В то время как фалангизм и фашизм еще в достаточной степени связаны с более ранними формами национализма, Гитлер пытается дать совершенно новое решение вопросу идеологической реинтеграции «антинационалистов» в лагерь националистов. Разумеется, он не брезгует аргументом общности интересов «производителей».

Но для Гитлера неразрывные узы солидарности, объединяющие всех немцев между собой, зиждутся на их *расовой общности*. Как мы уже видели, гитлеровская идеология признает за собой, что она является уловкой. Говоря о необходимости вернуть массам национальное чувство, Гитлер заключает, что единственный способ для достижения этого — *внушить народу веру*: веру труднее подорвать, чем науку, любовь менее изменчива, чем уважение, ненависть более прочна, чем антипатия.

С этой точки зрения расистская догма имеет ряд особенностей.

1. Она *вызывает меньше подозрений, чем пангерманистский национализм*, оказавшийся в восприятии широких масс довольно-таки залежалым уже сразу после войны. Безусловно, расизм имеет давние корни в немецкой идеологии, но его предельное обострение в интересах движения, ставящего своей целью завоевать при его помощи массы, представляет собой тем не менее новое явление точно так же, как новым является и то, что любое событие общечеловеческого или же социального толка находит систематичное и безоговорочное объяснение в расизме.

2. Она позволяет создать доктрину с заложенной в нее экстатической пружиной куда более сильной, чем идея нации. Даже если рассматривать ее под углом зрения вечности, нация продолжает оставаться категорией исторической. Раса же биологична по своей сути: *кровные узы, лежащие в основе национальной общности*, неизменны, ибо не может быть подвергнут сомнению их естественный характер. А отсюда мощным мобилизующим фактором и в гораздо большей степени, чем борьба за единство нации, может стать *борьба за сохранение чистоты расы*, ибо она является *насуточно необходимой* для

самого индивидуума. Перед лицом угрозы вырождения, влекущего за собой осквернение, а затем и исчезновение расы, а следовательно, и входящих в нее индивидуумов, каждый немец отстаивает свою собственную жизнь и защищает ее с тем большим на то основанием, что тем самым он защищает свою расу от угрозы уничтожения. С биологической точки зрения интересы расы и интересы индивидуума единое целое. Так, национальные (расовые) интересы идентифицируются с индивидуальными интересами во всенародном расовом сообществе (Volk). «Один вопрос среди всех прочих имеет фундаментальное значение — сохранение расы в социальном организме. Лишь в крови коренится сила или слабость человека» («Mein Kampf», p. 338).

3. В силу этого эффект возвеличения расовой солидарности отличен от эффекта прославления национальной солидарности. *Перед лицом общности крови стирается всякое чувство принадлежности к той или иной определенной группе.* Или же, если подойти с другой стороны, исчезает всякое ощущение чужеродности в отношении немца иной социальной принадлежности. Классовые различия, по сути дела, являются лишь второстепенными по своей значимости последствиями экономической организации. Более того, кровная солидарность настолько нерушима, что нет даже необходимости отказываться от защиты частных интересов своей группы. Истовость, солидарность в общем деле могут быть поддерживаемы благодаря расовым узам, вопреки наличию частных интересов:

«Все интересы, свойственные разным сословиям или профессиям, никак не должны вести к разделению между классами».

4. На основе кровных уз образуется *народное сообщество*; оно является полным лишь в том случае, если оно включает *всех индивидуумов одной расы*. Объединение всех немцев в Великую Германию соответствует естественному порядку вещей. Но кроме того, динамизм *германской расы, высшей* в сравнении со всеми прочими, расы, являющейся наиболее совершенным выражением расы арийской, требует обладания средствами развития, которые ей необходимы, в частности средствами территориальными.

Экспансия находит свое оправдание в превосходстве расы. Против низших рас, стоящих на пути развития германского духа, угнетающих немцев или же, лишая их необходимых ресурсов и земель, препятствующих им достигнуть того уровня процветания, на который они могут претендовать, против паразитической еврейской расы, которая уже частично осквернила (и которая пытается уничтожить) германскую расу изнутри как либерализмом, так и марксизмом (своим последним изобретением, преследующим цель господства над миром), *неизбежна расовая борьба*, поскольку речь идет о самой жизни каждого из немцев. Расовая борьба — в естественном порядке вещей. Обычные оправдания империализма, более или менее относящиеся к частностям, более или менее стыдливые, отметаются в сторону в пользу одного-единственного довода, на который нечего возразить. Одним махом дается объяснение существованию бедствующих или пользующихся неприятием в рейхе социальных прослоек. Оно относится не за счет внутренней социальной напряженности, имеющей — сомнений тут не возникает — второстепенное значение, поскольку на первом плане расовая солидарность, а за счет противодействия низших рас или же подрывного действия паразитических рас. *Социальная проблема возникает как следствие расового угнетения*: борьба угнетенной расы за свое освобождение разрешит социальную проблему.

Вывод

Перед лицом интернационализма и борьбы классов каждое из рассматриваемых движений предлагает идеологию, основанную на принципе существования сообщества, объединяющего весь народ в целом и сплоченного коренной общностью интересов как групповых, так и индивидуальных, и интересов национальных, что позволяет осуществить задачу, миссию, судьбу нации. Для фашизма и для фалангизма эта идеология вписывается в рамки национализма, в конечном итоге довольно традиционного, даже если он в какой-то мере и подвергся усовершенствованиям, явившимся откликом на серьезные проблемы, занимающие народные массы. Это сказалось на

внутренней социально-экономической организации, а также на том, что внутренняя напряженность (борьба классов) была подменена напряженностью вовне (борьба на международной арене). Что же касается *гитлеризма*, он *пытается произвести подлинный пересмотр всех предшествующих идеологических позиций*. В поисках уловки, наиболее отвечающей проблемам, занимающим народные массы, Гитлер, полностью используя расистское наследие немецкой идеологии, выходит за пределы традиционного национализма, который даже в подновленном виде рискует, как и прежде, оказаться малоубедительным для масс, утративших «национальное чувство». Он заменяет его *расистской идеологией, направленной на тотальное сплочение*, которая к тому же вобрала в себя классический национализм и может служить в качестве *единого принципа для объяснения эволюции живых существ* (будь они человеческими особями или же прочими), как индивидуумов, так и обществ. Расизм дает *положительную* возможность отвергнуть классовую борьбу, реинтегрировать в национальное сообщество массы, особенно рабочие массы, поддавшиеся на приманку интернационализма, и возложить на сообщество, в котором отныне царит согласие, основную (империалистскую) миссию. С точки зрения *негативной* он дает возможность найти ответственных за ныне царящую бедственную ситуацию, играющих роль *козлов отпущения*, на которых возлагают вину за все грехи человечества (в расистском понимании). И таким образом, он дает возможность разделаться с ними и тем самым открыть лучезарный путь к дальнейшему гармоничному развитию высшей расы. Так расизм *обретает черты универсальной категории*. То, что вначале было лишь уловкой, становится подпоркой целой мифологической конструкции, которая будет возведена, в частности, А. Розенбергом в его «Мифе XX века». Простое ухищрение в идеологической борьбе против марксизма, представленное как таковое, расизм в конечном итоге становится догмой. Он, несомненно, придает *некую своеобразность нацизму*. Но эта своеобразность, по сути дела, более *лежит на поверхности*, чем касается глубины вопроса, ибо расизм играет

в нем лишь спланивающую роль, принадлежащую в фашизме и фалангизме преобладающей теме национализма. Расизм поражает в гораздо большей степени воображение, поскольку он претендует на то, что уходит корнями в сами истоки жизни на земле и афиширует свою девственную непричастность к какому бы то ни было компромиссу с идеологическими направлениями, в той или иной степени находящимися у него не в чести. Но нет никакого различия по существу между фашистским или фалангистским национализмом и гитлеровским расизмом. Различия можно отнести за счет степени разработанности. К слову сказать, большое сходство *обнаруживается в предании анафеме* всех тех, кто противостоит осуществлению национальных или расистских замыслов.

В конечном счете безмерно раздуваемый национализм ведет прямым путем к ксенофобии и расизму. И само собой разумеется, итальянскому фашизму ничего не стоило принять в идеологическом плане начиная с 1938 г. расистские установки немцев, несмотря на отсутствие антисемитских традиций в Италии. Точно так же в близком родстве с нацизмом по их общей империалистской основе и те обоснования, будь они националистского или расистского толка, которые приводятся в пользу политики, открыто провозглашаемой как экспансионистская.

Таким образом, можно, подытоживая, сказать, что перед лицом проникновения марксизма в массы национализм и расизм призваны, пользуясь выражением Гитлера, быть не чем иным, как «удушливыми газами». Именно гитлеровский расизм, поднятый до высоты единственной в своем роде догмы, был обращен к самым темным, самым иррациональным и наименее контролируемым импульсам, пробуждая, в частности, ужас индивида перед угрозой своему биологическому существованию. Этой разновидности, пришедшей на смену национализму в чистом виде, поддерживаемой громадными средствами пропаганды и принуждения, суждено было обрести огромную силу влияния на немецкие массы ⁵.

Таким образом, национализм (или расизм) представляет собой доминирующий элемент идеологии,

призванный свести на нет марксистские влияния. Теория государства вырастает непосредственно из националистских установок.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА

Тоталитарное государство

Первостепенная роль государства, провозглашает фашистская идеология, заключается в том, чтобы взять на себя претворение в жизнь национального предназначения. Исходя из этого, фашистское государство по природе своей тоталитарно. Это прилагательное употребляется всеми тремя движениями⁶. Это означает, с одной стороны, что государство берет целиком под свою ответственность, как в физическом, так и в духовном смысле, индивидуальные судьбы и всю деятельность управляемого им общества, что позволяет ему путем идеологической унификации осуществить их полное подключение к основному делу нации, а с другой стороны, это означает, что государство не может допустить ни малейшего посягательства, какого бы рода оно ни было, на единство нации. Оно уничтожает или подавляет всякий источник инакомыслия, всякий зародыш разногласия, всякий намек на разброд, всякий пережиток раскола. Такова исключительно объединительная и беспощадно репрессивная функция, которую рассматриваемые нами движения отводят государству. В этом важнейшем вопросе у них существует полное идеологическое совпадение. В результате анализа письменных источников и выступлений, посвященных этому вопросу, вырисовывается, несмотря на различия в формулировках и подходе, общая теория тоталитарного государства.

Фашизм охотно поднимает на щит примирение между индивидуумом и государством, но из этого примирения непосредственно вытекают как объединительная функция, так и репрессивная.

«Фашизм,— провозглашает Муссолини,— тоталитарен, и фашистское государство, синтез и общность всех ценностей, выражает всю жизнь народа, движет ею и господствует над нею».

Джентиле в своем выступлении в Палермо 31 марта 1924 г. отмечает, что свобода может существовать только лишь в государстве и что государство не является самоуправным выражением воли первого встречного, а живым уставом, подавляющим все самоуправные воли и осуществляющим в обществе и в самом сознании всякого гражданина нерушимый порядок железного закона.

Исходя из своих расистских взглядов, Гитлер делает упор на объединительной функции государства, рассматриваемой одновременно как функция репрессивная, поскольку всякая неоднородность является посягательством на расовую чистоту. Рейх как государство должен включать в себя всех немцев, поставив перед собой задачу не только собрать и сохранить ценнейшие ресурсы, которыми обладает этот народ в виде первородных элементов своей расы, но и обеспечить им постепенное и неотступное продвижение к господству.

Фаланга делает упор на *единстве Испании как историческом наследии* и подчеркивает, что следует любой ценой сохранить это единство, будь это даже против воли большинства испанцев:

«Во имя единства все классы и индивидуумы должны подчинить себя общему закону. Государство должно быть орудием на службе этого единства, в которое оно должно уверовать. Все, что противостоит этому глубоко органичному единству, должно быть отброшено, даже если большинство стоит за него» (Primo de Rivera. *Les Fondements de L'Etat libéral*, 16 mars 1933).

Отношения между государством и нацией

Однако, начиная с этой общей теоретической основы, на которой строится тоталитарное государство, между одним движением и другим, равно как и в рамках одного и того же движения, возникают разногласия и даже противоречия. В частности, если, как мы это уже видели, анализируя программы, все едины, говоря, что государство берет на себя ответственность за судьбы нации, то вопрос отношений между нацией и государством далек от ясности.

В одних случаях на первый план выдвигается идея, согласно которой государство лишь орудие. Так, по словам Гитлера, *основным является понимание того, что государство не цель, а средство* (курсив мой.— Р. Б.). Оно по сути своей предварительное условие для формирования высшей цивилизации, не являясь его непосредственной первопричиной. Эта первопричина исключительно в существовании расы, пригодной для цивилизации.

Фаланга также настаивает на этой характерной особенности государства, которую уже подчеркивал Примо де Ривера:

«В первоначальной программе Фаланги государство определяется как тоталитарное орудие» (Р а у н е. О р. cit., р. 179).

Такого же мнения придерживается и Муссолини, когда пишет о роли государства, обеспечивающего организацию нации в политическом, юридическом и экономическом аспектах.

Итак, все определения сходятся на том, что государство — *средство, необходимое, чтобы вести нацию к осуществлению ее целей*. Но в то же время в силу своего тоталитаристского представления о государстве идеологи рассматриваемых движений склонны *подчеркивать значение этатического института*, утверждая за ним максимум потенциальных возможностей. При этом они исходят из стремления обосновать его объединительную и репрессивную функции, то есть представить его тем самым не только просто как орудие, которое в конце концов может быть лишь лучшего или худшего качества, а как *эмансипацию самой нации*.

Поэтому часто упоминаемое противоречие между национал-социализмом и фашизмом в вопросе места, занимаемого соответственно государством и нацией, носит скорее поверхностный, чем глубинный характер. Несомненно, итальянские идеологи склонны поднимать на щит государство в большей степени, чем это делает Гитлер. Муссолини заходит так далеко, что, по его словам, «нация создана государством». Но это утверждение не следует понимать в абсолютном смысле. Нация при этом продолжает рассматриваться как высшая реальность,

Государство — орудие или государство — воплощение, или же тождество нации и государства (или государства и нации)? На деле ни для одного из движений выбор не представляется однозначным, поскольку идеологи высказываются одновременно, и уж во всяком случае с небольшими промежутками во времени, и за то и за другое решение вопроса. Так, определение государства как «средства» выдвигается в Испании с 1942 г., когда франкистский режим начинает дистанцироваться в известной мере от фашистской Италии и нацистской Германии. Эта эволюция подается как возвращение к истокам фалангизма, но с самого возникновения фалангистского движения в определении отношений между нацией и государством уже существовала путаница.

Заканчивая рассмотрение этого вопроса, заметим, что, основываясь на общетеоретическом определении государства, каждое из движений при упоминании отношения между государством и нацией отдает предпочтение какому-либо одному аспекту, поскольку в этой проблеме, вероятно из-за того, что не затрагивается суть ее, отсутствует четкая теоретическая установка. В то время как Фаланга чаще всего подхватывает идею государства-орудия, нацизм при анализе государства определяет его одновременно и как средство, и как воплощение расы, настаивая особенно на первом аспекте. Что касается фашизма, он отдает предпочтение скорее государству, в известной степени оставляя в тени нацию, которая тем не менее признается наивысшей ценностью. Остается в силе то положение, что Нация (Раса) — Государство образуют основополагающее двуединство, на которое возложена единая миссия. Любая воля должна безоговорочно подчиниться и посвятить себя ей. Лишь таким образом она сможет претендовать на то, чтобы быть признанной в своем индивидуальном качестве и обеспечить свое существование.

Критика либерального государства

Каковы бы ни были все эти туманные формулировки, имеющие второстепенное значение, теория государства во всех движениях противостоит теории либерализма и соответственно подвергается напад-

кам и либеральное государство. Если оно является предвестником марксизма, значит, *либеральное государство* страдает неизлечимыми недугами. Само представление о государстве-арбитре между противостоящими интересами, между группами и индивидуумами абсурдно. Поскольку в своей деятельности государство-арбитр исходит из частных интересов, оно в соответствии со *своей* природой игнорирует высшую реальность нации. Хуже того, оно отрицает национальную реальность, передавая попеременно власть враждующим группам, чьи интересы противоположны. Сам *выборный принцип* нелеп: как истина, которая едина, может родиться из мажоритарного принципа? Как может она стать действенной, если политическая жизнь основана на принципе возможности смены правящих групп по усмотрению меняющегося большинства? Как цели нации, будучи вечными, могут периодически ставиться под угрозу избирательным бюллетенем? Исходя из этого, анафеме предаются и парламентарный режим, подменяющий единство нации партикуляризмом частных интересов, и политические партии.

Вывод ясен: *либеральное государство* разделяет, в то время как государство должно объединять. Оно *разрушает духовное единство нации* мажоритарной системой и сеет ненависть и раскол, говорит Примо де Ривера. Гитлер выразил эту же идею, но в расистской фразеологии: либеральное государство — еврейская выдумка, призванная внести вырождение, расчленив, а затем уничтожить расовую народную общность, с тем чтобы обеспечить еврею мировое господство. Что до Джентиле, то он доказывал, что либеральное государство не может осуществлять общую волю, поскольку оно основывается на *ложном понимании свободы*. Определяя свободу как право, а не как долг, оно превращает индивидуума в источник свободы и противопоставляет его, таким образом, государству, которое не может быть, исходя из этого, источником единства, а превращается просто-напросто в посредника, примиряющего интересы. Какой бы аргумент ни использовался, неискоренимый порок либерального государства сводится к одному и тому же — оно не признает единства нации.

Этическое государство: государство и индивидуум

Осуждение либерального государства и результатов его деятельности приводит к категорическому утверждению, что государству необходимо предоставить неограниченную власть, поскольку, чем бы оно ни было, «орудием» или же «воплощением» нации, именно оно претворяет в жизнь судьбу нации. Поэтому — и тезис этот повторяется повсюду, — *государство является прежде всего силой духовной.*

Исходя из этого, государство не должно расплять свои усилия непосредственным вмешательством в материальную деятельность определенных секторов национальной жизни, так, например, оно не должно вторгаться в область экономики. В своем выступлении в Удине (сентябрь 1922 г.) Муссолини говорил о решимости фашистов «освободить государство от всех его экономических функций» и покончить с государством-транспортником, государством-почтовым служащим, государством-страховым агентом. Примо де Ривера заявил, что государство снимет с себя полностью управление многочисленными экономическими делами и передаст их в ведение отраслевых экономических организаций (Выступление в Вальядолиде 3 марта 1935 г.). Согласно Гитлеру, государство не проявляет интерес к определенной теории или типу экономического развития. Экономика не более чем одно из многих средств, необходимых для выполнения национальной задачи, «она никогда не является для государства ни причиной, ни целью». Освобожденное от второстепенных задач государство может посвятить себя «духовной сфере, отказываясь от всей материальной сферы» (Муссолини). Отметим для себя это провозглашенное изначально каждым из рассматриваемых движений стремление отказать государству в какой-либо посреднической роли в экономической области. Каждое из них возлагает на государство исключительно роль аккумулятора национальной энергии, задачу реинтеграции в лоно нации всех, кто попал под влияние интернационализма, очищения национального организма от тлетворных чужеродных элементов.

Первостепенная задача этического государства, служащего единству нации, заключается в том, что-

бы дать каждому с помощью своих специфических средств — силы воспитательной и силы принудительной — моральные устремления, необходимые для осуществления духовного единства.

«Подавляя все самоуправные воли» (Джентиле), государство, по сути дела, оказывает услугу индивидууму, и в частности тому самому индивидууму, чья «самоуправная воля» является тормозом для его собственного расцвета и в то же время препятствием для осуществления национальных задач. Главным, если не единственным, объектом объединительной функции государства служит индивидуум, и одновременно он же является главным, если не единственным, объектом функции репрессивной.

«Каким бы ни был применяемый довод, от проповеди до палки, его эффективность (сила воздействия) в итоге может быть лишь той, что побуждает человека соглашаться...», — говорил Джентиле в своей речи в Палермо 31 марта 1924 г.

Гитлер более прямолинеен, когда он без околичностей объявляет преступлением всякое проявление идеологического инакомыслия. Но во всех рассматриваемых случаях *находит оправдание разгул систематического физического насилия над «самоуправной волей» на благо моральной силы государства.*

Вывод

Именно эти фундаментальные принципы являются одними и теми же для всех трех рассматриваемых движений, даже если они и различаются в оттенках и даже если тот или иной идеолог движения — в данном случае Примо де Ривера — пытается отбросить термины вроде «тоталитарный» и противопоставить фашистское итальянское государство государству нацистскому (например, в статье «Испания и варварство» от 3 марта 1953 г.).

Делая основой государства духовную силу, которая, выражая национальные цели, служит единственным, но достаточным обоснованием его абсолютной власти и, следовательно, его неограниченных возможностей вторгаться во все сферы — частные и общественные, индивидуальные и социальные, — *все три движения признают, что государство, которым*

они управляют или стремятся управлять, носит террористический характер, с одной стороны, потому что самая главная его роль заключается в том, чтобы любыми средствами подчинить любую волю «общей воле», единственным распорядителем которой является оно само, а с другой стороны, потому что каждое его действие заранее оправдано с точки зрения нравственных требований, возникающих в связи с основной национальной задачей, с которой государство полностью идентифицируется.

И наконец, следуя логике вещей, *каждое отдельно взятое движение призвано дать нации то государство, в котором она нуждается*. Движение, раскрывшее причины существующего упадка, открывшее в переустройстве государства путь к национальному возрождению и выдвигающее единственную спасительную идеологию перед лицом марксизма, это движение обладает Истиной, а также отождествляет себя со всенародным делом Нации. Так закладывается в теоретическом аспекте существование блока Нация-Народ-Государство-Движение,— блока, нерасторжимого и бескомпромиссного. Что касается нацизма, то О. Кёльрейтер говорит об этом так:

«Вот почему тоталитарное государство не может быть ни чем иным, кроме как государством, поддерживаемым четкой национальной идеей, вот почему немецкое государство должно заставить весь народ проникнуться национал-социалистской идеологией. В этом главная задача партии как движения... Задачей партии в национал-социалистском государстве является осуществление единства. Она *то* движение, на которое под руководством фюрера ложится ответственность за создание, закрепление, консолидацию политического уклада и за организацию немецкого народа» (цит. в: Hofe r. Op. cit., p. 90).

«Под руководством фюрера»: как же на деле осуществляется власть в национальном сообществе? Для того чтобы дать ответ на этот вопрос, следует подвергнуть анализу основы социальной организации и претворения в жизнь власти, а это заставляет нас предварительно рассмотреть концепцию индивидуума, вытекающую из идеологии рассматриваемых движений.

Глава четвертая

ИДЕОЛОГИЯ: ИНДИВИДУУМ И СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

РОЛЬ И МЕСТО ИНДИВИДУУМА

Каждое из движений утверждает, что одним из основных, движущих им устремлений является обеспечение индивидууму его истинного места в общественной и национальной жизни. Для всех трех движений пересмотр роли индивидуума должен явиться следствием претворения в жизнь трех основных положений доктрины: интеграции индивидуума в рамках коллектива, провозглашения неравенства индивидуумов между собой, принципа борьбы за жизнь как источника отбора наилучших.

Интеграция индивидуума в рамках коллектива

Восстановление индивидуального достоинства совершается прежде всего путем *реинтеграции индивидуума в лоно нации*. Прямо де Ривера так резюмирует эту общую для всех идею: в новом государстве индивидуум станет полностью самим собой, его судьба будет такой же, как и судьба национального коллектива, он будет стремиться к осуществлению национальной задачи. Исходя из этого, Муссолини пишет, что государство — истинная реальность индивидуума. Путем этой интеграции индивидуума в рамках государства свобода индивидуума совпадает со свободой государства. Индивидуум тем свободнее, чем большей властью пользуется государство.

Индивидуум к тому же вкраплен в определенное число коллективных структур, в рамках которых развивается его деятельность. Но группы, к которым он принадлежит по необходимости, — *группы «естественные»*, и лишь они могут дать индивидууму возможности для развития его личности. Это, с одной

стороны, *семья и населенный пункт*, то есть рамки биологической и социальной жизни индивидуума, с другой стороны — *профессия*, то есть группа, в которую индивидуум входит как производитель, в соответствии со своим профессиональным выбором. Все три движения настаивают на этих необходимых рамках, в которые вписана жизнь человека в силу его жизнедеятельности, и тем самым неизбежных, одним словом — «естественных». В этой связи подчеркивается идентичность интересов индивидуума и группы, в которую он входит, что предполагает ответственность и обязанности индивидуума в отношении каждой из этих групп. Итак, от семьи до нации индивидуум интегрируется в различные общественные структуры — принудительные, но тем самым и освободительные.

Но в то же время все идеологи настаивают на одном, на их взгляд, существенном вопросе: *общественный класс — это рамки искусственные, лишенные реального содержания*, придуманные с тем, чтобы сделать правдоподобной «чудовищную догму» борьбы классов. Следует уточнить, что речь идет об общественном классе в марксистском понимании, поскольку фашизм, например, признает существование социальных классов, но в «бессчетном количестве... Речь идет о категориях или группах, перемешавшихся в такой степени, что им иногда трудно сказать, где начинается одна и кончается другая» (А. Рокко). Гитлер со своей стороны уточняет, что существование «социальной принадлежности», или «професий», не ведет к их фиксации в виде «классов», искусственных рамок, которые распадутся, когда индивидуумам будет возвращено национальное сознание.

Первый вывод с точки зрения рассматриваемых движений: индивидуум входит в группы, могущие быть очень многочисленными, но лишь некоторые из них являются основными, будучи «естественными». Провозглашается единство интересов между группой и индивидуумами, входящими в нее, причем права и свобода индивидуума трактуются прежде всего под углом зрения ответственности и обязанностей этого последнего. И наконец, и это главное, *категорически отрицается, по крайней мере с точки зрения общино-*

сти специфичных интересов, один из типов принадлежности индивидуума, а именно его принадлежность к социальной группе, зависящая от места индивидуума в производственном процессе и связанная с собственностью на средства производства. Направленность этого отрицания становится ясной, если подумать об основной задаче, задаче борьбы с марксизмом. В противовес ему утверждается множественность принудительных принадлежностей, как в силу их «естественного» характера, так и тех обязанностей, из которых они вытекают. Это отрицание призвано уничтожить какое бы то ни было классовое сознание и заменить его чувством принадлежности к группам, где разнородность «социальных условий» по сравнению с тождественностью интересов оказывается меньшей или прямо-таки ничтожной.

Неравенство индивидуумов между собой

Человек не равен по своей ценности другому человеку. Таков постулат, основанный на констатациях, якобы зиждущихся на опыте. Ни одна из групп, никакая человеческая разновидность, ни один из индивидуумов не обладает теми же характерными особенностями, реакциями, способностями, что и смежная группа, разновидность, индивидуум. Гитлеровская теория присовокупляет к этому, что, подобно тому как расы неравны между собой, индивидуумы неравны внутри одной и той же расы. *Неравенство — неизбежный закон природы*, и род человеческий не может уклониться от него. Этот принцип, настойчивее всего утверждаемый нацизмом, исходя из расистской догмы, более сдержанно представлен в идеологии фалангистов и четко выражен фашизмом. Все три движения подчеркивают различную ценность индивидуумов, с тем чтобы отвергнуть существование социальных классов, которые в силу неравенства индивидуумов смешаны по своему составу, как любая человеческая группа (на этом настаивают Валенциани и Маркотте). Иными словами, объединение индивидуумов в одну группу не находит своего оправдания в равенстве социальной принадлежности, занимаемого положения, ценности этих индивидуумов. А отсюда и вывод, что общественных классов не

существует. Объединение в группу является результатом того, что у индивидуумов *вопреки* неравенству в звании, положении, ценности есть свое *естественное место* в данной группе — семейной, связанной с местожительством, профессиональной, — и это лежит вне их, они не могут уклониться от этого. Аргументация, основанная на порочном отождествлении (когда, например, допускается смешение социальной принадлежности, социального положения и индивидуальной ценности), несомненно, несостоятельна. Но, как мы видели, идеологи рассматриваемых движений прибегают в большей степени к утверждениям, нежели к доказательствам. Заметим, что при всех обстоятельствах эти аргументы составляют часть арсенала средств, призванных сокрушить идею существования общественных классов.

Второй вывод. С одной стороны, индивидуумы входят в определенное число коллективов, оказывающих значительное влияние на структуру национального общества. Но, с другой стороны, это общество *дробится на бесконечное разнообразие индивидуумов*, необратимо разделенных неравенством своей личностной ценности. Как же тогда может осуществляться управление социальным организмом? Как может выделиться власть, способная управлять государством и взять в свои руки судьбы нации? Неравенство людей между собой исключает какое бы то ни было обращение к мажоритарному принципу (он уже подвергался осуждению, исходя из единства национальных судеб). Обратиться к нему означало бы передать власть в руки людей недалеких и недостойных. Всякое руководство, осуществляемое частью социального организма (как это предлагается «марксистским» решением вопроса, когда у кормила власти находятся социальные классы), абсурдно по той же причине, поскольку всякая часть социального организма *слагается из индивидуумов, различных по своей ценностности*. Возможно лишь одно решение: *социальный организм может быть управляем только лишь индивидуумами, которые по своим качествам (сила, инициатива, воля и т. д.) стоят выше среднего уровня своих сограждан и расположены взять на себя ответственность за судьбы множества посредственностей*. Прогресс общества и процветание нации

возможны лишь благодаря побудительному толчку самых сильных личностей. Валенциани отмечает, что *«индивидуальная ценность и активность»* служат *«орудием социального переустройства»*.

Индивидуальная ценность заключается, как в этом можно было убедиться, не только в способностях, необходимых для обеспечения сложной административной или правительственной деятельности на государственном уровне. Речь идет о несравненно большем: *самым сильным индивидуумам ведомы судьбы нации. Они ведут за собой народ, управляют им безраздельно, и это отвечает естественному порядку вещей.* При кажущейся бесцветности фразеология Гитлера приоткрывает завесу над тем, какую именно роль призваны играть руководители государства: *«Наилучшая конституция и наилучшая государственная форма та, которая обеспечит как нечто само собой разумеющееся наилучшим элементам коллектива значимость вождя и влияние учителя»* (курсив мой. — Р. Б.) (*«Mein Kampf»*, р. 447).

Борьба за жизнь и отбор

Как же эти руководящие личности выдвигаются из общей массы? Как их можно распознать? Фалангизм, ссылающийся на непосредственные узы, связывающие его с римско-католической церковью, превозносит личное усилие, направленное на выполнение национальной задачи и наилучшим образом позволяющее индивидууму занять то место, которое отвечает его способностям и заслугам. Жизнь — это аскеза, долгий путь, исполненный постоянного индивидуального напряжения, дающего возможность вырваться из рамок своего социального положения и обуславливающего социальное продвижение, доступ к самым высоким постам. Таким образом, индивидуальное усилие является единственным условием для какого бы то ни было пути вверх, даже если необходимые природные данные заинтересованного лица очень невелики. Проблема отбора наилучших с легкостью сводится к банальной формулировке — лучшие становятся первыми.

Фашисты занимают в этом вопросе несколько иную позицию. Итальянские идеологи предпочитают

морализаторским тенденциям фалангистов более мужественные декларации. На первом плане у них борьба. Сильные индивидуальности отличаются от массы своей упорной и непрекращающейся борьбой, что выдвигает их из общей массы. Эта борьба ведет свое начало со школы и продолжается в течение всей жизни. Исходя из этого, задача воспитания состоит прежде всего в том, чтобы поднимать на щит мужские доблести, формирующие настоящих людей, способных выстоять в повседневной битве, где, находясь среди других людей, они одиноки, ибо решение проблем существования лежит прежде всего внутри каждого человека, создающего в себе, по словам Муссолини, физическое, моральное, интеллектуальное орудие для построения своей жизни. Отбор наилучших — закон природы, личность решительная, упорная, человек действия заслуживает удачи и самых высоких должностей, он заслуживает того, чтобы стать вожаком себе подобных. Успех служит подтверждением таланта.

Таким образом, в соответствии с тем или иным подходом к вопросу — более прямолинейным у итальянцев — фашизм и фалангизм склоняются к тому, чтобы принять, не выражая этого открыто, идею *естественного отбора*, в применении к социальному организму, ведущему к отбору наилучших. Расистский подход дает возможность нацизму заострить то, что в прочих движениях выглядело лишь как тенденция, и сформулировать установки своего рода расового и социального дарвинизма на рудиментарном уровне. «Победа, одерживаемая наилучшим и наисильнейшим», «подчинение плохих и слабых» имеют своим источником «вечную волю, управляющую этим миром», вещает Гитлер в «Майн кампф». Подобно борьбе человеческих рас между собой, борьба индивидуумов между собой внутри одной и той же расы является неумолимой реальностью, приложением к человечеству универсальной борьбы за жизнь. Эта борьба ведет в первую очередь к «жестокому отбору», и победителями из нее выходят лишь личности, способные выдержать все испытания жестокой битвы. Они немногочисленны. «Многие, будучи раздавленными, погибают... Лишь очень немногие оказываются в итоге избранными» (там же, с. 445). Но выжив-

шие в этой беспощадной борьбе призваны быть вожаками масс.

Третий вывод: лучшие берут верх. Формулировки могут быть различными, основной тезис повсюду одинаков. Индивидуальное продвижение совершается исключительно благодаря индивидуальной борьбе. С одной стороны — хорошие и сильные, с другой — плохие и слабые. Если индивидуум не преуспевает, это происходит из-за его небольших способностей или же его недостаточной воли. Естественная беда или личная вина — все сводится к личной ответственности, вине вольной или невольной. *Место индивидуума в обществе прежде всего его личное дело*, иначе говоря, решение общественных проблем является делом не общественным, а индивидуальным, тем более что действия, направленные с приложением максимальных усилий на решение национальной задачи, позволяют заодно улучшить и свою собственную судьбу. Так, под прикрытием прославления индивидуума, его творческих возможностей, вечных ценностей, чьим носителем он является, борьбы за жизнь или естественного отбора находит поистине свое выражение *закон джунглей*, что ведет к своеобразному *ужесточению либерального индивидуализма*, на сей раз лишенного всяких прикрас, превращающего национальное общество, несмотря на жесткость его структур и на то, что люди вписаны в его рамки соответственно строгой системе, в арену индивидуальных столкновений. Одновременно окончательно рушится всякое чувство солидарности, могущее возникнуть в связи с тем местом, которое индивидуумы занимают в производственных отношениях, поскольку в этом аспекте, который, как уже говорилось, считается искусственно придуманным, равно как и в других, каждый человек — соперник своего ближнего в борьбе за жизнь. Так дело уничтожения всякого классового сознания приобретает еще одно идеологическое оружие.

В этой связи абсолютный цинизм Гитлера позволяет ему возвести, исходя из расистской догмы, самое полное и, без сомнения, наиболее действенное идеологическое построение, поскольку он, во всяком случае если говорить о формулировках, в наименьшей степени соотносит его с предшествующими

идеологиями, в той или иной мере сомнительными. По существу, *Гитлер открыто стремится убедить наиболее слабых в их недостойности* и тем самым в неизбежности того, что они должны занимать подчиненное положение, в то время как наиболее сильным он развязывает руки. Ж. Биллиг (цит. соч.) прекрасно пояснил идеологические пружины этой операции.

1. Именно для Гитлера характерно наиболее безудержное демагогическое восхваление творческих возможностей индивидуума. Полнее всего они были выражены у изобретателя, то есть у индивидуума, позволившего роду человеческому оторваться от животного мира, причем все открытия являются «творческими проявлениями отдельных индивидуумов». Таким образом, изобретатель стоит у истоков цивилизации. Это он ведет за собой мир. Судьбы человечества никогда не были в руках массы.

В «Мифе XX века» Розенберг превозносит «суверенное Я», стремящееся подчинить себе природу и провозглашающее свою свободную волю, зная при этом, что оно часть мира, в котором правит универсальный детерминизм. По выражению Ж. Биллига, это ведет к «культу человеческого высокомерия среди человеческой покорности».

2. Творческая деятельность высших индивидуумов позволила им познать некоторые тайны природы и тем самым обеспечить свое господство над другими людьми. Применение изобретений и открытий, сделанных выдающимися умами, требует подчинения и оправдывает его.

3. Вывод: подобно тому как господство высших рас над низшими является условием прогресса человечества, лишь подчинение слабых и заурядных индивидуумов выдающимся обеспечивает прогресс всего расового народного сообщества.

Вывод: индивидуум и общество

Во всех рассматриваемых движениях индивидуум поднимается на щит в связи с теми национальными рамками, внутри которых развивается его деятельность. И вместе с тем у индивидуума, отдающего себя выполнению национальной задачи, непреложный долг перед нацией, которой он обязан всем, начиная

с самого своего существования как человека. Таким образом, прославление индивидуума служит идеологической опорой упорядочения — жесткого, тоталитарного, поскольку оно распространяется на все аспекты личной жизни и делает полным вкрапление индивидуума в известное число естественных коллективов, за исключением общественных классов, — коллективов, являющихся промежуточными объединительными структурами, поскольку на каждом уровне провозглашается единство интересов между индивидуумом, группой, нацией.

Но в то же время индивидуум полностью предоставлен самому себе. Человек обособлен на своем индивидуальном жизненном пути, который он свершает своими силами, исключительно своими силами. Никакая социальная солидарность не может ему помочь выйти за пределы своего общественного положения. Единственное, на что он может рассчитывать, — это индивидуальное усилие. При этом его результаты ограничиваются изначально заданными естественными способностями. *Таким образом, всякий посул коллективного решения социальных проблем, исходя из общности интересов одной и той же социальной группы, считается ложным по своей сути.* Единственная возможность социальной справедливости в том, чтобы дать каждому то место, которое ему отводит борьба за жизнь, исходя из его способностей и воли. Ибо судьба слабого — оставаться слабым и подчиненным. Общество никакой ответственности за это не несет, причина лежит исключительно в игре естественных законов существования.

Так, в рамках социального организма наименее одаренным предлагается достойное смирение; индивидуумам со средними данными — выполнение повседневных задач в надежде, что их упорство и воля позволят некоторым из них подняться до более высокого места, а выдающимся индивидуумам отводятся высокие судьбы на уровне нации, управление массами, господство над другими людьми. Индивидуум новой разновидности — фашист, нацист, фалангист — выковывает себя, с тем чтобы его воля стала действием, чтобы его достоинства служили примером, чтобы его сознание национальной (расовой) миссии сделала его нестигаемым, чтобы его уверенность в

том, что он является хранителем *истины*, убеждала бы, что все средства (проповедь и палка) должны быть пущены в ход для ее триумфа, чтобы его *ненависть* к марксизму воодушевлялась непреклонной решимостью. В потенции все это было у сильных людей и до появления движений. Но оно было придавлено марксистским эгалитаризмом и задушено серостью либеральных будней. Движение высвободило их глубинные силы, позволило дать волю их жизненным инстинктам и перевело внутреннюю напряженность в русло осуществления национального единства.

Итак, все три движения предлагают всем — слабым и сильным, богатым и бедным — *участие в окрыляющей национальной (расовой) миссии*. Все концы сходятся. Жесткое индивидуальное соревнование определяет судьбу каждого внутри общественного организма; но судьба каждого улучшается с выполнением национальных задач, в силу чего каждый индивидум особо заинтересован в том, чтобы вложить все свои силы, будь они малые или большие, в выполнение этих задач. Судьба у индивидума и нации одна-единая.

Так находит свое оправдание социальное неравенство, а точнее, углубление этого неравенства. Поскольку истоки его в законах существования — оно неизбежно. Корни социального неравенства — в неравенстве индивидуумов, а не в социальной организации. Личное усилие и выполнение национальной задачи в какой-то степени компенсируют это неравенство, но тем не менее самым сильным личностям это не мешает всегда быть первыми, они всегда будут вести за собой менее благоприятствуемую массу себе подобных. Исчезает всякое упоминание о социальных классах. Индивидуум, нация (раса): между этими двумя полюсами — структуры сообществ, являющихся рамками для интеграции индивидуумов. *Общая функция концепции индивидуума в идеологии всех трех движений сводится в итоге к следующему: устранить всякую возможность обретения заново сознания своей социальной принадлежности в какой бы то ни было форме*. Всякая надежда на социальное освобождение абсурдна. Замкнутый в своей судьбе, прикованный к национальной задаче, вознесенный на самые высокие посты, если он покажет себя заслужи-

вающим их и способным, индивидуум черпает в себе самом, в себе одном свое смирение и свои надежды, которые смогут стать реальностью лишь в единстве нации. Если цель идеологии рассматриваемых движений в том, чтобы вернуть массам «национальное чувство» и отвлечь их от классовой борьбы, концепция индивидуума призвана сыграть в этом отношении решающую роль.

ПРИНЦИПЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВЛАСТИ

Социальная организация, как и осуществление власти, находятся в прямой зависимости и от единства судьбы индивидуума и нации, и от неравенства индивидуумов между собой.

Личностный отбор

Отбор личностей, призванных выполнять ответственные функции, не может основываться на выбранном принципе, в силу которого управление делами отдается в руки посредственностям и бездарностям. Только лишь *принцип отбора* позволяет найти головы, способные успешно руководить государством. Только *элита* из избранных натур способна взять на себя ответственность за дела нации. *Элитарный принцип* непосредственно вытекает из закона отбора. Он доминирует в природе — как же ему не управлять человеческим обществом?!

Обновление элиты

Индивидуумы высшего порядка подбираются среди людей *всех социальных уровней*. И насколько бесполезно стараться найти какую-либо общность в основных интересах внутри одной и той же социальной группы, настолько верно то, что подбор индивидуумов высшего порядка не должен являться привилегией исключительных слоев. *Элита обновляется притоком новой крови. Поэтому какой-либо застой в правящих звеньях невозможен.* Принцип отбора влечет за собой в результате притока новых людей *социальную мобильность*, в истоках которой лежит не демагогический закон мажоритарности, на что претендует

марксизм или что является правилом в либеральной системе, а только лишь личное продвижение, результат действительной ценности индивидуума.

Иерархический принцип и принцип главы

Распределение власти происходит сверху вниз, а не снизу вверх. Оно и не может быть иначе, если в соответствии с законом природы индивидуумы высшего порядка господствуют над всеми прочими. Иерархический принцип во всех движениях служит основой всякой упорядоченной социальной и политической организации, ибо он отвечает естественному закону отбора. Каждый, от лучших до самых недостойных, занимает свое место на иерархической лестнице, благодаря которой устанавливаются отношения господства и подчинения между индивидуумами. Решения на уровне своего иерархического звена *принимаются начальником самолично*. Как всякий индивидуум высшего порядка, он в полном одиночестве суверенно принимает свою ответственность и свою судьбу. В конечном итоге, на каждой иерархической ступени *лицо, стоящее во главе,— слепой исполнитель*. Всякий приказ свыше замкнут на себе. Он должен быть выполнен и передан дальше без рассуждений и без необходимости что-либо разъяснять. *Принцип главы — нацистский принцип фюрера*, тесно связанный с иерархическим принципом и самым непосредственным образом из него вытекающий, является для всех трех движений основой осуществления власти в любом виде, о какой бы сфере жизни ни шла речь.

После того как, исходя из интересов единства нации и неравенства людей между собой, были отвергнуты демократический принцип и мажоритарные установки, все сходится на том, чтобы оправдать абсолютную власть государства. Правило, лежащее в основе, — простое, но «золотое» правило: независимость всякого индивидуума по отношению к низшему звену, над которым он властен и где он пользуется абсолютным влиянием. Его зависимость от высшего звена также абсолютна. Ответственность существует лишь по отношению к высшему звену. Таким образом, *каждое начальственное лицо облекается властью*

только вышестоящим начальником и несет ответственность лишь перед этим последним. Точно так же оно может быть в любой момент снято с занимаемой должности начальником, стоящим над ним. С другой стороны, никакое представительное учреждение не обладает правом решения. В противном случае это означало бы возврат к принципу контроля элиты со стороны большинства. Нацистская идеология закладывает основу для тоталитарного государства, организуемого, исходя из «неравенства людей, необратимого, животворящего и благотворного» (Муссолини) в соответствии с принципом фюрера. От принципа Главы зависит и высшая государственная власть.

Верховный глава

В соответствии с иерархическим принципом государством должно управлять одно-единственное лицо, индивидуум, который, выйдя победителем в «жестком отборе борьбы за жизнь» (Гитлер), тем самым является лучшим из лучших, самым одаренным, самым доблестным из всех своих современников. Он, как правило, занимает место на самом верху иерархической лестницы, связывающей людей. Этот индивидуум воплощает в себе судьбу нации. На нем сходятся нити организации иерархического государства и единства национальной судьбы. Таким образом, личность его не идет ни в какое сравнение с личностью какого бы то ни было главы государства. Лучший из всех, как это показал самый жесткий отбор, он становится воплощением мистической истины. Хуан Бенейто Перес, идеолог первых лет франкизма, достаточно вразумительно поясняет эту двойную характеристику Главы:

«Понятие Каудильо * — синтез разума с идеальной необходимостью. Синтез, включающий не только силу, но и дух. Есть в этом понятии и «технический» аспект, но и в нем воплощены в равной степени душа и лицо нации. «Технический» аспект, естественно, вытекает из органической потребности в режиме

* Испанск. Caudillo — вождь, глава. Во франкистской Испании стало синонимом имени Франко. — *Прим. перев.*

утилитарном, тоталитарном и в высокой степени иерархическом. «Воплощение» — это мистический аспект». (цит. в: Рауне. Op. cit., p. 178).

Личность Главы, таким образом, находится на недостижимой высоте по сравнению с лучшими сынами народа, которыми он управляет. Его полномочия неограниченные и никем не контролируемые, связаны с местом, занимаемым им в иерархии, и его слитностью с судьбами нации. Ответ он держит, как это сказано о каудильо, лишь перед богом и историей. Узы, связывающие его с народом, носят оккультный характер. Тождественность взглядов между Главой и его народом возникает как молния, как озарение, как *непосредственно рождающееся откровение*, принимаемое и не подлежащее обсуждению. *Таким образом, между Главой и народом не может быть никакого посредника*, в частности никакая представительная организация не может претендовать на осуществление какого бы то ни было контроля. Глава окружает себя сотрудниками, но не для того, чтобы выслушивать суждения, оспаривающие его действия. Непосредственность связи между Главой и его народом предполагает, по выражению нациста Карла Шмитта, «немедленно возникающую тождественность взглядов между фюрером и его сотрудниками». *Авторитет Главы зиждется не на осознанном доверии. Это связь мистическая и личностная.*

«Узы, связывающие Главу и народ, не только духовные, но и поэтические, и религиозные. Это взаимопроникновение массы и ее руководителей происходит в результате процесса, схожего с любовью», — говорит Примо де Ривера.

Джентиле обращается к экстатическому потрясению, производимому направляющими идеями-силами. Идея-сила становится «*деятельным сознанием личности*», оно же в своей «универсальной человеческой ценности» превращается в «центр духовной иррадиации». Силой своего рода встречного потрясения, личность, вдохновленная идеей-силой, начинающей овладевать народом, приводит ее в действие и распространяет среди все более широких масс.

Вот в чем *подавляющая по своей значимости задача* Главы, который, будучи избранником народа, подобно тому как бывают избранником божьим, об-

ладает необычайными духовными качествами. Таким образом, Глава является *«живой доктриной»* (курсив мой.— Р. Б.), человеком духовно высокоодаренным и привилегированным, в котором формула становится действием, продолжая оставаться формулой, идеей, универсальным мышлением, спланивающим и дисциплинирующим людскую массу» (Джентиле). Глава — *Руководитель* в самом полновесном смысле слова. Его необыкновенные данные делают его *поистине ясновидцем*. Для того чтобы народ не погрузился в летаргию, для того чтобы он не утратил своей собранности, масса должна идти за своими вождями, как за пророками, пишет Примо де Ривера.

Таким образом, Глава не такой человек, как другие. Дуче, Фюрер, Глава или Каудильо, он возвышается над всеми смертными силой воплощенной в нем идеи, равно как и своими необыкновенными качествами, силой своего духа, своими огромнейшими достоинствами, своими данными Руководителя. В этом смысле, хотя вокруг этой формулировки и шли споры, можно сказать, что в рассматриваемых движениях дается прямо-таки описание *харизматического лидера*.

Как бы то ни было, на этой верхней ступени иерархической лестницы начинается *неистовство иррациональных сил*. Но не служит ли это залогом успеха самой идеологии главы? Глава стоит над реальной человеческой природой. Он вырван идеологами из обычного мира и вознесен на недоступные идеальные высоты, не просто как первый иерарх, но как воплощение слова и дела, и в силу этого своего мистического могущества он является единственным носителем власти как живой, как абсолютный выразитель национальной и общенародной воли. Эта образная система выглядит единственно пригодной для того, чтобы отвести притязания демократов, разбить порождаемые марксистами надежды на возможность радикального преобразования общества в том случае, если пролетариат возьмет власть в свои руки, подорвать рациональную почву под ногами как тех, так и других и придать претворению в жизнь абсолютной власти характер совершенно новый, не несущий следов какой бы то ни было связи с предшествующими политическими формами, поскольку любая форма

авторитарного или диктаторского правительства рискует быть уже скомпрометированной по тем или иным причинам в глазах масс, которыми следует овладеть. А отсюда и *Глава — объединитель и ясновидец*, верховный устроитель, не поддающийся каким бы то ни было воздействиям, ибо над ним не властны случайности. Исходя из этого, он — справедливый правитель, могущий взять на себя в полной мере, в общих интересах и в соответствии с естественными законами единые судьбы нации, народа, индивидуумов.

ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ КАПИТАЛОМ И ТРУДОМ: ПРИНЦИПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Полностью отвергая всякую разновидность коллективизма, основанную на общественной собственности на средства производства и обмена и не менее неуклонно отказываясь признать существование борьбы классов, рассматриваемые движения претендуют на то, что в области экономической организации ими найдено положительное решение, противостоящее марксизму. Но тут, по правде сказать, мы касаемся области, где идеи основателей движений необыкновенно сбивчивы. Следующие одна за другой декларации, а иногда даже и одновременно высказанные утверждения часто противоречат друг другу. Терминология содержит множество неточностей. В разных текстах, а также и внутри одного и того же опуса такие слова, как «синдикат», «корпорация», «профессия», употребляются то одно вместо другого, то в их обычном значении, и, таким образом, не всегда можно точно определить смысл, в котором они использованы. Подобная неоднозначность встречается не редко — например, в «Майн кампф». Вместе с тем, меры по внедрению корпоративной системы растягивались не на одно десятилетие, и это приводило к тому, что всякий раз, когда создавалось новое учреждение, идеологические разъяснения в этой связи далеко не всегда согласовывались с предыдущими. Речи Муссолини, посвященные корпоративной системе, во время экономического кризиса 1929 г. и после него имели совершенно иную тональность, чем его предшествующие заявления.

Таким образом, в этой области еще более, чем в других, необходимо четко оговорить, что поле нашего исследования фашистской идеологии ограничивается периодом формирования и развития рассматриваемых движений, периода, в течение которого поиски действенности этой идеологии, как мы уже это отмечали, приводят основоположников движений к формулировке идей, призванных, что касается экономической организации, способствовать сплочению всех слоев населения. Короче говоря, вопрос сводится для этих фашистских движений к тому, чтобы применить в каждом отдельном случае основные принципы национального единства и иерархической общественной организации. Но, когда дело идет об экономических проблемах, идеи эти становятся тем более изощренными, поскольку марксизму следует противопоставить позитивное решение, приемлемое для всех — предпринимателей и рабочих, крупных капиталистов и мелких собственников, аграриев и малоимущих крестьян, чьи интересы провозглашаются общими в рамках национального сообщества, но чье действительное положение в качестве собственников или же людей, лишенных собственности, изначально лишено общих черт. Быть может, в этом и следует видеть причину разноречивых, точнее, противоречивых формулировок.

В то же время для рассматриваемых движений существенно важно, и именно в тот момент, когда они встали на путь захвата власти, утверждение *объединительной доктрины*, которая позволила бы провести желаемую перегруппировку сил. Поэтому особый интерес представляют тексты, относящиеся ко времени, когда то или иное движение находилось на подъеме: «Майн кампф»; речи и статьи Примо де Риверы и Франко; заявления и комментарии времен гражданской войны и самых первых лет франкистского режима; выступления Муссолини в начале 20-х годов и пропагандистские работы, написанные во время утверждения фашизма в Италии, равно как и книжица Горголини «Фашизм», опубликованная в 1921 г., с предисловием самого Муссолини.

В размышлениях, зачастую чрезвычайно расплывчатых, выделяются несколько общих тем, на которых делается больший или меньший упор.

Обязанности трудящихся и неприятие их боевых организаций

Труд, демагогически защищаемый и признанный правом, согласно рассматриваемым концепциям, является при этом национальным долгом. Трудящиеся в свою очередь без каких-либо протестов безраздельно отдаются своей производственной задаче.

Тем самым для них исключается возможность объединения в ассоциации, призванные бороться за их личные интересы. *В фашистском национальном государстве защита труда не должна являться делом трудящихся, организованных в самостоятельную социальную группу, чья деятельность была бы фрагментарной, наносила бы вред национальному единству и, следовательно, урон самим трудящимся.* В позициях всех трех движений в этом вопросе нет различий в оттенках. Гитлер энергично выступает против профсоюзов, чья «агитация ни в коей мере не отвечает истинным интересам рабочих, а лишь губительным целям международного еврейства», и уточняет, что нацистский синдикализм — это не классовое профсоюзное движение, а «орган профессионального представительства». По заявлению Франко в упоминавшейся речи в связи с его назначением главой государства, его режим будет стремиться избежать того, чтобы труд, «организованный в передовой класс», «встал бы на позиции горечи и борьбы, которая, ведя к бесплодному мятежу, сделала бы его неспособным к сознательному сотрудничеству». Если Горголини утверждает, что «фашизм требует законов, которыми были бы признаны юридически профсоюзные организации», и что он всеми силами поддерживает профсоюзное движение, то это означает, что профсоюзное движение должно быть основано на классовом сотрудничестве — это неоднократно подчеркивается и подтверждается яростными нападками автора на боевые «красные организации».

И наконец, *все три движения сходятся на своем неприятии забастовок*, которые, дезорганизуя производство, идут якобы вразрез с истинными интересами трудящихся.

Государство обеспечивает посредничество при возникновении трудовых конфликтов. Но согласие меж-

ду самими заинтересованными сторонами, пекущимися об основных общих интересах,— правило, желательное для всех.

Вывод: В соответствии с поставленной перед идеологией целью уничтожения какого бы то ни было классового сознания у трудящихся она призвана обосновать признание ненужности и вредоносности организаций трудящихся и характера действий их как определенной социальной группы.

Признание частной собственности и роли капитала

Из этого признания вытекает несколько доминирующих идей, общих для всех трех движений.

Частная собственность провозглашается ими всеми как одна из основ экономической и социальной организации. Это утверждение обретает особую весомость в противопоставлении «марксистскому коллективизму», подвергающемуся постоянным нападкам. Особенно поднимается на щит *личная и семейная собственность*. У Гитлера не упоминается, что именно представляет собой его идеал, но он не преминул высказать, что крупное предпринимательство, владение семейное или личное — результат индивидуального усилия и его достижений в борьбе за жизнь и это служит обоснованием его законности. Фашистские и фалангистские идеологи черпают вдохновение для защиты и прославления собственности в более традиционном взгляде на вещи. Горголини поет хвалу собственности как «средству проявления самого здорового и плодотворного индивидуализма. Она дает человеку возможность всестороннего развития для себя самого и для коллектива». В частности, Горголини восхваляет собственность крестьянскую. Для Примо де Риверы «собственность — это проекция человека на то, чем он владеет. Это один из его существенных атрибутов». В данном случае предпочтение отдается, скорее, мелкой и средней собственности, семейной или же индивидуальной.

Капитал, «богатство, призванное производить» (Маркотте), подстегивает экономику. С этой точки зрения «собственник, вкладывающий свои деньги в коммерческую организацию», — производитель. И наконец Маркотте в своем толковании национал-

синдикалистской доктрины так резюмирует общую для всех движений точку зрения:

«В отношении капитала, являющегося накоплением богатств, призванных производить, выработана следующая программа: стремиться сделать всех богатыми в противовес программе уничтожения капитала, которая сводится к тому, чтобы всех сделать бедными».

Однако существуют хороший капитал и плохой капитал. Будучи источником богатства, созидаящим, в той же мере, что и труд, всеобщее благосостояние, капитал полезен лишь в том случае, если его вложили в производство. И напротив, спекулятивный капитал истощает живые силы индустрии, заставляет частную собственность встать на ложный путь, трансформирует ее в анонимное акционерное общество, способствует утрате ею национального чувства, делает ее космополитичной (отдает ее в руки международной еврейской финансовой верхушки, присовокупляет Гитлер), отвлекает деньги от их социального предназначения, заключающегося в том, чтобы способствовать производству.

Признание законности частной собственности, производительного капитала, осуждение капитала спекулятивного — на этих общих основах зиждется *общая позиция, отвергающая обобществление, перераспределение, раздел имущества и богатства*, т. е. отвергающая радикальное преобразование социальных отношений. Не обнаруживается отхода от этой принципиальной позиции, почти что идентичной для всех движений, и при рассмотрении *проблемы их отношения к капитализму*, хотя тут и возникают нюансы.

У Примо де Риверы можно обнаружить ностальгию по либеральному капитализму и классической свободе предпринимательства, «одним из самых приятных и привлекательных аспектов» которого, пишет он, «было пренебрежение к органам власти». Но суть, как мне кажется, в другом. Для Примо де Риверы владельцы предприятий, предприниматели, промышленники не являются компонентом капиталистической системы, которая эксплуатирует-де их наравне с рабочими. То, что капитал, как и собственность, находится в индивидуальном владении, не имеет значения. С того момента как этот капитал вложен в про-

изводство, он не порождает более ни капитализма, ни эксплуатации. И наоборот, спекулятивный капитал ведет к эксплуатации производителей, кем бы они ни были. Таким образом, и при рассмотрении вопроса в этой плоскости вывод сводится все к той же идее единства интересов предпринимателей и рабочих, обоснованной в своем конечном виде иначе — самим процессом производства и интеграцией вопреки марксизму и вопреки капитализму как предпринимателей, так и рабочих в национальном сообществе.

Фашизм к моменту своего прихода к власти занимает весьма неоднозначную позицию. Последовательность отнюдь не принадлежит к числу его качеств. В этом аспекте немалый интерес представляют варьирующие трактовки в анализах Горголини и в официальной пропаганде фашистских идей.

Фашизм, по словам Горголини, выступает против либеральной системы хозяйствования и буржуазного консерватизма. А когда, стремясь опровергнуть аргументы тех, кто усматривает в фашизме антирабочее движение, он напоминает, будто дуче никогда не был против пролетариата, и цитирует одно из выступлений Муссолини, в котором тот, упомянув действительно, что не следует посягать на завоевания рабочих, приходит к недвусмысленному выводу, что «пролетариат не может претендовать на то, чтобы заменить, даже частично, капиталистическую организацию, результат тысячелетнего опыта, отсева и отбора». На самом деле под вопрос ставится не «буржуазный режим», который обычно делали ответственным за трудности военного времени. «Напротив, пагубным для экономики страны явилось излишнее вмешательство государства... с его пристрастием держать в своих руках все отрасли промышленности, торговли, ведомства», — считает Горголини. В числе факторов, которые нанесли несомненный ущерб нации, наряду с «социализмом, выступающим повсеместно провозвестником предположительно неизбежного коммунизма», фигурирует «отрицание любой поистине либеральной доктрины». Итак, выход из экономических проблем не в том, чтобы убрать буржуазию. Значит, речь идет прежде всего о том, чтобы навести порядок в экономической системе, оправдавшей себя на деле,

но в известном отношении отклонившейся от пути истинного в результате вмешательства государства, находящегося в руках политической, административной, а также экономической олигархии.

Гитлеризм не бросает обвинений в адрес капитализма. Если в числе 25 пунктов программы НСДАП и фигурировала национализация трестов, то в «Майн кампф» уже не найти следов этого предложения. Бичеванию подвергаются лишь «плохие предприниматели».

Наряду с этим обличением настоятельно утверждается общая заинтересованность нацизма и германской промышленности как промышленности национальной в неизменности ее структуры, которая никогда не ставится под вопрос, и в то же время возлагаются совершенно недвусмысленные надежды на нацистское профсоюзное движение,— надежды, которые могут оправдаться лишь в том случае, если оно «уже столь сильно прониклось нашими идеями, что ему не грозит более опасность свернуть на марксистскую тропку». Нацистское профсоюзное движение, как об этом уже говорилось, не только орган классового сотрудничества, но, более того, орудие тех, кто распоряжается национальной индустрией. Нацистские профсоюзы должны стать защитниками профессиональных интересов немецкой буржуазии (там же, с. 601).

Таким образом, тут со всей ясностью сказано, что, если капитализм избавится от своего «шлака» (кстати, всегда добавляется: еврейско-марксистского происхождения), то какой-либо пересмотр существующих экономических структур исключается.

Вывод: несомненно, существуют различия в формулировках того или иного движения. Несомненно и то, что поверхностный анализ может привести к мысли, что фалангизм и гитлеризм занимают в вопросе капитализма противоположные позиции, а фашистские исследования этой проблемы нечто среднее, но с элементами сбивчивости. Однако стоит вникнуть, и возникает вопрос — не идет ли речь лишь о различиях в способе выражения общей для всех трех движений идеологической основы, что объясняется прежде всего своеобразием исторической ситуации (и, конечно же, личными особенностями авторов)?

И действительно, ни одно из трех движений не афиширует своих принципиальных антикапиталистических позиций. Капиталистическая система в своих основных аспектах, которые к тому же не рассматриваются, не подвергается критике. Не затрагивается вопрос механизма капиталистической эксплуатации, хотя бы с целью критики марксистского анализа. Эксплуатация рабочих, если о ней упоминают, сводится к личным проблемам и рассматривается в моральном плане. В то же время в одобрительном тоне говорится о свободе предпринимательства, о положительности конкуренции — детище либерального капитализма. Обличаются лишь злоупотребления, коррупция, правонарушения, жертвами которых могут быть-де в равной степени и люди наемного труда, и работодатели *. В конечном итоге, для того чтобы между Капиталом и Трудом воцарилось согласие, достаточно, с одной стороны, преобразовать экономическую систему, устранить в ней злоупотребления, а с другой — искоренить в умах рабочих марксизм. По мнению Гитлера, чьи идеи, как всегда, наиболее циничны, вся задача сводится к борьбе с биржевым капиталом, придуманным марксистами на погибель национального производительного капитала.

Означает ли это, что, нападая на анонимные общества и финансовый капитал, рассматриваемые движения утверждают свое неприятие новейших форм монополистического капитализма и в то же время отдают предпочтение предшествующим формам? Это можно было бы предположить в отношении фалангизма, но следует заметить, что никогда речь не идет о том, чтобы посягнуть на собственность крупных производственных объединений. Признание семейной и индивидуальной собственности не сопровождается сколько-нибудь весомыми ограничительными оговорками в отношении этой формы собственности, чья законность определяется ее производительностью, и провозглашаемая защита ее от

* Как верно отметил А. А. Галкин, «распространение юрисдикции суда на владельцев предприятий было широко использовано национал-социалистами в демагогических целях» (Галкин и А. А. Германский фашизм. М., 1967, с. 212). — *Прим. ред.*

«злоупотреблений» финансового капитала не соотносится с размерами собственности.

Что касается фашизма и нацизма, они безоговорочно признают и мелкую, и среднюю собственность, и очень крупные предприятия. Ссылки фашистских идеологов на деятельность крупных промышленных комбинатов или же на аграрный капитализм, упоминание в «Майн кампф» «самой скромной лавки» наряду «с самым огромным предприятием» не оставляют в этой связи каких бы то ни было сомнений. Ж. Биллиг достаточно убедительно показал, что для Розенберга «промышленное Я» предстает как современная форма «верховного Я», воплощающая в современных условиях готический дух прашуров, и продемонстрировал, как у промышленника страсть создателя сочетается со страстью собственника (Billig J. Op. cit., p. 41—42). В конечном счете независимо от того, признают ли рассматриваемые движения частную собственность, стыдливо обходя вопрос, или же поднимают ее на щит, они приходят к *признанию любой ее формы, независимо от размеров, ибо частная собственность как таковая никогда не ставилась ими под вопрос.* В соответствии с этим при различных установках с акцентированием традиционных форм собственности у фалангизма, наиболее современных форм индустриальной собственности у нацизма и зачастую у фашизма все они в результате приходят к аналогичным выводам о неоспоримой законности всякой производительной собственности, независимо от ее объема. Следует отметить, что полностью совпадает с этим и точка зрения на законность капитала в той степени, в какой он является капиталом производительным, и, подводя итог, подчеркнуть, что положение о законности собственности подкрепляется соображениями, связанными с хозяйствованием на предприятиях.

Прерогативы руководителя предприятий

Трудящиеся вправе получать информацию о деятельности предприятия, о его трудностях, успехах, неудачах. Но этим признание их прав и ограничивается. Управление предприятием и его деятельностью входят исключительно в компетенцию руководителя

предприятия и руководящего звена из его окружения. В этой области за трудящимся не признается никаких прав. На нем лежат лишь обязанности, «в частности в вопросе производительности труда и его лояльного сотрудничества со всеми прочими элементами, создающими богатства» (Франко). «Содействие *народных классов* в индустрии и торговле должно быть сотрудничеством, а не контролем, диктуемым завистью, по природе своей враждебной и пагубной для всех». Подобный контроль, «означающий вторжение и притеснение», производится, чтобы «убить частную инициативу». Таким образом, и речи нет о том, чтобы заменить «законных директоров» рабочими делегатами. Таково мнение Горголини, недвусмысленно оправдывающего фашистскую позицию и указывающего, что рабочие «неспособны на сегодняшний день управлять заводами и никогда не сумеют это делать, так как руководство и административные функции в крупной индустрии требуют данных, которые присущи лишь небольшому числу людей».

Так, вопрос смыкается с одной из главных тем — мы уже с ней встречались, — с проблемой неравенства индивидуумов между собой — естественной основой иерархической организации общества. *Власть главы предприятия оправдывается личными качествами, которые позволили ему стать руководителем предприятия.* То, что он это место занимает, является результатом его организаторских способностей, его качеств руководителя, короче говоря, его личных заслуг.

Путем акцентирования технических аспектов управления предприятием снимается проблема собственности, что далеко не лишено значения, если вспомнить, что идеология всех трех движений нацелена на то, чтобы объединить в одно целое «производителей» и уничтожить сознание социальных различий.

Если же экономика «предоставлена влияниям и действиям масс, она обречена на утрату своего драгоценного творческого потенциала и на неизбежный регресс». Таким образом, управление предприятием — дело индивидуальное. Ни одна группировка не правомочна вмешиваться в него. «Все совещательные профсоюзные организации... прилагающие все усилия, чтобы оказывать влияние на само производство,

служат той же разрушительной цели» (что и марксизм) («Mein Kampf», р. 446).

Итак, единственный принцип, которому должно следовать в сфере экономической организации,— это принцип авторитета главы предприятия, чье право на должность доказано самим его преуспеванием. Очевидным свидетельством этого служит то, что в жизненной борьбе он оказался победителем.

Таким образом, деятельность предприятий основана на абсолютном авторитете главы предприятия, чьи прерогативы не должны нарушаться вмешательством извне, могущим исходить лишь от некомпетентных лиц или же неквалифицированных представителей масс, которые сами невежественны. *Принцип фюрера полностью прилагается к предприятиям.* Более того, управление предприятием на основе личностного принципа делает необходимым и его применение в отношении государства. Отрицание представительной парламентарной системы возникает отчасти как результат противопоставления плачевного положения дел в государстве и успешного развития экономики, управляемой суверенными личностями.

Вывод: сообщество производителей

Определение роли и места труда, детальные описания благотворной роли производительного капитала, напоминания о бесцельности и вредоносности искусственного и пагубного классового антагонизма, равно как и о незаменимости главы предприятия, в чьих руках единственно сосредоточена вся власть, противопоставление положительных элементов производственного целого — работодателей и наемных работников, принимающих активное участие в производительном труде, паразитическим элементам, эксплуатирующим как тех, так и других, позволяет подвести базу под сообщество производителей, на котором основывается «корпорация». *Стороны и индивидуумы, входящие в нее, едины в своих интересах и неантагонистичны, все они являются сотрудниками, в равной степени заинтересованными в подъеме производства, источнике личного обогащения, причем каждый, в силу «естественного» иерархического принци-*

на, и, следовательно, вполне по справедливости занимает то место, которое ему принадлежит по праву. В этой экономической организации не существует иных проблем, кроме трений личного порядка в силу характера людей или же в результате проникновения в сознание индивидуумов антинациональных идей. Маркотте рисует идиллическую картину этого сообщества, схожую с теми, что изображаются фашистскими и нацистскими идеологами:

«Мы хотим, чтобы все чувствовали себя членами сообщества, значимого и полного. При национал-синдикализме будут существовать работники духовной сферы и работники материальной сферы. Работники духовной сферы явятся выразителями нашей религии, нашей культуры, нашей морали и нашего разума. Работники материальной сферы будут созидателями национальной экономики, и все они будут рассматриваться как производители с равными правами и равными обязанностями: производитель — предприниматель, дающий свои деньги для коммерческой организации; производитель — инженерно-технический работник, организующий научное руководство предприятием; производитель — рабочий, вкладывающий свой физический труд. Национал-синдикализм рассматривает предпринимателей, инженерно-технических работников и рабочих не как касты, различающиеся по тому, обладают ли они деньгами или нет, но поистине как сотрудников в великой общей задаче производства, необходимых ее участников, поскольку они дополняют друг друга и объединяются, ибо врозь они ничего не могли бы сделать. Национал-синдикализм рассматривает трудящегося как партнера-производителя, вкладывающего свой труд, производящего прибыль и, следовательно, зарабатывающего соответственно этой прибыли».

Сообщество производителей, единство интересов, согласие каждого индивидуума с тем местом, которое ему дают его заслуги. Эта схема означает *социальную гармонию*. Заметим, однако, что на предприятиях, как и где бы то ни было еще, основные идеологические принципы призваны уничтожить всякий след классового сознания у трудящихся, заменив его сознанием принадлежности к сообществу, внутри которого каждому индивидууму уготована своя судьба

в соответствии с его способностями и волей, под руководством наиболее способных и при единоличной власти самого компетентного из них — главы предприятия. Так, на этом уровне, как и на всех других, находит свое подтверждение преимущественно иерархический порядок: интеграция индивидуума в группу, гетерогенную в социальном плане, но в которой все входящие в нее связаны идентичными интересами, непреложное обособление человека перед лицом своей личной судьбы, признание законности успеха и власти как результата приложения личных способностей.

В этих условиях *согласие, обретенное внутри экономического сообщества, должно явиться наивысшим синтезом, перекрывающим и возможности традиционного капитализма, и ложные надежды на социальное освобождение марксистского социализма*. При всем том никогда не ставится под вопрос частная собственность на средства производства. Сообщество производителей в конечном итоге создается в рамках существующих экономических структур, конечно же освобожденных от своих изъянов, но сохраняющих своих руководителей (правда, кое-кто из них должен «исправиться»). В то же время справедливость требует, чтобы во имя глубокой общности интересов и выполнения производственных задач, которые, как отмечалось, будучи национальными, являются насущными, исчезли бы существовавшие ранее организации трудящихся, ибо — и тут мы сталкиваемся вновь с одним из элементов, уже рассматривавшихся нами в связи с националистской идеологией, — *социальное согласие на производстве является звеном национального согласия*. Оно рассматривается как одно из средств, долженствующих вернуть пролетариату чувство нации, что, как известно, провозглашается главной целью рассматриваемых движений. Можно сказать со всей определенностью, что какому бы идеологическому участку ни отдавалось предпочтение, всегда налицо задача борьбы с марксизмом.

Глава пятая

ИДЕОЛОГИЯ: ПОПЫТКА ИСТОЛКОВАНИЯ

Таким образом, фашистская идеология выглядит как бы состоящей из нескольких элементов, в конечном счете довольно несложных, основанных на постулатах и посему обходящихся без доказательств. Естественно, можно было бы проанализировать еще несколько тематических направлений, но они оказались бы вторичными, отпочковывающимися от того или иного или же нескольких основополагающих компонентов. Так, оправдание насилия проистекает одновременно из общей концепции борьбы за жизнь, из идеи неравенства индивидуумов между собой, из провозглашаемой уверенности в том, что фашизм владеет абсолютной истиной.

К слову сказать, анализ идеологической тематики фашизма свидетельствует, сколько в нем заимствованного и унаследованного. Мы не станем анализировать теоретические истоки фашистских идей, поскольку они неоднократно подвергались изучению, и ограничимся констатацией, что в фашизм привнесли свое все несоциалистические политические и экономические идейные направления XIX века. Им был подхвачен идеологический багаж правого и крайне правого национализма и наряду с этим взят на вооружение народный национализм, сопутствовавший среди прочего и движениям за национальное единство (стоит вспомнить, например, попытку итальянских фашистов установить преемственность с Рисорджименто). В теории государства, в теории классового примирения, в идее «хорошего» и плохого капитализма можно распознать многие черты различных консерватизмов и политических «ультраизмов». Но прославление индивидуума, измерение его способностей мерой

успеха, идея о том, что социальное неравенство проистекает из неравенства личных заслуг и способностей,— не является ли все это непосредственным наследием либеральных идей? На это можно лишь заметить, что если программы содержали немало заимствований из реформистского социализма, то всякая ссылка на социализм, даже реформистский, если обратиться к идеологии, полностью исчезает. Прославление достоинств труда со всей очевидностью предназначено для работников физического труда (хотя идея эта вовсе не социалистическая), но ни одно из основных положений социализма (таких, как коллективное владение средствами производства или же раскрепощение трудящихся) не занимает какого бы то ни было, даже ограниченного, места в компонентах идеологии, являющейся прежде всего анти-социалистической и, как мы уже видели, принципиально антимарксистской.

А в таком случае не является ли фашистская идеология разнородной мешаниной, нагромождением различных, привнесенных в нее элементов, плохо переваренных или же, точнее говоря, плохо понятых? В действительности встает вопрос о ее относительной специфичности в ряду других несоциалистических идейных течений, чье развитие шло рука об руку с развитием буржуазного общества.

Первый момент ее своеобразности сводится к *«радикализации»* ранее существовавших тематических направлений, наиболее яркий пример чему, без сомнения, вопрос о роли индивидуума. Исходя из схожих предпосылок, а именно неравенства личных способностей и заслуг, фашизм, полностью сбрасывая личину, отказывает в каких бы то ни было корректирующих моментах философского, социального или же морального свойства неотвратимым последствиям того, что задано изначально. В то время как либеральное мышление лавирует, находит компромиссные решения, углубляется в размышления относительно вечных ценностей человеческой личности, вносит, по крайней мере на словах, ограничения в прерогативы индивидуума именно на том рубеже, где берут начало *«права»* другого индивидуума, и отвергает эксплуатацию человека человеком, фашизм, исходя из природного неравенства, которое ничто не может ис-

править и не должно исправлять, оправдывает господство «сильных» над «слабыми» и эксплуатацию этих последних «сильными». С этой точки зрения, как полагает Э. Нольте (Nolte E. *Le fascisme dans son époque*, t. II, особенно с. 305), рассуждения Джентиле о фашизме как единственно истинном либерализме являются не только риторической формулой или же академическим толкованием идей Муссолини. Они, если говорить о практических последствиях для общественной жизни, находят среди прочего свое объяснение в этой радикализации со стороны фашизма предшествовавшей ему идейной тематики.

Причем «радикализация» эта обнаруживает себя и в других аспектах. Фашистская идеология, слепленная преимущественно из заимствованного, провозглашает себя новой по своей сути идеологией. Едва успев подхватить известные положения, она отказывается признавать, что они ранее существовали. Таким образом, она обозначает свой полный разрыв с тем, что ей предшествовало, и выступает не только против марксизма, что составляет ее главную функцию, но равным образом и против консерватизма всех разновидностей и, конечно же, против всех либеральных течений. Совершив это — и в этом еще один аспект ее «радикальности», — она отвергает какой бы то ни было компромисс, какое бы то ни было соглашение как с консерватизмом, так и с либерализмом. Короче говоря, она претендует на третий путь между марксизмом и различными течениями, представляющими идеологию правящих классов, — ясный, суровый и единственно спасительный путь. Однако следует заметить, что при этом фашистские идеологи говорят разным языком в зависимости от того, выступают ли они против марксизма или других течений. Даже при самых яростных формулировках — достаточно вспомнить, например, филиппики Гитлера и против консерваторов, и против либералов — выпады против националистских или либеральных течений сводятся к обвинению их в неспособности выполнить взятые на себя функции и поставленные цели. Фразеология при этом остается в рамках сопоставления или же полемики между системами. Если же речь идет о марксизме (или же в зависимости от угла зрения — о «паразитах» или «еврейст-

ве»), фразеология совсем иная. Она должна внушить, иногда продемонстрировать, что речь идет о *эле*, о недуге, от которого человечество должно быть излечено. Но можно ли полемизировать с возбудителем болезни? Его, само собой разумеется, уничтожают. Считая себя единственным действенным противоядием против марксизма, фашистская идеология заодно отбрасывает все идеологические системы, не сумевшие воспрепятствовать появлению в социальном организме «марксистской гангрены, проказы, рака» (все эти выражения пущены в ход фашизмом). Этим определяется идеологическая «радикальность», находящая свое выражение во всех проявлениях фашизма.

Значит ли это, что фашизм отличается от идеологических течений, оправдывающих или по меньшей мере приемлющих существующий общественный порядок (что не мешает им допускать и даже предлагать эволюционные изменения в нем), только лишь присущим ему характером *радикального консерватизма* (см., в частности, Nolte E. Op. cit., особенно т. I и т. III), что явствует из систематизации положений, наибольшая часть которых в действительности заимствована у консерватизма или «ультраизма»? Ограничиться этим аспектом его идеологии значило бы пренебречь другим, который придает фашизму несомненное своеобразие, поскольку это идейное направление радикально консервативное, предлагающее, по сути дела, сохранить существующий порядок вещей, представляемый как «естественный» перед лицом происков, противостоящих «естеству», стремится выполнить эту задачу путем реинтеграции в социальный организм самых широких масс, начиная с пролетариата, которому, как уже говорилось, следует вернуть «национальное чувство». Основываясь на этом, сей *радикальный консерватизм* *выставляет себя как безоговорочно народный*, народный в двух аспектах:

а) он утверждает, что законность движения имеет под собой народную основу, своим единением с народом он обосновывает абсолютную власть Главы, заявляет о необходимости прибегнуть к плебисциту и претендует на то, чтобы дать национализму социаль-

ное, народное содержание как во внутренних проявлениях, так и в его агрессии, направленной вовне;

б) если фашистская идеология и не берет на вооружение ничего из идеологической тематики социалистического происхождения, зато она изобилует формальными заимствованиями из социализма, начиная с самого слова, часто появляющегося из-под пера фашистских идеологов и призванного подчеркнуть, что фашизм строит истинный социализм. Выпады против буржуазии выдержаны в соответствующем тоне; то же самое можно сказать об использовании таких понятий, как «пролетарская нация», и о непрестанно мелькающем в фашистском словаре понятии «революция». В этом же духе подано сообщение об установлении нового порядка, подчеркивающее революционные намерения, а положения, не оставляющие сомнений в своей консервативности, решения, наиболее отвечающие целям сохранения существующего общественного порядка, столь разукрашены революционной терминологией, что это позволяет фашизму создать иллюзию своего полного разрыва с различными течениями буржуазной идеологии и превзойти марксистов, по крайней мере на словах, в надежде, что это будет способствовать завоеванию на свою сторону масс, находящихся под влиянием социализма.

Главная черта фашистской идеологии состоит в том, что она выдает себя за идеологию абсолютно новаторскую, единственно революционную, единственную, способную найти решения, которые ликвидировали бы проклятое прошлое, искоренили бы все виды социального паразитизма и социальных язв и внесли бы согласие в национальное сообщество.

Это определило всемерное использование в социальном плане правящими классами, и особенно крупными промышленниками и латифундистами, дрогнувшими под ударом, нанесенным Великой Октябрьской революцией и широким народным движением в период между двумя мировыми войнами, идеологии, стремящейся, как говорит Э. Нольте о нацизме, «не столько оправдать господство тех, чье признание — быть господами, сколько сделать так, чтобы в глазах поработанных это господство выглядело бы бесповоротным» (Nolte. Op. cit., t. III, p. 409).

Тем не менее первый аспект, упомянутый Нольте, весьма важен. Ж. Биллинг справедливо отмечает, что нацизм стремится избавить правящие классы от каких бы то ни было угрызений совести. Это замечание распространяется на все три движения. Они узаконивают существующие иерархии и место каждого в производственном процессе, исходя из способностей, личных заслуг, непреодолимого неравенства людей между собой — результата-де неумолимого естественного порядка.

Действуя таким образом, фашистская идеология на деле стремится к тому, чтобы самое неприемлемое социальное неравенство было принято теми, кто больше всего страдает от этого неравенства, поскольку она оправдывает и это неравенство, и подавленность эксплуатируемых, и привилегии эксплуататоров. Она приковывает людей к их социальному положению, отрицает всякую возможность социального освобождения и предлагает политические средства, способные сдержать, воспрепятствовать их движению, претендуя в то же время на то, чтобы сделать их поддержку единственным обоснованием своей законности.

Таким образом, фашистская идеология стремится придать народное содержание и народную форму системе по сути своей реакционной, антидемократической, элитарной, тоталитарной. Это проливает дополнительный свет на идею, выдвинутую в самом начале настоящего исследования фашистской идеологии относительно присущей фашизму лживости, и позволяет констатировать, что по природе своей фашистская идеология демагогична. Об этом свидетельствует раскрывающееся в ходе анализа явное противоречие между заявленными целями и целями реальными.

Глава шестая

ОРГАНИЗАЦИЯ, ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕЕ СРЕДСТВА И СТИЛЬ

Фашистские движения, призванные с самого момента своего возникновения бороться с марксистским социализмом, совершить «революцию», которая ничего не изменила бы в существующем общественном порядке, но чьи лозунги дали бы возможность сплотить все социальные слои в единое целое и, главное, реинтегрировать в нацию трудящиеся массы, должны были немедленно найти формы организации и деятельности, способствующие достижению их целей. В частности, следовало надежно утвердиться в обществе, вербуя не только членов, но и множество сочувствующих, разделяющих хотя бы в общих чертах взгляды фашистов по основным направлениям и могущих стать при случае их распространителями. Таким образом, движение задумано как *движение массовое*. Для достижения этой цели следовало преодолеть опыт старых буржуазных партий, неспособных выйти за ограниченные социальные рамки и приобрести влияние иного плана, чем обеспечивающую успех на выборах, с тем чтобы вступить в контакт с массами там, где их находишь,— контакт уличный. Итак, стремление *обрести приверженцев в народе* — один из существенных элементов организационных форм движения. *Пропаганда* и стиль политических выступлений играют решающую роль в том, чтобы вырвать трудящихся из-под влияния марксизма и заставить их примкнуть к «национальному лагерю». Однако тот факт, что рассматриваемые движения стремятся обращаться к широкому кругу народных масс и рассчитывают на их поддержку, вовсе не означает, что их деятельность носит демократический характер. Напротив, как в их внутренней организа-

ции, так и в их принципах социальной организации находит практическое воплощение иерархический порядок и полное отстранение масс от участия в политической жизни. Кроме того, для всех фашистских партий с точки зрения эволюции их структур характерен неограниченный централизм. Но эта диктаторская организация не препятствует серьезным кризисам, время от времени вторгающимся в жизнь партий. Чаще всего они являются свидетельством внутренних трений, возникающих из-за постоянных противоречий в программах, идеологии, структурах, то есть на всех уровнях жизни движений, противоречий, с одной стороны, между основными целями, являющимися, как утверждается, в основе своей «народными», и, с другой стороны, истинными целями и практической деятельностью, полностью антинародными. Разрешаются они всегда на один манер — устранением тех, кто пытается претворить в жизнь демагогические обещания (будь это лишь для того, чтобы создать автономную базу для своих личных действий), или же тех, кто, по всей видимости, принимал всерьез требования и планы социальных реформ, выдвигаемые тем или иным движением в качестве приманки для масс⁷.

Но речь идет не только о том, чтобы добиться сплочения масс. Массы следует обуздать, излечить, с их доброго согласия или насильственно, от овладевшего ими зла и вырвать с корнем вредоносные элементы из социального организма. Таким образом, практическая деятельность фашизма включает действия принудительные и действия карательные, и не как случайный элемент, а в качестве главного компонента. В организационном плане это находит выражение в создании военизированных отрядов незамедлительно вслед за возникновением движений, если только они не возникали одновременно.

Любая политическая организация для своего существования нуждается в денежных средствах. От ее ресурсов зависят размах, объем ее мероприятий, они же являются важным свидетельством ее социальных связей. Мы попытаемся пролить свет на источники доходов рассматриваемых нами движений.

ОРГАНИЗАЦИЯ ДВИЖЕНИИ

Организация эта в одно и то же время и проста, и довольно сложна. Проста, потому что вертикальная структура образует каркас партии на общенациональном, региональном и местном уровнях, близко соответствующих рамкам административного деления страны. Она довольно сложна, потому что:

организация в собственном смысле слова дублируется другими инстанциями, готовящими приход к власти, параллельными политическому каркасу;

массовые организации, полностью интегрированные в движение или же подчиненные ему, смотря по обстоятельствам, представляют собой для партии ее корни в аморфной массе, которой она собирается дать структуру;

наряду с этими гражданскими структурами, ударные отряды представляют собой военную организацию движения.

Какими бы ни были частные случаи, каковы бы ни были взаимоотношения различных структур между собой, в каждом из движений существуют и различные гражданские инстанции, и военная организация.

Гражданские структуры партии

1. Пример фаланги *

2. Политическая структура — автократический централизм

Определяя принципы нацистской партии, Гитлер настаивал на тотальном сосредоточении полномочий в руках Главы, обладающего абсолютной властью: *«Сила политической партии никоим образом не зиждется на уме и духовной независимости каждого из ее членов, а в гораздо большей мере на послушании и духе дисциплины, способствующих подчинению духовному руководству...»* («Mein Kampf», p. 455).

Это предполагает полный отход от функционирования партии на представительных началах. Гитлер рассказывает о своей борьбе в ранний период нацизма против комитета, который стоял во главе партии Дрекслера⁸, до тех пор, пишет он, пока вместо ко-

* См. схему на с. 112.

ние всякой нижестоящей инстанции инстанции высшей. Когда структура партий начала меняться, изменения шли всегда в одном направлении — укреплялся авторитет центра за счет инициативы низовых организаций, и партии мало-помалу отказывались от процедур, связанных с выборами, в пользу подбора кадров главой вышестоящего звена (пример — изменения, внесенные в новый устав Национал-фашистской партии 1926 г.). Что касается нацистской партии, она уже при своем возникновении была предельно централизованной (устав 1921 г.). Не иначе было и с Фалангой, и Фалангой Примо де Риверы, и той, что возникла в результате создания в 1937 г. единой партии, в чьем уставе (1939 г.) закреплялась диктаторская организация.

Если говорить о Фаланге, на прилагаемой схеме ее организации отчетливо прослеживается ее политический каркас, структура и функционирование на трех уровнях: национальном, региональном и местном. Принципы организации — об этом речь будет ниже — распространяются и на различные «службы».

1. Вверху — *глава нации*, средоточие всей власти. Он не разделяет своих прерогатив ни с одним другим лицом, ни с одним учреждением. Ему лишь сообщают свои мнения и дают советы, которым он вовсе не обязан следовать. Как это оговорено в уставе, он несет ответственность лишь «перед богом и перед историей».

2. *Назначение членов национальных органов производится полностью главой нации*, назначающим и смещающим всех политических и административных ответственных работников, так же как и членов национального совета. И если в политическую хунту входят пять национальных советников, назначаемых национальным советом, представление к назначению производится главой нации.

3. *Чрезвычайно важная роль отводится генеральному секретарю Фаланги*. В его власти и на полной его ответственности вся политическая деятельность партии в целом. Он передает указания главы нации и хунты, держит под своим контролем провинциальные службы и провинциальные организации партии и руководит их работой. Он несет ответственность за дисциплину в фалангистском движении. Таким

образом, после главы нации он самое значительное лицо в Фаланге. Сам он находится в отношениях зависимости только от каудильо, назначающего его в соответствии со своей «свободной волей». Но следует заметить, что он лишен права назначать на должности. Круг вопросов, входящих в его ведение, велик, но это вопросы преимущественно политические и административные. Назначение самых важных ответственных работников входит в компетенцию одного лишь каудильо.

4. *Национальные инстанции партии* призваны играть лишь ограниченную роль. У них нет какого-либо права решения. Национальный совет по законоположению созывается не реже раза в год, но повестка дня определяется каудильо. Национальный совет знакомится с представленными на его рассмотрение вопросами и по требованию каудильо дает свое суждение. Политическая хунта собирается не реже раза в месяц. Ее права в отношении всей совокупности проблем, которые ставятся перед нею, не превышают прав национального совета. Она подбирает все необходимые материалы и выносит свое суждение. Общенациональные инстанции партии лишь консультативные органы.

5. *Иерархия в вертикальной структуре* исключает какую-либо компетенцию нижней ступени в отношении верхней и делает из каждой ступени исполнительный орган ступени вышестоящей. Но на каждое начальственное лицо возлагается полная ответственность, и оно облачается неограниченной властью на своем уровне, включая назначение и своих собственных сотрудников, и начальников непосредственно нижестоящего звена, равно как и политический контроль над организациями, параллельными Фаланге. Следует отметить, что руководители провинциальных организаций, зависящие в выполнении своих задач лишь от генерального секретаря, назначаются непосредственно каудильо.

6. *Партийный актив Фаланги и члены ее* являются лишь исполнителями. Они не участвуют ни в разработке политической линии, ни в назначении ответственных лиц. В уставе, правда, оговорено, что актив пользуется во всей полноте всеми правами и обязанностями членов, но это утверждение носит чисто

теоретический характер, поскольку выработка политики движения, равно как и вся его деятельность, находятся полностью за пределами компетенции членов низовых организаций.

7. Структура «генеральный секретарь — руководящие органы провинций — секции на местах» представляет собой, по сути дела, *политический каркас* движения, ибо только эти органы, осуществляющие политический контроль, являются, на своем уровне естественно, причастными ко всем звеньям механизма Фаланги.

Политическая структура итальянского фашизма (секретариат партии — секретариаты провинций, назначаемые секретарем партии, а не дуче, — секретариат фашьо, то есть секций на местах) и нацизма (34 гау, или областей, Германии — причем гаулейтер назначается фюрером, — делящихся в свою очередь на крайзе — округа и местные группы, ортс-группен, включающие в городах ячейки — уличные или объединяющие группы домов) соответствует тем же принципам организации и функционирования. Процедура каких бы то ни было выборов исчезла в НФП в 1926 г. (назначаются провинциальные секретари), а в НСДАП — в 1929 г. (прекращены выборы руководителей местных групп). Как и в Испании, национальные руководящие органы в Италии были лишены права решения. Оно с 1923 г. фактически принадлежало одному лишь дуче, а также фюреру с момента основания НСДАП.

3. Службы (управления)

На схеме организации Фаланги наряду с политической организацией партии показана организация служб (управлений) — национальная, региональная и местная, — равным образом построенных в строгом соответствии с иерархическим принципом. Национальные уполномоченные (делегаты) этих служб назначаются каудильо. В политическом отношении службы контролируются политическими организациями Фаланги, в то время как на провинциальном уровне непосредственный контроль деятельности провинциальных представительств служб (делегаций) со стороны главы нации обеспечивается разъездными

региональными инспекторами, назначаемыми каудильо.

Службы, или управления, создаются, главой нации, если он считает их существование обоснованным с точки зрения разделения труда внутри Фаланги,—обеспечивающей, таким образом, свой контроль над каждой из крупных сфер деятельности и крупными секторами испанского общества. Так создаются управление иностранных дел, управление национального образования, печати и пропаганды, общественных работ, по делам профсоюзов, молодежных организаций, женских секций, ветеранов войны, бывших пленных и узников, правосудия и т. д.

Эти службы делятся на две разновидности. Одни из них являются своего рода органами если не руководства, то контроля и стимулирования работы крупных массовых организаций, примыкающих к партии (молодежь, женские организации, профсоюзы); другие заняты дополнительной проверкой деятельности крупных секторов административного управления страны. Благодаря им Фаланга получает возможность знакомиться с государственными проблемами, предлагать решение этих проблем и готовить на всех уровнях кадры, необходимые ей для осуществления своей власти.

НСДАП придавала себе схожую организацию, но проделала это с большей систематичностью. Так, уже начиная с 1928 г., в нацистской партии при едином центре власти существуют два политических управления: штурмовая секция (ПО-1), занимающаяся проблемами организации деятельности партии (она призвана разрабатывать все необходимые формы действий для борьбы с существующим режимом); секция структурных изменений (ПО-2), подготавливающая построение нового порядка; ее подсекции схожи со службами Фаланги даже характером дублирования, поскольку одни из них курируют различные сферы национальной жизни в техническом и административном плане (внешняя политика, национальное образование, расовый вопрос, народные массы и т. д.), а другие занимаются рабочими вопросами (нацистские профсоюзы, профессиональные ассоциации). Таким образом, внутри партии склады-

вается «параэтакатическая администрация», как пишет Э. Нольте, ведущая конкретную подготовку к исполнению обязанностей после захвата власти.

4. Массовые организации

Они отвечают стремлению рассматриваемых движений сплотить под своими знаменами как можно большее число людей из этих «денационализированных» масс, которые следует обратить на путь истинный. Связи с партией не во всех случаях одинаковы, но при этом — остаются ли эти организации внутри рамок партии, как в Италии, или же существуют они вне партии — они так или иначе находятся под ее строгим контролем. Создаются они с небольшим промежутком во времени вслед за созданием того или иного движения, поскольку они позволяют им утвердиться среди различных категорий населения, исходя из специфических интересов каждой из них. В соответствии с этим возникает четыре типа массовых организаций. Все они при большей или меньшей своей активности, отдаче и структурной сформированности строят свою деятельность, основываясь на принципе «фюрера» и иерархическом принципе:

— Организации молодежи, одна для девочек, иногда подчиненная женской секции движения, другая полувоеенного характера для мальчиков. Решающее политическое значение, придаваемое каждой из партий привлечению молодежи, объясняет то место, которое отводится молодежным организациям с целью воспитания новых поколений в фашистском духе.

— Женская организация, обладающая четкой структурой у нацистов и более расплывчатыми формами в Фаланге, где женская секция входит в одну из «служб» движения.

— Профсоюзные организации, призванные пробить брешь в «марксистских» профсоюзах, с тем чтобы позднее занять их место. Профсоюзы представляют собой существенный фактор в «национализации» * масс наемных рабочих. Они во всех случаях обладают четкой структурой и находятся под строгим контролем партии.

* То есть внедрении националистского сознания. — *Прим. пер.*

— Профессиональные организации, создающие возможность проникнуть в круги чиновников, юристов, адвокатов, врачей, в университеты и т. д.

5. Вывод

Структурные формы рассматриваемых движений, обеспечивая руководителям на каждом уровне абсолютную, безраздельную и бесконтрольную власть, создают необходимые орудия для политической организации и идеологической вербовки масс. Члены партии, не играющие какой-либо роли в деятельности партии и выработке ее политики, являются не более чем покорными исполнителями приказов центра. То же самое можно сказать и о тех, кто входит в массовые организации, примыкающие к движениям. Авторитарный централизм отвечает целям полного подключения масс к существующему социальному порядку, поскольку он совершенно лишает массу членов партии и примыкающих к ней движений инициативы и приучает к строгой военной дисциплине, освобождающей индивидуума от необходимости самостоятельно мыслить.

Формирование военного характера

Военизированные и военные формирования, будь они просто группами, вооруженными дубинками, или же настоящей армией, являются существенно важным отличительным признаком фашистских партий. Милиция Фаланги, скуадре д'ационе, отряды действия итальянских фашистов, СА и СС нацистской НСДАП — нет движения, в котором не было бы своих боевых групп.

1. Институт, органично присущий самой природе движения

В задачу боевых групп входят не только функции охраны порядка, то есть обеспечения безопасности проводимых собраний, закрытых или же публичных сборищ. Этот аспект, хотя он и присутствует, играет весьма второстепенную роль, даже если его и выдвигают на первый план (например, в «Майн кампф») для оправдания создания этих групп. К тому же появление военизированных формирований, как это было в Италии, вовсе не связано, даже в своем

вспомогательном аспекте, с необходимостью самозащиты. Боевые отряды партии отвечают иным потребностям, более важным, поскольку они связаны с основными целями движения: сломить «своевольных», исключить какое бы то ни было сопротивление достижению единства общественного организма нации. По сути дела, боевая группа — это острое клинко в борьбе против марксизма, во всех тех случаях, когда эта борьба требует применения грубой силы. Именно в этом аспекте Гитлер рассматривает вопрос о боевых группах.

Штурмовые отряды представлены как необходимое орудие антимарксистского террора, который не может быть обеспечен либеральным государством.

К тому же, если признать истинным (как провозглашает фашизм), что противник не другая политическая сила, а просто-напросто преступники, которых следовало бы истребить, если считать истинным также и то, что (как это подчеркивал Джентиле) нет никакой разницы, по сути дела, между силой моральной и силой физической (см. выше), и если верно, наконец, то, что уверенность в своей правоте служит оправданием для систематического применения грубой силы как средства, — создание групп для вооруженного вмешательства становится необходимостью.

Гитлер в «Майн кампф» говорит, что уверенность в своем праве использовать самое грубое оружие всегда увязывается с фанатичной верой в победу нового порядка. Он уточняет, что молодое движение с первого дня своего существования встало на ту точку зрения, что свои идеи следует распространять не только с помощью духовных средств, но и подкреплять грубой силой. Таким образом, военизированные формирования представляют собой для движения острое клинко, орудие террора, призванное, с одной стороны, уничтожить марксистского противника, а с другой — внедрять новую веру, причем, исходя из этого, могут быть пущены в ход, как говорит Гитлер, «самые крайние средства».

2. Принципы организации и действия

В том виде, как эти принципы определил Гитлер, их можно приложить, как мне кажется, к милицей-

ским силам любого из трех движений, хотя наибольшего совершенства в области организации достигла именно НСДАП.

А. Милиция партии не просто ассоциация добровольцев, проходящих массовое обучение с целью создания лиг сопротивления революции, подобных тем, что могли иметь и крайне правые движения. Гитлер подчеркивает неэффективность такой подготовки как с точки зрения военно-технической, так и с точки зрения организации недостаточно жесткой, поскольку в основе ее лежит обращение к доброй воле.

Б. Милиция партии не является и секретной организацией.

В. Милиция партии должна быть массовой организацией, «гвардией в 100 000 человек», действующих среди бела дня, опознаваемых, что предполагает, например, ношение формы, и чей численный состав, деятельность, решения должны быть общеизвестными. Она должна шагать в открытую.

Г. Милиция партии не просто военная организация. Это — политическая армия, орудие пропаганды. Политический фанатизм, абсолютная и безоговорочная вера в вождей и в цели — вот та сила, которая ее сплачивает. Техническая подготовка к действиям не носит исключительно военного характера. Самое главное — формирование частей, способных наносить и получать удары. Эта неразрывная связь политической муштры и физической подготовки нашла свое четкое выражение в формулировках Гитлера, указавшего, что подготовку членов СА следует производить исходя не из их полезности в военном отношении, а из их преданности интересам партии.

В итоге это позволит располагать «отличными ударными отрядами», «моральной силой, непоколебимо проникнутой национал-социалистской идеей», где будет царить «строжайшая дисциплина». Таков в представлении Гитлера совершенный образ партийной милиции.

Д. Стало быть, не следует легко принимать на веру выражение «служба охраны», употребляемое Гитлером, когда речь идет о партийных милицеских частях, поскольку исключительным методом защиты тут является наступление. СА, штурмовые отряды, были созданы для решающей атаки и не из исклю-

чительного пристрастия к дубинке, а потому, что «самую высокую идею можно задушить, убив ее носителя ударом дубинки» («Mein Kampf», р. 533). *Образ действия партийной милиции — превентивный террор.* Поэтому выражение «служба охраны» следует понимать в более широком смысле, чем тот, что напрашивается поначалу. Гитлер вносит ясность в истинную роль партийной милиции, выходящую далеко за пределы самообороны.

«То, в чем мы нуждались, была не сотня и не две отважных конспираторов, а сотни тысяч фанатичных борцов, одержимых нашим идеалом. Мы должны заставить марксизм понять, что национал-социализм — будущий хозяин улицы и что в один прекрасный день он станет хозяином государства» (там же, с. 539).

3. Структура фашистских боевых отрядов скуадре

Итальянский фашизм дает пример боевой организации, созданной вне всякой связи с предлогом самообороны движения. Наоборот, этот пример свидетельствует о том, в какой степени для фашизма органично наступление на противника, осуществляемое физическими методами. Акту институционного создания фашизма в результате Миланской генеральной ассамблеи 13 апреля 1919 г. соответствует и акт рождения его боевых отрядов, в то время не имевших еще своего обозначения. В этот день вооруженные фашистские группы совершили в Милане нападение на демонстрацию забастовщиков, среди которых были убитые, и подожгли помещение газеты социалистов «Аванти!».

Год спустя, в мае 1920 г., появляются первые фашистские отряды боевых действий, скуадре д'ационе, в районе Триеста. Действия их направлены вначале против движений, противившихся присоединению Триеста к Италии, а вскоре вслед за этим и против социалистов, с тем чтобы распространиться в бассейне реки По, в Тоскане, в районе Рима, в городах и деревнях, где эти действия теперь уже повсюду носили характер преимущественно антисоциалистический. В скуадре входят члены фашистской организации, физически пригодные для боевых действий. Это группы от 10 до 25 человек, сами выби-

рающие своих начальников. Оружие у них самое разнородное и разного качества — от дубинки до револьвера. В боевых группах стремятся к единообразию во внешнем облике, и в конце концов повсеместное распространение получит черная рубашка.

В уставе Национал-фашистской партии, принятом в 1921 г., определена структура боевых отрядов. Члены каждой фашистской организации, фашью, составляют одну или несколько скуадре. Таким образом, партия и боевые отряды образуют органичное целое, что не исключает, однако, зародышевой формы самостоятельной структуры, поскольку скуадре контролируются генеральным инспектором, подчиненным непосредственно генеральному секретарю партии. Заметим к тому же, что идентичность члена партии с членом боевого отряда — менее пригодные и лица старшего возраста при этом входят в резерв — призвана придать боевым отрядам характер массовых организаций.

Эта своеобразная структура сложилась в течение 1922 г., когда скуадре мало-помалу становятся настоящей партийной армией, получившей наименование «фашистская милиция». В начале 1922 г. в директиве, относящейся к организации фашистских боевых отрядов — название «милиция» еще не употребляется, — им придана организация по типу армейской. Вверху — легион, в который входит от 3 до 9 когорт, каждая из которых включает 4 центурии, в свою очередь состоящие из 4 скуадре. Скуадре, в которые входят от 20 до 50 человек, подразделяются на скуадрильи (4 рядовых + капрал). При этом командный состав продолжает быть выборным, правда высшее офицерство (легионы, когорты) выбирается только офицерами. На самом низком уровне был, таким образом, совершен переход от слитной группы, нераздельной с местной секцией партии, к параллельной организации, еще связанной с фашью, поскольку всякий входящий в скуадре является членом соответствующей фашью, но на деле уже в известной степени вышедшей из-под контроля партийной низовой организации в силу своей принадлежности к иерархии военного типа. В октябре 1922 г. «дисциплинарный устав фашистской милиции» (офи-

циальное признание этого наименования свидетельствует о переходе от ряда локальных групп, скуадре, в довольно малой степени связанных между собой, к военной системе, обладающей четкой структурой) завершает превращение боевых отрядов в армию партии, в чем сыграло свою несомненную роль строгое следование иерархическому принципу: ликвидируется выборность командиров, отныне они назначаются вышестоящим начальством, члены милиции, чье повиновение должно быть «слепым, исполненным почтения, абсолютным», при выполнении своих задач должны проявлять глубокое, мистическое чувство. Эта армия — армия партии, она оправдывает себя политическими целями, которым она служит и в довершение фашистская милиция заимствует у армии и внешние приметы. У нее своя военная форма, свои знаки отличия, свои эмблемы, свои особые военные почести, равно как и свои официальные периодические издания и административная расстановка.

МЕТОДЫ И СТИЛЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Некоторые примеры

1. Карательные экспедиции и фашистские празднества в Италии

3 апреля 1921 г. в Болонье состоялась первая крупная фашистская манифестация. Нольте описывает ее так:

«Праздничное событие, о котором идет речь, отмечается партией, но во всех окнах на главных артериях Болоньи развевается итальянский национальный флаг. По свидетельствам, несомненно пристрастным, однако не лишенным правдоподобия, с самого раннего утра улицы заполнили огромные толпы людей. На их лицах написана радость. Ветераны войны гордо щеголяют своими знаками отличия. Слышен непрерывный гул проходящих колонн. Со всех сторон раздаются песни, крики «Эввива л'Италия!» («Да здравствует Италия!»). Один за другим к вокзалу подходят поезда, битком набитые фашистами, приезжими из других городов. Их встречают под звуки духового оркестра. Во второй половине дня длинная колонна пускается в путь, чтобы встретить

Муссолини. В головной ее части двадцать разукрашенных машин, за ними батальон велосипедистов в триста человек, а по бокам — мотоциклы с колясками. За ними следуют четыре пеших батальона. Их роты носят имена национальных героев, и толпы неистовствуют, приветствуя их. Когда поезд Муссолини подходит к вокзалу, в его честь звучит «Джовинецца»*, все флажки и знамена приходят в движение. Из десятков тысяч глоток вырывается крик «Алла!», грозным ревом поднимаясь ввысь. «Рота Муссолини» производит молниеносный маневр, чтобы окружить машину, которую занял «Кондотьер» с сопровождающими его лицами. За кортежем следует бесконечная вереница фашистских взводов. Повсюду люди, стоящие в окнах и вдоль тротуаров, криками выражают свою радость. Муссолини чествуют с энтузиазмом как дуче и «сальваторе д'Италия», «спасителя Италии». Раздается звон большого колокола Палаццо д'Аккурсио, и триумфатор, стоя в своей машине, принимает парад своих войск» (op cit., t. II, p. 318).

Этим фашистским празднеством отмечалась первая большая победа, одержанная фашизмом над социализмом — ликвидация аграрных лиг батраков Эмилии, — с помощью налетов боевиков, действовавших во всех деревнях по одному и тому же методу, варьировавшему лишь в зависимости от встречаемого сопротивления.

«На грузовиках... чернорубашечники направляются к месту, являющемуся целью их экспедиции. Прибыв, они начинают избивать ударами дубинок всех встречных на улице, кто не обнажает голову при виде их флагов, или тех, на ком красный галстук, платок, блузка. Если кто-либо начинает возмущаться, при малейшем жесте сопротивления, или же если кому-либо из фашистов нанесено ранение, или его слегка помяли в драке — карательные меры начинают шириться. Фашисты бросаются к зданию биржи труда, помещению профсоюза, кооператива, к Народному дому, выламывают двери, выбрасывают на улицу мебель, книги, вещи, обливают из бидонов бензином. Через несколько минут все пылает. Тех,

* «Юность» — фашистский гимн. — *Прим. перев.*

кого застают в помещении, они зверски избивают или убивают. Флаги сжигают или же уносят с собой как трофеи. Чаще всего у экспедиции определенная цель — прочесать населенный пункт. В этом случае грузовики сразу останавливаются у помещений «красных» организаций, которые подвергаются разгрому. Группы фашистов пускаются на поиски «главарей» — мэра и советников муниципального управления, секретаря «лиги», председателя кооператива. Под страхом смерти или уничтожения их очагов их заставляют сложить с себя полномочия, изгоняют навсегда из родных мест. Если им удастся бежать, мстят их семьям» (Rossi A. La Naissance du fascisme. Paris, Gallimard, 1938, p. 84).

Зачастую операция кончается смертью преследуемого. 7 октября 1922 г. рабочий-коммунист Валенти попал в Фоссомброне в засаду фашистских банд, заранее объявивших о своем намерении убить его. Валенти удалось скрыться после того, как он застрелил двоих из нападавших.

«На следующий день местное фашистское управление объявило всеобщую мобилизацию. Тысячная толпа чернорубашечников бросилась прочесывать местность. Облава велась сужающимися кругами, по всем правилам охоты. Во время этой охоты на человека пятеро рабочих из близлежащих местечек были убиты фашистами *за то, что отказались дать требуемые сведения*. В конце концов Валенти был выдан одним фермером... Связанный по рукам и ногам, Валенти был брошен в машину, направлявшуюся в Фоссомброне. В пути его мучители, осыпая его оскорблениями и плевками, *отсекли ему нос и уши и изуродовали ударами кинжалов*.

В Фоссомброне они привязали свою жертву к крылу автомобиля и протащили его таким образом по пустынным улицам. Запуганные жители прятались за закрытыми дверьми. Убийцы были полновластными хозяевами улицы. Валенти был сильным человеком, его мучения длились долго... Автомобиль со своим страшным грузом на буксире, отъехав от помещения, где располагались фашисты, отправился дальше по улицам и дорогам, причем скорость меняли — для разнообразия и чтобы продлить себе удовольствие. И только когда они подъехали к клад-

бищу Фоссомброне, Валенти прикончили, прошив пулями его бесформенные останки...

Коммунисты Фоссомброне, отправившиеся на поиски его трупа, нашли лишь совершенно неузнаваемую кашеобразную массу плоти» (*La Correspondance internationale* № 82, 2-e année, 2 octobre 1922.— Цит. в: *Paris R. Histoire du fascisme en Italie*, t. I, p. 345).

2. Нацистские сборища

Гитлер хвастливо рассказывает, как СА удалось в октябре 1922 г. провести собрание нацистов в центре города Кобурга, где большинство было за социалистов.

«Для своего сопровождения я дал приказ выделить восемьсот человек из СА, которые, разбившись на четырнадцать центурий, должны были быть перевезены специальным поездом из Мюнхена в Кобург... Соответствующие приказы были отданы другим группам национал-социалистских штурмовиков СА, тем временем созданным и в других городах... На привокзальной площади нас встречали тысячи человек, ревушая и насмехающаяся толпа: «Убийцы!», «Бандиты!», «Преступники!» Нашему терпению пришел конец, и удары градом посыпались направо и налево. Четверть часа спустя никто из красных не осмеливался высунуть носа на улицы... Лишь кое-где красные отряды снова попытались было схватиться с нами, но мы в миг отбили у них всякую охоту» («*Mein Kampf*», p. 554).

А национал-социалистские сборища в Мюнхене Гитлер описывает так:

«Национал-социалистские собрания не были собраниями мирными... они завершались не скучным пением патриотических песен, а фанатическим взрывом расистских и национальных страстей... Они были рассчитаны на то, чтобы спровоцировать противника на ответный шаг» (там же, с. 480).

В итоге длительного опыта митинги национал-социалистов превратились в зрелище, которое производило сильный эффект. Вот, например, описание Р. Бразилаха:

«Ночь. Колоссальный стадион едва освещен светом нескольких прожекторов, позволяющим угадать

присутствие плотных, неподвижных рядов батальонов СА в коричневой форме. Между рядами высвобождено незаполненное пространство, образующее нечто вроде проспекта, ведущего от входа на стадион, к трибуне. По нему пройдет фюрер. Ровно в восемь он появляется в сопровождении своего штаба и проходит на свое место, бурно приветствуемый толпой.

В тот же миг, когда он проходит по стадиону, по окружности стен вспыхивает тысяча прожекторов, направленных вертикально в небо... Они будут сиять всю ночь, пока длится действо, они обозначают священное место национальной мистерии... До и после выступления Гитлера, на которое доселе безмолвная толпа отвечает движением выброшенных вперед рук и приветственными возгласами, звучат «Германия превыше всего» и «Хорст Вессель» (*Brasillach R. Notre avant-guerre* (VI — «Зло века — фашизм»). Plon, 1941, p. 268.)

3. Церемониал фалангистов

Церемониал фалангистов не достигает такого размаха, тем не менее большой митинг в Вальядолиде 14 марта 1934 г. проходил в том же стиле. Зал, украшенный фалангистскими знаменами и эмблемами, накаленная атмосфера, въедливые лозунги, выкрикиваемые в один голос, фашистское приветствие вытянутой рукой, главари, приветствуемые при появлении неистовыми выкриками, и в завершение выступление Примо де Риверы. Можно отметить тот же стиль действий у боевых отрядов фалангистской милиции. Например, когда вечером 10 июня 1934 г., после того как один из молодых фалангистов был убит неподалеку от Мадрида якобы членами организации социалистической молодежи, фалангистские убийцы подстерегли на остановке в одном из густонаселенных кварталов автобус, в котором ехала группа молодежи из этой организации, и в тот момент, когда пассажиры начали выходить, принялись стрелять без разбора. В результате двое было убито и четверо ранено (*Raupé. Op. cit., p. 44 et 45*). Те же церемониальные подробности создавали зрелищный фон во время грандиозного военного «парада победы» в Мадриде 19 мая 1939 г.: город был украшен фалангистскими флагами, эмблемами и ло-

зунгами, на вымпелах без конца повторяется имя Франко, выкрикиваемое на улицах фалангистскими отрядами, в то время как каудильо возглавляет церемонию.

Анализ и истолкование

В практике фашистских движений несколько аспектов кажутся нам одновременно взаимодополняющими и нерасторжимыми. Наиболее эффективной формой пропагандистских манифестаций являются массовые сборища под открытым небом или в помещении, — сборища, образующие слитное целое с террористическими акциями вооруженных групп. Внушение и принуждение — вот два взаимодополняющих аспекта фашистской практики. Как тот, так и другой аспект свидетельствуют о применении одного и того же типа насилия. Для пропагандистских манифестаций и для террористических акций, очень важным элементом успеха предпринимаемой операции является формальный аспект подготовки, будь то нагнетание атмосферы страха или же (и) создание атмосферы сопричастности. Это означает, что форма и содержание фашистской практики тесно взаимосвязаны, и первую можно понять только в свете второй, и ту и другую можно полностью постигнуть лишь в их постоянном сопоставлении с главными целями рассматриваемых движений⁹.

1. Формальные аспекты

Они многообразны:

А. В одних случаях они призваны *придать движениям облик народных партий*, о чем свидетельствует само наименование партий; к национальному ярлыку присоединяется определение, могущее на первых порах заинтересовать массы наемных работников: национал-синдикалистская, национал-фашистская, национал-социалистская, причем эта последняя для вящей ясности добавляет еще и прилагательное «рабочая».

Об этом же умысле свидетельствует и использование, соответственно специфичным условиям того или иного движения, цветов, принятых в рабочем движении. Значимость анархистских течений в Испа-

нии заставляет фалангу сделать своим цветом наряду с красным и черный. В Германии нацисты, оспаривая у «марксистских партий» монополию на красный цвет, наводняют города красными афишами, эмблемами, знаменами. Повсюду красный цвет, поскольку «лишь красный цвет наших плакатов заманивал (наших противников) в помещения, где мы собирались», пишет Гитлер, говоря далее, что «мы избрали красный цвет для наших плакатов по зрелом и глубоком размышлении, чтобы вызвать у левых ярость, возмущение и заставить их прийти на наши собрания хотя бы с намерением сорвать их, потому что это было единственным способом заставить этих людей прислушаться к нам» (там же, с. 482).

И наконец, даже принятое внутри партии употребление слова «товарищ» или обращение на ты (которое Примо де Ривера хотел сделать обязательным для фалангистов) также заимствованы у рабочих партий.

В первое время существования движений это действительно вело к замешательству в такой степени, что традиционные националисты и консерваторы поначалу чувствовали себя обеспокоенными.

Б. Оформление знамени и эмблемы отвечает более сложным замыслам, понятным для искушенных националистов. Так, итальянский пучек прутьев с секирой напоминает о ностальгии по величию Рима и порождаемых ею империалистских устремлениях. Ярмо и пять стрел Фаланги — возрожденная эмблема католических королей, обещающая возрождение золотого века «испанского духа». Будучи вписанными в формы, заимствованные у рабочего движения, они и в том и в другом случае знаменуют согласие между народом и нацией во имя высших целей. С этой точки зрения национал-социализму удалось просто перераспределением цветов имперской Германии до 1918 г. (черно-бело-красный) создать своим знаменем символ (белый круг на красном фоне с черной свастикой в центре), полностью воплощающий все гитлеровские устремления:

«В красном мы видели социальную идею движения, в белом — небесную идею, в свастике — миссию борьбы за победу арийцев, а также за победу идеи

производительного труда, которая была и всегда будет антисемитской» («Mein Kampf», р. 494).

К слову сказать, Р. Алло (Alleau R. Hitler et les sociétés secrètes, Grasset, р. 258)¹⁰ убедительно доказал, что свастика (Hakenkreuz — крест с когтями) по своему происхождению непосредственно восходит не к восточной мифологии, как на это часто указывали, а связана с немецкой же геральдикой. Этот символ, имеющий отношение к расистским легендам и гербу Гогенцоллернов и уже использовавшийся, как это подчеркивал не один автор, тайными расистскими обществами и балтийскими военными корпорациями, представляет собой политический призыв к объединению монархистских и расистских кругов с гитлеризмом.

В. У каждой из рассматриваемых партий в формальном аспекте деятельности на разных уровнях присутствует тройственное указание на могущество движения, на его непобедимость и на повиновение, основанное на дисциплине и чувстве страха:

— *Связка прутьев с секирой и ярмо со стрелами* являются в равной степени символами силы и могущества, единства и подчинения, призванными способствовать благотворным размышлениям. Роль мистического страха, внушаемого свастикой, идущего из глубин бессознательного, хорошо подмечена Р. Алло: «Изображение четырех кос, вращающихся вокруг единого центра», «символика жатвы, символическая смерть скошенного колоса и его возрождение к жизни в германском религиозном сообществе», «этот типично жертвенный цикл подчеркивает угрожающий смысл свастики», Hakenkreuz, для «врагов арийской расы», отброшенных этим неумолимым движением, магическим вращением во «внешнюю тьму». Судя по всему, именно это содержание, динамичное и агрессивное, со всей естественностью возобладало в политической организации, в которой Гитлер с самого начала существования НСДАП видел «боевое сообщество» (Alleau. Op. cit., р. 265). Важной частью фашистского ритуала являются *лозунги* — в письменном виде и выкрикиваемые, тысячекратно повторяемые — и форма приветствия вытянутой рукой, особенно действенные в их массовом применении. «Эйа, эйа, эйа, алала!», «Дуче, дуче, дуче!», «Чья Ита-

лия? — Наша!» — вопят фашисты, в то время как фалангисты скандируют: «Арриба, Эспанья» — «Да здравствует Испания!», «Испания единая, великая и свободная!», а позже — «Франко! Франко! Франко!» И эхом им вторят нацисты: «Зиг, хайль!» — «Да здравствует победа!» Целью всех этих внешних проявлений служит прославление и укрепление мощи движения, горячей преданности ему и чувства причастности как внутри движения, так и вне его. В этой связи важная роль отведена *пению*, которым завершаются крупные манифестации. Или же пению на улицах в исполнении боевых отрядов. В текстах песен повторяются лозунги партии, прославляются ее деяния, отдается дань памяти павших, героизируется прошлое партии, обретающее черты легенды. Песни содержат призыв к действию и прославляют смерть. Р. Алло в своей книге приводит ряд отрывков из песенного репертуара СА и СС (там же, с. 193).

Зачастую песни являются попросту призывом к убийству: «Затачивайте длинные ножи на мостовых улиц!.. Нужно, чтобы кровь пролилась дождем и удары дубинки сыпались градом...

Повесьте черную свинью на синагогу! Швыряйте ручными гранатами в парламенты! Это нужно...

Выпотрошите сожительницу, оскверняющую ложе принца. Смажьте гильотину жиром евреев! Это нужно...» (там же, с. 194)¹¹.

Слова-заклинания, насилие в своем словесном выражении, агрессивная фразеология, непосредственность общения с аудиторией, сопровождаемого неистовой жестикуляцией и воплями, — эти ораторские приемы являются общими для выступлений всех фашистских главарей, то смешивающихся с толпой, давая возможность соприкоснуться с собой и уподобляясь святым, от которых ждут чуда, то напускающих на себя недоступность предсказателей судеб своего народа.

Парад штурмовых отрядов в форменной одежде — черная рубашка, коричневая рубашка и черные мундиры у СС, присутствующих на каждой публичной манифестации исполнителей террористских акций партии, а также бесконечные уличные демонстрации, проходящие почти что ежедневно, по крайней мере в крупных центрах, в связи с важнейшими политиче-

скими батальями (период выборов в 30-х гг. в Германии и период, непосредственно следующий за победой Народного фронта в Испании) или же в связи с социальными битвами (в деревнях и крупных городах севера Италии в 1921—1922 гг.), используются фашизмом для создания эффекта своей физической вездесущности, призванной служить доказательством его непреоборимости, невозможности соперничать с ним,— доказательством того, что на улицах — он властелин или, во всяком случае, готов стать им любыми путями.

Тройственное внушение, о котором говорилось выше, наиболее интенсивно осуществляется на массовых сборищах, организуемых движениями, где можно обнаружить наличие всех элементов, перечисленных в нашем анализе,— знамен, эмблем и флажков, лозунгов и песнопений, построения вооруженных отрядов, присутствия верховного главы и тысяч участников. Благодаря тщательно подготовленной мизансцене все элементы эффекта, разрастаясь, обретают черты безумия.

Заметим походя, что для своего успеха подобный стиль деятельности предполагает наличие значительных финансовых средств, ибо только они могут обеспечить вездесущность движения, будь то в виде плакатов или же боевых отрядов. Кроме того, требуется свести на нет какую бы то ни было возможность действительного отпора со стороны противника, могущего воспрепятствовать разгулу террора или же развертыванию фашистской пропаганды.

2. Обоснования в пропаганде *

Чисто формальные заимствования у революционных партий вытекают из настоятельной необходимости обращаться к народным массам. В известном смысле они играют роль наживки. При этом массы подвергаются обработке, призванной довести их «до

* В отличие от марксистского понимания пропаганды как просвещения населения, глубокого разъяснения подлинных причин и целей происходящих событий, фашистская идеология сводила пропаганду к воздействию на народ, обеспечивающему слепую его реакцию на события средствами демагогической агитации. — *Прим. ред.*

кондиции», когда они без сопротивления поддаются идеологической обработке в желаемом направлении. Задача трудная, поскольку народные массы должны принять идеи и программу, по сути дела противоречащие их сокровеннейшим чаяниям. Подобная пропаганда может оказаться действенной лишь в том случае, если объект ее не в состоянии распознать истинную суть обращенных к нему речей. Правда, как мы могли убедиться, в основных идеологических темах фашизма запутаны следы. Но в этой области лишняя осторожность не может помешать, и несколько дымовых завес лучше одной. Уже сами по себе и социалистский ярлык, и красный цвет, и революционная фразеология представляют действительную ширму. Более тщательная обработка сможет привести к тотальной интеграции масс в орбиту существующего порядка, переименованного в «новый порядок». Дело тут за техникой «доведения до кондиции».

В основу этой техники заложены констатация и постулат, дополняющие друг друга. Без поддержки масс движение окажется бессильным. Гитлер часто возвращается к этой мысли. Но эта констатация сопровождается постулатом, вытекающим среди прочего из всей совокупности элитарных установок фашизма. Постулат этот сводится к тому, что массы по природе своей могут обладать лишь рудиментарными способностями и примитивными и неосмысленными реакциями.

Гитлер в этой связи говорит, что любая пропаганда, для того чтобы быть доступной для самых широких масс с целью их привлечения, должна соразмерять свой духовный уровень со способностью восприятия самых ограниченных из числа тех, к кому она обращена. В этих условиях ее духовный уровень должен быть тем ниже, чем больше численность людских масс, которые должны быть охвачены ею. Способность восприятия у широких масс очень ограничена, мыслительные способности невелики, зато велико отсутствие памяти.

Это презрение к массам проходит красной нитью через всю систему обработки, призванной *снизить* уровень мышления тех, кто является ее объектом.

А. Пропаганда должна обращаться не к разуму, а исключительно к чувствам, порождаемым инстинктами. Согласно Гитлеру, искусство пропаганды состоит именно в том, что она в целях доходчивости для кругов, где преобладает воображение, кругов широких масс, управляемых инстинктами, облекаясь в соответствующую психологическую форму, находит путь к их сердцу.

Это обращение к эмоциональным реакциям позволяет разжигать фанатизм и нетерпимость, о положительных свойствах которых неоднократно с похвалой отзывался Гитлер. Пропаганда должна вызывать «вулканические извержения человеческих страстей и взрывы душевных состояний» (Гитлер). Если исходить из этих позиций, становится понятной важность церемониала и обрядовости, призванных поразить воображение, вызвать мистический порыв энтузиазма, создать атмосферу экстаза. Акцентирование «хореографической и красочной стороны» (Муссолини) манифестаций способствует возникновению состояния повышенной восприимчивости к направленным влияниям. Воздействие пропаганды оказывается тем интенсивнее, чем более снижена способность мыслить у реципиентов. Условия для восприятия благоприятны, когда «ослабевают свободная воля человека».

Б. Чтобы быть действенной, пропаганда должна основываться на систематическом использовании нескольких немногочисленных положений, неустанно повторяемых «с помощью стереотипных формулировок». Это вколачивание штампов будет тем более успешным, если точки зрения противной стороны и взгляды движения будут представлены без какого-либо нюансирования, лишь в противопоставлении черного и белого.

Систематическое поношение противника является, таким образом, неременным пропагандистским приемом. С помощью клеветнических кампаний противник подвергается полной дискредитации. При этом в пропаганде абсолютно отсутствуют какие бы то ни было попытки опереться на истину. Истина — это просто-напросто то, что идет на пользу движению.

Такое амальгамирование свойственно всем трем движениям. Достаточно вспомнить диатрибы Примо де Риверы в адрес «большевизма привилегирован-

ных». Но наиболее радикальный характер оно принимает в нацизме с помощью темы «еврейства», одновременно «плутократического и большевистского».

Именно в этом плане фашизм обращается к средствам, способным пробудить самые примитивные инстинкты и неосознанные страхи, что и является целью обработки — чисто эмоциональной. Борьба, которая ведется, — это не просто борьба тех, на чьей стороне справедливость против несправедливости, хотя речь идет и об этом. Вопрос гораздо глубже и ставится иначе: это борьба здоровья против недуга, чистого воздуха против миазмов, чистоты против гниения. Враг — это тот, кто мешает жить. Как же его не ненавидеть и не делать все, чтобы его уничтожить?! Вот что может дать толчок к «вулканическим извержениям человеческих страстей».

В. Пропаганда должна носить массовый характер. Поэтому используются все доступные средства массовой коммуникации. Но почти что всеохватывающая пропагандистская обработка масс, основанная на том, что они пассивно и бездумно поддаются ей в результате вколачивания штампованных представлений с помощью вездесущих лозунгов и мнимого здравого смысла, убеждающих в непогрешимой справедливости движения, может быть достигнута лишь при условии, что определенным средствам будет отдано предпочтение. Например, текст, прочитанный по доброй воле, малоэффективен. И газета, и книга адресованы скорее членам партии или же представителям интеллигенции. Они заставляют размышлять, поскольку при чтении можно раздумывать, то есть подходить критически. Короче говоря, действенность их очень ограничена. А пропаганда должна воздействовать на всех. Массы должны быть охвачены ею и волей-неволей принимать ее к сведению. Из этого вытекает использование в небывалых доселе масштабах аудиовизуальных средств, которыми тогда можно было располагать: стены, густо обклеенные воинственными плакатами, очень доходчивыми по содержанию, которые невозможно проглядеть. Использование «изображения во всех видах, вплоть до фильмов», как пишет Гитлер, — прием, представляющий особый интерес, поскольку тут человеку еще менее требуется

работа интеллекта. Достаточно посмотреть и прочитывать разве что самый коротенький текст.

С 1930 г. гитлеровская пропаганда широко начинает использовать радио и пластинки, поскольку слово — наиболее подходящее средство для привлечения масс на свою сторону, но не слово в устах академичной разновидности докладчика, а слово магическое — прилагательное. Это не раз повторяется в писаниях Гитлера, — слово Главы, гипнотизирующего толпу. Таким образом, наиболее подходящим местом для завоевания масс является крупное публичное собрание. Возможности для обработки масс на нем велики, поскольку тут представлены все формы влияния, присущие движению, и массы, объединенные эмоциональным порывом, служат могущественным орудием, способным заставить отдельно взятую личность подпасть под чары движения не столько в силу услышанного, а благодаря воздействию окружающего в целом. Гитлер в этой связи указывает, что, если речь идет о человеке, еще не определившемся в политическом отношении, он ощущает на себе воздействие внушения и энтузиазма трех-четырех человек. Когда же явный успех и тысячи приверженцев убеждают его в обоснованности новой доктрины и впервые пробуждают в нем сомнения относительно истинности его прежних взглядов, «он подпадает под чудодейственное влияние, которое мы именуем массовым внушением» (там же, с. 476).

Г. Для того чтобы достичь полного успеха, любая пропагандистская акция должна быть *в то же время* демонстрацией силы. Одно неотделимо от другого, ибо это позволяет укрепиться идее, что движение непреодолимо уже в силу своего физического присутствия. Именно поэтому упор делается на порядке, на дисциплине, на построениях военного характера, на подавлении каких бы то ни было противоречий. Для того чтобы процесс обработки был полным, это физическое присутствие должно быть очевидным для всех. На практике фашистским митингам предшествуют уличные шествия облаченных в униформу демонстрантов с духовым оркестром во главе, пеших или же на грузовиках, разукрашенных знаменами и флажками.

Частота, с которой организуются митинги, а перед ними или после них уличные демонстрации, усиливает впечатление мощи. Во время последних избирательных кампаний Веймарской республики нацисты прилагали значительные усилия, чтобы обеспечить постоянность своего присутствия. Например, в небольшом городке Нортгейм, в Нижней Саксонии¹², в течение последних десяти дней кампании, предшествовавшей президентским выборам 1932 г., гитлеровские митинги и шествия проводились ежедневно и непрерывно. Но эти демонстрации, кроме прочего, дают повод и для применения физического насилия, неотделимого от фашистской пропаганды.

3. Физическое насилие

Начало применения рассматриваемыми движениями физического насилия, как мы уже подчеркивали, почти совпадает по времени с их появлением. И с первых же акций выявляется несколько характерных его черт, обретающих все большую определенность по мере развития движений.

А. Противником являются исключительно рабочие организации и их активисты. Первый акт фашистского насилия относится к апрелю 1919 г. Он был направлен против миланских забастовщиков и закончился, как мы уже об этом говорили, поджогом помещения газеты социалистов «Аванти!». Первые удары СА в Мюнхене направлены против социалистов. Убийства, совершаемые фалангистами, «избавляют общество от марксистов». Эта основная линия действия в дальнейшем не подвергнется каким-либо изменениям. Жертвами фашистского насилия до захвата фашистами власти были преимущественно представители марксистских партий. Если говорить о нацистах, их практика не противоречит этой ориентации, напротив: насилие, обращенное против евреев, до 1933 г. носит скорее словесный, чем физический, характер в такой степени, что многие наблюдатели усматривали в нем скорее привходящий момент. Например, если в Нортгейме многочисленные выступления нацистов и содержали антисемитские высказывания, конкретные расправы с еврейским населением города начались лишь в марте

1933 г. До тех пор евреи Нортгейма не обращали внимания на антисемитизм нацистов. Зато преследование и убийство рабочих-активистов, разграбление и разрушение помещений, занимаемых коммунистами и социал-демократами, становятся повсюду обычным делом. Так фашистское насилие выставляется в основном как элемент поддержания порядка перед лицом подрывной деятельности марксистов.

Б. *Акт насилия* обдумывается, хладнокровно готовится и организуется, имея в виду главную цель, которая при этом преследуется, — разделаться с рабочим движением. Являясь элементом стратегии фашистского движения, он готовится тщательно. Для участия в нем привлекаются несколько штурмовых отрядов разных округов. Таким образом, он приобретает характер военной операции. Иногда — это зачастую проделывали итальянские штурмовики — противник оповещается за несколько дней до готовящейся акции, и его ставят в известность о трагических последствиях, которые она может иметь для него. Совершая акт насилия, главари тем не менее оправдывают его спонтанной реакцией своих отрядов, возмущением, вызванным теми или иными действиями противника, хотя спонтанность в данном случае не более как прикрытие. Во всех случаях проводится подготовка операции с полным пониманием всех ее последствий. Самопроизвольность непредсказуемых действий в данном случае лишь видимость или же последствие подготовки.

В. *Фашистское насилие носит преднамеренно провокационный характер.* Например, то, что Кобург был избран местом акции в 1922 г., само по себе провокация. Нацисты устроили свое собрание в пределах юрисдикции муниципалитета, где издавна у руководства стояли социалисты, с полным пониманием того, что последует реакция со стороны муниципалитета и он, во избежание народного возмущения, выставит ряд требований. Но, как известно, Гитлер отказался принять эти условия, тем самым идя на риск столкновения с социал-демократами, точнее, провоцируя его. А когда столкновения, которых можно было избежать, если бы были соблюдены предложенные условия (свидетельство доброй воли муниципалитета), действительно имеют место, он,

претендуя на то, что право на его стороне, заявляет о марксистском терроре — тут уж явный словесный ляпсус — и дает волю своему ликованию в связи с одержанной победой. Нередко встречается и иной тип провокации: итальянские штурмовики, скуадристы, угрожая противнику готовящейся против него акцией, обычно заявляли, что его пощадят, если он примет некоторые условия, для него заведомо неприемлемые, например «если он покинет место своего обитания или же откажется от выборной должности. Если он не повинуется, значит, насильственные действия «оправданы» недопустимым, «провокационным» (тут проблема ответственности поставлена с ног на голову) характером его отказа. В этом случае применение насилия оправдано не только по отношению к упорствующему, но равным образом и против всех его «сообщников», а в небольших местечках это все население в целом.

Провокация, предшествующая применению физического насилия, позволяет представить его как чисто оборонительные действия, в то время как по существу оно носит характер агрессии. Пропагандисты расписывают его как доблестные действия, преследующие цель «борьбы с марксистским террором», в то время как ему самому присущи черты террора, поскольку жертвой его становится любой человек, отвергающий требования фашистов. И в довершение ему придается моральная окраска. Насилие получает наименование карательной экспедиции, необходимость которой вызвана «злостным непослушанием» противника. Мы уже имели возможность ознакомиться с изощренным теоретизированием Джентиле по этому вопросу (см. выше).

К тому же следует сказать, что само существование противника представляет собой в конечном итоге перманентную «провокацию», которая для своего обнаружения не нуждается в провокации, подготовленной фашистами. Если следовать этой логике, то каждый подозреваемый в приверженности марксизму может превратиться в мишень.

Нольте рассказывает, как однажды Сандро Карози, один из самых известных итальянских штурмовиков, зашел с несколькими другими фашистами в кафе, посещаемое рабочими. Он выхватил свой

револьвер и, широко улыбаясь, заставил одного из посетителей поставить на голову чашку и встать у стены. Карози хотел доказать, что он превосходный стрелок. Выстрелив, он не попал в чашку и убил человека. Тогда, делая вид, что он в отчаянии, он заявил, что утратил способность владеть оружием. Рассказ об этом происшествии был помещен в одной из газет под заголовком «Незадачливый Вильгельм Телль» (Nolte. Op. cit., t. II, p. 144).

Г. Акты насилия призваны поддержать мысль о развитии массового антимарксистского террора, в котором фашистское движение играет всего-навсего роль катализатора. Впечатление массовости создается прежде всего формой разворачивания самой акции, для осуществления которой чаще всего подключается множество людей. Итальянские штурмовики и отряды СА прибывали к месту действия из всех близлежащих мест на грузовиках или поездом. Фалангисты перегруппировывались для нанесения задуманного удара. Как те, так и другие, заполонив улицы городка или целые кварталы его, грабили, поджигали, истязали. Длилось это иногда часами. Таким образом, несколько тысяч фашистов могли создать впечатление огромнейшей массовой организации. Кроме того, поскольку «карательные операции» проводились среди бела дня и сопровождалась широкой гласностью, исключавшей секретность в подготовке и проведении акций, позже они могли быть использованы для мистификации, вводившей в заблуждение и позволявшей сделать вывод о народном характере чинимых расправ. С самого возникновения фашизма фашисты не упускали случая прибегнуть к этому приему.

Таким образом, физические расправы изображаются как выражение ярости масс, восставших против марксистского засилья, в то время как все они без исключения носят антинародный характер, и карательные экспедиции против того или другого конкретно поименованного противника движения чаще всего кончаются систематическими набегами на кварталы, населенные простым людом.

Д. Фашистские акты насилия терроризируют население как порождаемым ими *чувством постоянной неуверенности*, что соответствует преследуемым це-

лям, так и *ужасом*, который они внушают. Являясь результатом хладнокровного решения, карательные экспедиции принимают затем форму непредсказуемого стихийного бедствия, когда каждый, кто хоть в малейшей степени может быть заподозрен в связях с врагами движения, либо падет жертвой, либо по воле случая избежит этой участи. А от подозрения и, следовательно, от того, что он может оказаться жертвой карательной экспедиции, не гарантирован никто. У кого не бывало в то или иное время какого-либо рода контактов с «марксистом»?! Так возникает настоящая атмосфера погрома.

Можно понять, чего ждали фашисты от этих террористических акций. Они надеялись, что массы, для того чтобы жить спокойно, чтобы вновь обрести минимум безопасности, пусть неустойчивой и непрочной, но все же в какой-то степени гарантированной, образуют по своей инициативе вакуум вокруг «марксистов». Систематически способствуя тому, чтобы чувство неуверенности ширилось в народных кругах, фашизм стремится, и это главная цель, полностью изолировать с помощью насилия рабочие организации от их естественной среды. Это чувство неуверенности тем острее, что формы, в которые облечено физическое насилие, вызывают ужас во всех, кто является его свидетелем, прежде всего в силу своего всеобъемлющего характера, ведущего к уничтожению материальных и людских ресурсов противника. Грабежи, поджог помещений, занимаемых организациями, разграбление частных квартир являются постоянными спутниками охоты на человека и уличных убийств. Использование подобных методов в политической борьбе представляет собой нарушение общего права. Трактовка гитлеризма у Брехта, сделавшего Артура Уи (Гитлера) главарем банды, не только отвечает законам театральной условности, выходя за рамки хрестоматийного примера. Она просто-напросто отражает повседневную практику фашистских движений, направленную против народных масс.

Обращение с жертвами служит примером участи, уготованной тем, кто сопротивляется. Поэтому физическое насилие сопровождается методами, призванными *публично унижить* жертву, унижить в собственных глазах и в глазах окружающих. Итальянские

штурмовики принуждали насильственно поглощать касторку, нацисты, расположившись в рабочих кварталах, заставляли активистов рабочего движения приветствовать их эмблемы, победившие фалангисты принуждали трудящихся съедать удостоверения, свидетельствующие об их принадлежности к Всеобщему союзу трудящихся¹³. Охота на человека — любимое развлечение итальянских фашистов — превращала человека в разновидность дичи, и травля иногда длилась часами. Страшная расправа над рабочим-коммунистом Валенти (см. выше) — случай показательный, но не исключительный, и его нельзя отнести на счет садизма палачей. Сделать из унижения зрелище, выставив напоказ изуродованное пытками тело того, кто еще вчера был опасным врагом, а ныне превращен в обезображенного, изуродованного паяца, растерзанного на части, который теперь не более как орудие в руках своих победителей, — это политический прием¹⁴. И действия итальянских штурмовиков, пропускавших свои жертвы публично сквозь строй под градом палочных ударов, и линчевание на улицах, и пытки в застенках СА отвечают тем же намерениям. Физическое уничтожение противника, бесчестящее его, идет рука об руку с клеветническими кампаниями, входящими в арсенал фашистской пропаганды.

4. Выводы

1. Различные формы пропаганды и применение физического насилия неразрывно между собой связаны. Они существуют вместе. Террористические акции с применением силы представляют собой форму пропаганды. Они свидетельствуют о радикальной действенности движения, являясь также техническим приемом подготовительной обработки масс перед применением пропагандистских акций. И наоборот, завоевание масс с помощью пропаганды включает применение форм настоящего насилия путем непрекращающейся аудиовизуальной агрессии, откуда и берет начало употребление выражения «массовое изнасилование» в том смысле, что заглушаются мыслительные способности, уступая место почти

непроизвольным рефлексам энтузиазма или же страха.

2. Таким образом, *убедить* — значит прежде всего *принудить* с помощью применения различных форм насилия — от исступления, вызываемого словом, до налетов штурмовых отрядов. Все дело в том, что привлечь к себе следует враждебно настроенные массы, «денационализированные», находящиеся под воздействием марксизма, и шансы на привлечение их с помощью пропаганды, основанной на аргументации, очень невелики. *Так, фашистское насилие осуществляется против тех, кого фашистское движение стремится объединить вокруг себя, и это не единственная черта его своеобразия.* В то же время следует избавить массы, по возможности с их участием, от их скверных пастырей. Поэтому активисты и те, кого невозможно даже предположительно обратить в новую веру, становятся объектом непрекращающихся нападков и нападений, словесных и физических, призванных убрать их попросту как отбросы. Клевета, оскорбления, пытки, охота на человека — все пускается в ход, чтобы убедить в «гносности марксистов», во устрашение всех, кто пожелал бы примкнуть к ним. Иначе говоря, фашизму органически присуще использование насилия в самых разнузданных формах; и объект насилия «убеждающего» и насилия наказующего один и тот же — массы работников наемного труда, равно как едина и цель насилия — реинтеграция этих масс в общественный организм путем их объединения в рамках фашизма.

Подтверждением этому служит антисемитская практика нацизма. Действительно, до захвата власти физическое насилие имеет место почти исключительно применительно к «марксистам». Евреи являются преимущественно объектом насилия в словесной форме, даже если фанатичные СА и прибегают к физическому насилию. В период, предшествующий 1933 г., главной, если не единственной, целью движения было изолировать рабочие партии и всеми средствами оторвать от них массы. Правда, в это время антисемитская пропаганда носит предельно разнузданный характер, но при этом подчеркивается, что самым полным выражением сути международно-го еврейства и его зловещих планов является имен-

но марксизм. Поэтому говорить, когда речь идет о фашизме, о «насилии со стороны масс» абсолютно неправомерно, даже если в той или иной фашистской акции участвуют сотни людей. В любом случае вопрос сводится исключительно к террористической акции боевого отряда.

Совершенно противоположен этому опыт деятельности рабочего движения. В применяемых им формах воздействия мало-помалу сводятся на нет импульсивные акции против отдельных лиц или же их имущества, причем самые ответственные и сознательные руководители всегда стремились воспрепятствовать применению подобных методов. Действия рабочего движения направлены против классового противника (а не против того или иного лица) и призваны заставить его отступить (а не уничтожать тех или иных людей). Этим определяется их действительная массовость, предполагающая использование самых разнообразных форм применительно к различным ситуациям, начиная, скажем, с петиции, причем целью их всегда является выступление одной социальной силы против другой социальной силы. В противовес этому — фашистское насилие, основывающееся на теории, отвергающей существование классовой борьбы и призванной отвлечь народные массы от борьбы за социальные цели, причем в соответствии с этой теорией ответственность может быть личной или коллективной, но ни при каких обстоятельствах социальной, насилие, трактуемое как средство обуздания масс, неизбежно продолжает оставаться, несмотря на стремление придать аспект массовости и на то, что ему иногда и удается создать такую видимость, делом рук меньшинства. Исходя из этого, главным источником, питающим фашистское насилие, служит активность крайне правых организаций, появившихся после первой мировой войны («Ардити» в Италии, «Фрайкорпс» в Германии, «Рекете» в Испании).

ПРОБЛЕМА ФИНАНСИРОВАНИЯ

Мощь пушенных в ход средств, использование всех существующих форм пропаганды, систематическая обработка общественного мнения — все это

требует ресурсов, соответствующих не только тем доходам, которые могут быть у каждого из рассматриваемых нами движений. Членские взносы их приверженцев и сбор денег во время митингов могут составить значительные суммы только при наличии большого числа членов и сочувствующих. Значительная активность фашизма в Италии и активизация национал-социализма с 1930 г. требовали поступления ресурсов из внепартийных источников.

При оценке общественного влияния движений несомненный интерес представляет вопрос о том, кто именно их финансировал. Само собой разумеется, те, кто снабжал их средствами, давал свои деньги, были полностью уверены, что действия получателя не пойдут вразрез с их собственными интересами. Поэтому основные цели, сформулированные движением, должны были если не полностью совпадать, то по крайней мере в основных своих чертах соответствовать целям тех, кто финансирует фонды движения, а это вносит ясность и в истинное значение программ, идеологии и форм действий их должников.

Факты

Факты свидетельствуют о том, что с самого возникновения движений они располагают фондами, источником которых являются имущие классы¹⁵. Уже в течение 1920 г. аграрии и промышленники в сельской местности и городах центра Италии субсидируют фашистские организации, давая этим возможность штурмовикам готовить свои операции и получать за них вознаграждение. Земельные собственники безвозмездно снабжают их горючим, предоставляют грузовики. Материальная поддержка позволяет расти числу карательных экспедиций и способствует насаждению фашизма в сельской местности. Вскоре вслед за этим к субсидированию фашизма подключаются крупные промышленники, группирующиеся в «Конфиндустрии», а также крупнейшие аграрии. Это позволяет фашизму собрать за месяцы, непосредственно предшествующие захвату власти, крупные средства в виде субсидий. Гитлер также пользуется

поддержкой значительного числа капиталистов, что позволило ему уже на очень раннем этапе получить финансовое обеспечение значительных расходов на пропагандистские цели. Газета НСДАП «Фёлькишер беобахтер» смогла на первых порах выжить благодаря сумме, несомненно полученной из секретных фондов армии. Начиная с 1923 г. капиталисты — средней руки и мелкие — начинают оказывать помощь новой партии. Тут и жена мюнхенского фабриканта пианино Карла Бехштейна, богатейшая женщина, и жена крупного издателя Хуго Брукманна, владелица акций финских предприятий по производству бумаги, и т. д. Но уже тогда один из ведущих представителей германского капитализма, Фриц Тиссен, возглавлявший монопольное объединение сталелитейной и машиностроительной индустрии, передает в дар Гитлеру 100 000 марок золотом.

После 1925 г., и особенно начиная с 1930 г., круг капиталистов, финансирующих нацистов, расширяется: крупные баварские и рейнские промышленники, в частности уже упомянутый Фриц Тиссен и Эмиль Кирддорф, рурский «король угля», наряду с заправилами химического треста «ИГ-Фарбен» калийной и каучуковой промышленности и несколькими крупнейшими немецкими банками — «Дойче банк», «Дрезденер банк», «Дойче кредит гезельшафт». В течение всех лет, предшествующих захвату власти нацистами, капиталистические пособия представляют собой основную часть ресурсов НСДАП. Когда же в результате политической конъюнктуры эти денежные источники грозят иссякнуть, казна НСДАП начинает испытывать трудности и оказывается на краю банкротства. Скажем, завершая рассмотрение этого вопроса, что в Испании в начале 30-х годов крупные земельные собственники и промышленники субсидировали объединения фашистского толка. Так оно было с двумя главными из них — Хунтами национал-синдикалистского наступления и Испанской фалангой, которые слились (отчасти по настоянию тех, кто финансировал их) в Испанскую фалангу традиционалистов и хунт национал-синдикалистского наступления, сокращенно Испанская фаланга и ХОНС.

Среди субсидировавших эти организации особен-

но следует отметить миллионера Хуана Марча, «вышедшего в люди» благодаря занятиям контрабандой, чьи промышленные и земельные капиталовложения охватывали в то время в той или иной степени почти все области Испании, и Х. Феликса де Лекерика, представлявшего промышленников Бильбао и Бискайский банк¹⁶. Таким образом, в Испании самые крупные представители промышленного капитализма и земельной собственности проявляют интерес к Фаланге с момента ее создания, что не помешало им прекратить финансирование ее, когда традиционные правые партии стали, казалось бы, хозяевами положения в стране. После победы Народного фронта в 1936 г. субсидирование возобновляется, и в течение гражданской войны имущие классы франкистской зоны продолжают систематически оказывать финансовую помощь Фаланге, исходя из того, что в случае необходимости фалангисты уж сумеют убедить сопротивляющихся с помощью своих бандитских методов.

Выводы

Финансирование движений теми или иными представителями имущих классов имеет место начиная с возникновения движений. Без сомнения, дальновидные капиталисты и земельные собственники с самого начала увидели в этих движениях средство защиты и обеспечения своей социальной сохранности, причем решающим критерием для оказания финансовой помощи явилась, по всей видимости, антипролетарская практика движений. Деньги поступают в казну итальянских низовых фашистских групп, когда те громят социалистические организации в деревнях и городах Италии. Иначе говоря, если непосредственно вслед за созданием движения еще могли существовать какие-то сомнения относительно его истинной направленности из-за программы, в социальном содержании которой на первый взгляд можно было усмотреть социалистические тенденции, политическая деятельность, развернутая движением в стране, разрешила все сомнения, и движение предстало в подлинном свете¹⁷. Именно этим объясняется, что на смену финансированию движения отдель-

ными дальновидными предпринимателями и промышленниками приходит выделение средств, имеющее реальное социальное значение. Даже если те или иные промышленные фирмы и земельные собственники и не давали никогда денег фашистскому движению, *социальная ангажированность имущих классов на стороне фашизма путем оказания ему финансовой помощи* является важным историческим фактом.

Например, как известно, все еще продолжает быть предметом спора субсидирование Гитлера некоторыми крупными германскими фирмами до прихода его к власти. Если Уильям Манчестер (Les armes de Krupp, Laffont, 1970, p. 313—317) приходит к выводу, что денежная поддержка нацистов имела место еще до 30 января 1933 г., один из сыновей Густава Круппа фон Болен унд Хальбах в телевизионной передаче 11 октября 1971 г. отрицает, что были какие-то поступления со стороны фирмы до указанной даты.

А между тем Гитлер в интервью, данном правому журналисту Брайтингу 4 мая 1931 г., утверждал, что Крупп наряду с другими промышленниками оказывал финансовую помощь нацистской партии (C a l i с E. Hitler sans Masque, Stock, 1969, p. 25).

Как бы то ни было, нельзя согласиться с выводом, к которому склоняется Нольте, когда он указывает, говоря об Италии (Nolte. Op. cit., t. II, p. 136), что отсутствие в числе лиц, субсидировавших фашистов, некоторых крупных промышленников и аграриев свидетельствует, что финансирование фашизма представителями имущих классов, при всей их численности, лишено реальной социальной значимости. То, что часть крупной буржуазии, капиталистов и землевладельцев оказывала финансовую помощь движениям, представляет собой феномен, в котором следует видеть материальное проявление соучастия целой социальной группы, а не просто отдельных лиц, в действиях фашистов.

Однако эта финансовая поддержка не является безоговорочной. Очень показательны в этом отношении колебания, которые претерпело финансирование нацистов в период 1930—1933 гг. Субсидирующих нацистские фонды нисколько не смущают социаль-

ные аспекты гитлеровской пропаганды. Инвективы против буржуазии, столь обычные в прессе и выступлениях, не принимаются в буквальном смысле, точно так же как никого не пугает избыток красного цвета в нацистской пропаганде. Но зато субсидии находятся в прямой зависимости от политической *эффективности* деятельности нацистов, и стоит возникнуть сомнениям в этом плане, как тут же появляются и колебания.

Так, известные опасения возникают осенью 1932 г. Они связаны одновременно и с некоторыми аспектами политической тактики нацистов (отказ Гитлера прийти к соглашению с традиционными националистскими партиями, участие нацистских депутатов в парламенте в голосовании за поправку, выдвинутую коммунистами в сентябре 1932 г., участие в берлинской забастовке транспортных рабочих в ноябре 1932 г.), и с некоторыми неконтролируемыми репрессиями со стороны СА, которые, прибегая к убийствам рабочих-активистов, иногда не обходили своими действиями и имущие классы (результат разнузданной социальной демагогии), и, конечно, прежде всего с известной неэффективностью движения, которое, несмотря на значительность вкладываемых средств, не сумело завоевать бесспорного большинства в стране. Вот почему в эту осень 1932 г. субсидии становятся более скудными, пока 4 января 1933 г. не происходит встреча Гитлера с одним из тех, кто субсидирует нацистов, кельнским банкиром Шредером. В результате встречи вопрос оказывается улаженным, и это приводит к «радикальному», как отмечает Геббельс в своем дневнике, улучшению финансовых дел партии.

Не иначе разворачиваются события и в Испании. Оскудение финансовых ресурсов Фаланги происходит вслед за тем, как правящие классы в результате победы правых партий, перегруппировавшихся в СЭДА*, приходят к выводу о политической неэффективности Фаланги. В частности, ей отказали в своей поддержке крупные землевладельцы, и поэтому она оказывается не в состоянии обеспечить себе

* СЭДА — Испанская конфедерация автономных правых. — Прим. перев.

успешное участие в избирательной кампании 1936 г., так как средства продолжают поступать в казну традиционных правых партий.

Когда Примо де Ривера, несмотря на давление со стороны правящих кругов, отказывается в ходе подготовки к выборам 1936 г. от какого бы то ни было компромиссного соглашения с традиционными правыми партиями и настаивает на том, чтобы выдвинуть против них фалангистских кандидатов, он заранее лишает себя каких бы то ни было шансов на успех. *Финансовая зависимость фашистских движений от капитализма и земельных собственников является препятствием для осуществления ими действительно независимой политической деятельности*, даже в самых общих рамках поставленных ими перед собой целей*. В Италии миротворческий пакт, заключенный между социалистами и фашистами в августе 1921 г., если допустить, что он не был маневром со стороны этих последних, предпринятым с целью демобилизации противника, так или иначе не смог быть проведен в жизнь. Земельные собственники, снабжающие денежными средствами штурмовые отряды, чтобы избавить сельскую местность от того бича, каким в их представлении являются марксисты, промышленники, возлагающие надежды на то, что насильственные меры против рабочего движения позволят воцариться социальному миру на их фабриках и заводах, не могут допустить, чтобы были прекращены фашистские акты агрессии, так как это явилось бы для них шагом назад. Точно так же следует сказать, что и в Германии политическое решение, за которое ратовали заправилы крупной индустрии, то есть вхождение нацистов в коалиционное правительство вкупе с националистами, в итоге оказывается приемлемым и для Гитлера, поскольку оно снова открывает путь денежным поступлениям.

Таким образом, фашистские движения субсидируются частью крупных капиталистов и земельных собственников, которые за видимостью, создаваемой социальной фразеологией движений, уловили суть, заключающуюся в том, что те, судя по всему, успешно

* См. об этом во вступительной статье. — *Прим. ред.*

противостоят «марксистам» и предлагают политические решения, позволяющие заменить «классическую» либеральную демократию авторитарным и иерархическим государством и восстановить социальный порядок, поставленный под угрозу народными движениями. В противовес этим последним фашистские движения гарантируют свободу предпринимательства и абсолютную власть предпринимателя на предприятии. Но, исходя из этого, фашистские движения должны либо подчинить свои политические действия указке тех, кто их субсидирует, либо обречь себя на прозябание.

При захвате власти поддержка со стороны крупного капитала всегда является решающей. Дело в том, что основные цели фашистов являются и его целями, если исключить опасение, что крупный капитал может в известной мере уподобиться ученику волшебника, не сумевшему совладать с выпущенными им на волю злыми духами, и будет, но это уже относится к продолжению истории, впоследствии сожалеть о некоторых «эксцессах», под прикрытием которых капиталистическая экономика сумела перестроиться и увеличить монополистические прибыли.

Уяснение вопроса источников денежных средств фашистских партий позволяет, в конечном итоге, пролить свет на демагогический характер их программ и на органично присущее их идеологии лицемерие. Когда эти партии появились на свет, правящие классы или, по меньшей мере, какая-то их часть очень быстро сумели понять всю выгоду, какую можно было извлечь из фашистских движений. Почти сразу же эти классы сумели трезво оценить реальные размеры угрозы национализации или же аграрной реформы, содержащейся в этих программах. Ознакомление с программами в целом, с их основной идеологической и пропагандистской направленностью не оставляет никаких сомнений относительно истинной цели фашистской деятельности, сосредоточенной исключительно на борьбе с «марксистами». Словесные выпады против буржуазии или капитализма могут смущать правящие классы не более чем соответствующие аспекты программы. К тому же, если возникнут какие-либо сомнения, удви-

жений не преминут потребовать разъяснений и те немедленно примут меры, чтобы рассеять эти сомнения, ну хотя бы посредством внутренней чистки. Никогда, без сомнения, не существовало бóльшего разрыва между революционными заявлениями и главной целью, целью контрреволюционной. Та часть правящих классов, которая тут же уяснила себе этот разрыв и все возможности, которые он таил в себе, вне всяких сомнений, продемонстрировала со своей точки зрения неоспоримую политическую дальновидность,

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За национальными особенностями фашизма скрываются, несомненно, общая основа — программная и идеологическая — и общий стиль деятельности. Все эти три аспекта, будучи симультанными и взаимодополняющими, неотделимы один от другого и полностью совпадают по своей целенаправленности: исключить какую бы то ни было возможность участия масс, и в частности рабочего движения (прежде всего имеется в виду движение коммунистическое, причем нападки на него носят характер яростного обличения большевизма), в жизни нации путем ликвидации классовой борьбы и тотальной интеграции масс — политической, социальной, экономической, идеологической — в рамках государства, объединившегося и объединяющего и основывающего свою деятельность, осуществляемую с помощью террора, на авторитарной иерархической системе. Таким образом, фашизм предстает в качестве боевого оружия, рассматриваемого как совершенное и предназначенного для борьбы против эксплуатируемых классов.

Фашизм, как мы имели возможность убедиться, не предлагает какого-либо стратегического плана переустройства экономической системы. Наоборот, фашизм на деле оставляет полную свободу предпринимателям, превознося их могущество, их целеустремленность, их социальную полезность. В дополнение к этому фашизм выдвигает такие основополагающие принципы политической стратегии, как полная и бесповоротная ликвидация рабочего движения путем уничтожения большевизма, создания «тоталитарного» государства, в котором неуклонно соблюдался бы иерархический порядок, было бы достигнуто полное усмирение масс и получили бы законное признание империалистские устремления и империалистская

экспансия. Перед лицом коммунизма — реальной опасности для класса эксплуататоров, означающей конец их господства, — фашизм предлагает радикальное решение и незамедлительно, еще до своего прихода к власти, переходит к претворению его в жизнь. Этим кладется начало процессу ликвидации пролетарских организаций и классовой солидарности пролетариата. Таким образом, цели фашизма — утвердить авторитет государства, ликвидировать демократические установления и все формы демократии во имя неравенства людей и вытекающего из этого принципа иерархии и принципа Главы — находят отклик в кругах, близких монополистическим группировкам и повсеместно стремящихся найти решение вопроса о новых формах государственного влияния, необходимость которых определяется внутренней эволюцией капитализма, ведущей к государственно-монополистическому капитализму. И тут фашизм предлагает радикальное решение.

Признание фашистами в тех странах, где господствует или развивается монополистический капитализм, правомерности частной собственности, важнейшего значения предпринимательства не может не рассеять возможные сомнения, которые могли бы быть вызваны демагогическими разглагольствованиями против трестов. Более того, фашизм поднимает на щит социальное неравенство, представляя его в качестве закона природы, убеждает обездоленных и презренных в том, что их обездоленность и отверженность имеют веское обоснование, утверждает могущественных в их всесилии, то есть эксплуататоров в их роли эксплуататоров, не только безоговорочно, но и с не ведающим сомнений высокомерием. Ибо, утверждает далее фашизм, положение, которого достиг человек, является исключительно результатом его заслуг в борьбе за жизнь, результатом неумолимого закона природы, оправдывающего эксплуатацию эксплуатируемых и уничтожение слабых. Эти идеи, составляющие сердцевину идеологических положений фашизма, являются главным, безапелляционным, совершенно неприкрытым обоснованием капиталистической эксплуатации. Они полностью совпадают с тем идеалом, которого стремится достичь капитализм, — неограниченной

эксплуатации рабочей силы и полного бесправия трудящихся. И наконец, они оправдывают сам механизм концентрации капиталов, еще одного порождения борьбы за существование, отбора наилучших, безжалостного вытеснения самых слабых.

За разнузданной демагогией и множеством наслоений идеологических туманностей фашизм, таким образом, с момента своего возникновения открывает перед монополистическим капиталом перспективу неограниченной эксплуатации рабочей силы и укрепления могущества монополий и, оправдывая их в теоретическом плане, предлагает практические меры для их претворения в жизнь. Какова же классовая суть движений с момента их возникновения, даже если учесть при этом, что не все заинтересованные стороны причастны к этому возникновению? Если исходить из целей и практической деятельности фашистских партий, еще даже до прихода их к власти несомненна классовая заинтересованность в поддержке фашизма — когда обстоятельства оказываются подходящими или же требуют этого — со стороны крупной монополистической буржуазии и, во вторую очередь, со стороны земельных собственников, обеспокоенных волнениями среди сельскохозяйственных рабочих. Ни одна из прочих общественных групп по сути дела в этом не заинтересована, поскольку фашистские принципы переустройства национальной жизни преследует цель обеспечения абсолютного господства самых могущественных из числа сильных и безропотной покорности со стороны всех прочих, входящих в социальный организм. Вот почему фашизм по сути своей и с самого своего возникновения не может рассматриваться как выражение «восстания» средних классов. Некоторые аспекты фашистских программ и идеологии, такие, как защита собственности, осуждение злоупотреблений капитализма, неприятие парламентаризма, содержащиеся в программах обещания коренных перемен, не сопровождающихся экономическими потрясениями и социальными переворотами, антикоммунизм, могут привлечь к ним средние классы.

Но это не должно скрыть от нас главного аспекта, без которого феномен не может быть понят, в частности если говорить о наиболее важных конк-

ретных проявлениях этого феномена: подготовке к захвату власти и самом процессе захвата, всегда осуществлявшимся при прямом и активном соучастии значительной части крупной монополистической буржуазии (каковы бы ни были исторические условия, сопутствовавшие этой подготовке и этому процессу: путь парламентарный, гражданская война или же путь вмешательства извне, осуществляемого германскими войсками...). Этот главный аспект сводится к тому, что фашизм дал крупной монополистической буржуазии спланируемые ее цели, практику и идеологию, в которых она увидела возможный ответ, и ответ заманчивой, на занимающие ее проблемы, позволяющий вести борьбу против рабочего движения, которому коммунизм придал новые, революционные силы.

Приложение:

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ЖЕРТВАХ

Как мы уже видели, фашизм оправдывает капиталистическую эксплуатацию действием закона естественного отбора и для обеспечения ее создает методы террористического порядка. В этой связи, если принять во внимание опыт фашистских стран и особенно наиболее радикальный опыт нацистской Германии, описание идеального, с точки зрения капиталиста, рабочего дня, данное Марксом, обретает значимость поразительнейшего предвидения.

«„Что такое рабочий день?“ Как велико то время, в продолжение которого капитал может потреблять рабочую силу, дневную стоимость которой он оплачивает? Насколько может быть удлинен рабочий день сверх рабочего времени, необходимого для воспроизводства самой рабочей силы? На эти вопросы, как мы видели, капитал отвечает: рабочий день насчитывает 24 часа в сутки, за вычетом тех немногих часов отдыха, без которых рабочая сила делается абсолютно негодной к возобновлению своей службы. При этом само собой разумеется, что рабочий на протяжении всей своей жизни есть не что иное, как рабочая сила, что поэтому все время, которым он располагает, естественно и по праву есть рабочее время и, следовательно, целиком принадлежит процессу самовозрастания капитала. Что касается времени, необходимого человеку для образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил, даже для празднования воскресенья — будь то хотя бы в стране, в которой так свято чтут воскресенье,— то все это чистый вздор! Но при своем безграничном слепом стремлении, при своей волчьей жадности к прибавочному труду капитал опрокидывает не только моральные, но и чисто физические

максимальные пределы рабочего дня. Он узурпирует время, необходимое для роста, развития и здорового сохранения тела. Он похищает время, которое необходимо рабочему для того, чтобы пользоваться свежим воздухом и солнечным светом. Он урезывает время на еду и по возможности включает его в самый процесс производства, так что пища дается рабочему как простому средству производства, подобно тому, как паровому котлу дается уголь и машинам сало или масло. Здоровый сон, необходимый для восстановления, обновления и освежения жизненной силы, капитал сводит к стольким часам оцепенения, сколько безусловно необходимо для того, чтобы оживить абсолютно истощенный организм. Таким образом, не нормальное сохранение рабочей силы определяет здесь границы рабочего дня, а наоборот, возможно бо́льшая ежедневная затрата рабочей силы, как бы болезненно насильственна и мучительна она ни была, ставит границы для отдыха рабочего. Капитал не спрашивает о продолжительности жизни рабочей силы. Интересует его единственно тот максимум рабочей силы, который можно привести в движение в течение рабочего дня. Он достигает этой цели сокращением жизни рабочей силы, подобно тому как жадный сельский хозяин достигает повышения доходности земли посредством расхищения плодородия почвы.

Таким образом, капиталистическое производство, являющееся по существу производством прибавочной стоимости, высасыванием прибавочного труда, посредством удлинения рабочего дня ведет не только к захирению человеческой рабочей силы, у которой отнимаются нормальные моральные и физические условия развития и деятельности. Оно ведет к преждевременному истощению и уничтожению самой рабочей силы. На известный срок оно удлиняет производственное время данного рабочего, но достигает этого путем сокращения продолжительности его жизни» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 274—276).

Когда нацистские концентрационные лагеря начинают систематически обслуживать военную экономику Германии, начальник центрального экономического управления СС (WVHA) Освальд Поль дает предписание, касающееся рабочей силы из числа

узников концлагерей. Вот наиболее показательные отрывки из этого документа:

«...4. Единоличная ответственность за рабочую силу возлагается на коменданта лагеря. Это использование (рабочей силы) с целью достижения максимальной производительности труда должно быть изнуряющим в истинном смысле слова (*muss im wahren Sinn der Wortes erschöpfend sein*).

5. Продолжительность труда — не ограничена. Продолжительность труда зависит от его организации и характера. Она определяется комендантом лично.

6. Все обстоятельства, могущие ограничить время работы (прием пищи, переклички и т. д.) должны быть сведены к строгому минимуму. Длительные переходы и обеденные перерывы запрещены...»

Единственное, чего не предвидел Маркс,— это использование самого тела человека, осуществляемое СС в лагерях, как до его смерти (использование волос для производства домашних туфель и чулок), так и после его смерти (переработка зубных протезов с целью извлечения золота, производство мыла из человеческого жира, применение пепла, оставшегося после сожжения людей, в качестве удобрения).

Это обращение к лагерям смерти, о которых известно, что они широко, более чем широко, использовались в интересах военной экономики самыми крупными германскими монополиями, не является служебным злоупотреблением, ибо изначальная цель и изначальная логика нацизма неотделима от его действий: от убийства рабочего-коммуниста Валенти итальянскими штурмовиками, призванного обесчестить жертву, до преступлений штурмовых команд в Бухенвальде протянулась одна цепочка.

Ныне кое-кто склонен, по причинам отнюдь не исторического характера, сглаживать эксплуатацию рабского труда в концлагерях (хотя этот вопрос обстоятельно рассматривается в таких солидных трудах, как упоминавшиеся книги Ж. Биллига) и настаивать на элементах иррациональности, обусловивших уничтожение ради уничтожения. Однако не следует забывать, что до самого конца широкое использование концлагерей в экономических целях продолжало оставаться правилом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ За исключением тех случаев, когда это указано особо, все цитаты Х. А. Примо де Риверы взяты из диссертации на степень доктора исторических наук Д. Тессонье «Х. А. Примо де Ривера, или же национал-синдикализм» (Teissonnier D. J. A. Primo de Rivera ou le national-syndicalisme), защищенной в 1969 г. в университете Монпелье.

² «Майн кампф» цитируется по французскому изданию, опубликованному Nouvelles Editions Latines в 1934 г.

³ Констатируя совпадение между фашистской идеологией и реакционным представлением о неизменности человеческой природы, бессилии, жажде власти и неприспособленности человеческих масс к свободе, В. Рейх в своей «Массовой психологии фашизма» (Reich W. La psychologie de masse du fascisme, p. 209) приходит к заключению о «субъективной искренности» фашистской идеологии и невозможности, если не будет принят во внимание этот факт, понять притягательную силу, которую имел для масс фашизм. В действительности дело выглядит иначе. Притягательная сила в отношении масс зависит от эффективности различных механизмов, приведенных в действие, — механизмов отнюдь не исключительно идеологического свойства. Большое место среди них — мы это увидим позже — занимает физическое насилие.

⁴ Рисорджименто — совокупное название движения социальных, политических и культурных процессов, открывших в XIX в., после периода наполеоновских войн, перед Италией путь к национальному объединению.

⁵ Труды В. Рейха, и особенно «Массовая психология фашизма», позволили ближе ознакомиться с механизмами, дающими возможность понять некоторые аспекты того воздействия, которое фашизм имел на массы и в силу которого его идеология и практика вели к развязыванию глубоко залегающих страстей и инстинктов. Выводы, к которым приходит В. Рейх в результате своего анализа, очень спорны.

Тут не место для опровержений. Если говорить о самом фашизме, выводы Рейха ограничивают это явление, поскольку Рейх сводит его к выражению структурной иррациональности в характере заурядного индивидуума и недооценивает все прочие элементы в трактовке и объяснении этого явления. Но работы Рейха важны, поскольку они способствуют показу того, как фашистская идеология подчинила себе миллионы людей вопреки их самым насущным интересам.

⁶ В книге «Речевые особенности тоталитаризма» Ж. П. Фай (Faуе J. P. Langages totalitaires) проследил за судьбами слова в Италии и Германии. Работы Фая, посвященные политическим речевым особенностям, присущим нацизму, их воздействию, истокам, развитию, их взаимодействию с теми или иными социальными группами, представляя собой серьезное исследование нацизма и методов внедрения его идеологии.

⁷ Каждое из рассматриваемых движений знало кризисы подобного рода. Наибольшую известность приобрел эпизод, закончившийся сведением счетов в форме массовой резни, связанный с устранением штурмовых отрядов Рема (СА), одной из военизированных нацистских организаций, как политической силы. Фильм Висконти «Проклятые» с исторической достоверностью рассказывает о событиях, которые привели к знаменитой «ночи длинных ножей».

⁸ Дрекслер основал в январе 1919 г. Германскую рабочую партию (ГРП), националистскую партию, представляющую крайне правые круги, к которой в сентябре того же года примкнул Гитлер. В августе 1920 г. ГРП стала называться национал-социалистской немецкой рабочей партией (НСДАП). Гитлер, возглавлявший нацистскую пропаганду с января 1920 г., вытеснил Дрекслера и в июле 1921 г. стал председателем партии.

⁹ При последующем анализе автор не раз будет ссылаться на «Майн кампф», что не должно вызывать удивления. Практика того или иного фашистского движения обнаруживает несомненное сходство с практикой других фашистских движений. Фашистские идеологи в отдельных случаях высказывались относительно этой практики, но в наиболее полной и решительной форме взгляды на нее, вне всякого сомнения, сформулированы у Гитлера, с откровенным цинизмом выразившего *принципы* деятельности нацизма. Эти принципы, как мы увидим, являются в главных своих чертах общими для всех трех движений.

¹⁰ Трактовка Р. Алло мне кажется более убедительной, чем версия В. Рейха (Reich W. Op. cit., p. 103), соотносящего свастику с сексуальным символом. Может быть, оно в известной степени и так, но прочие символические атрибуты, проанализированные Р. Алло, позволяют глубже проникнуть в суть вопроса.

¹¹ Здесь мы, очевидно, подошли к рассмотрению механизмов, опосредующих переход от идеологии к определенной практике — массовым убийствам в лагерях смерти.

¹² В книге Шеридана Аллена «Небольшой нацистский город. 1930—1935» (Sheridan Allen W. Une petite ville nazie 1930—1935, Laffon, 1967) он фигурирует под вымышленным названием Тэльберга.

¹³ *Испанск.* — Union general de trabajadores.

¹⁴ Позднее путем систематического усовершенствования этот метод превратился в главное устрашающее средство системы нацистских концлагерей.

¹⁵ См. в частности: Nolte E. Le fascisme dans son époque, Jnliliard; Gallo M. L'Italie de Mussolini, Marabout; Sh i r e r L. W.

Histoire du III Reich, t. I; H a c h e t t e L. P., P a y n e St. G. Phalange, histoire du fascisme espagnol, Ruedo Ibérico; Le fascisme hitlerien. Etudes actuelles. — «Recherches internationales», № 69—70 (1971—1972).

¹⁶ Следует добавить, что, по утверждению Макса Галло (G a l l o M. Histoire de l'Espagne franquiste, Laffont 1969, p. 54), начиная с 1934 г., а может быть и несколько ранее, и до конца 1935 г. Примо де Ривера был платным агентом итальянского фашизма с вознаграждением в 50 000 лир в месяц.

¹⁷ Тем не менее, поскольку сам факт создания Fasci italiani di combattimento был предан гласности в Милане 23 марта 1919 г. в помещении, принадлежавшем клубу объединения промышленников и коммерсантов, в этой связи можно задать себе следующий вопрос: не значит ли это, что еще до опубликования программы, заставившей в течение известного времени причислять фашистов к «левым» движениям, какая-то часть миланской буржуазии уже располагала сведениями об истинных намерениях нового движения?

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья (<i>Эрнст Генри</i>)	5
Введение	17
Глава первая. Программы	21
Анализ программ	21
Переоценка роли нации и государства	22
1. Нация	22
2. Империалистические устремления	23
3. Государство	23
4. Армия	24
5. Вывод	25
«Обновление» политической жизни	25
«Решение» социальной проблемы	26
1. Частная собственность	26
2. Корпорации	27
3. Классовая борьба	28
4. Роль обучения	29
5. Вывод	30
Позиция в отношении церкви	30
Попытка типологизации	31
Тематическая направленность	31
Форма подачи материала	32
«Оригинальность» содержания	34
Вывод: сочетание демагогии с конъюнктурой	36
Глава вторая. Общие идеологические основы	39
Методологический подход	39
Тотальный антимарксизм	42
Иррациональность идеологии	46
Теория и практика	50
Идеология или уловка	53

Глава третья. Идеология: нация и государство	56
Национализм и расизм	56
Заемствования у традиционного национализма	56
Новые аспекты: вернуть массам чувство нации	59
Гитлеровское решение вопроса: расизм	62
Вывод	64
Теория государства	67
Тоталитарное государство	67
Отношения между государством и нацией	68
Критика либерального государства	70
Этическое государство: государство и индивидуум	72
Вывод	73
Глава четвертая. Идеология: индивидуум и социальная орга- низация	75
Роль и место индивидуума	75
Интеграция индивидуума в рамках коллектива	75
Неравенство индивидуумов между собой	77
Борьба за жизнь и отбор	79
Вывод: индивидуум и общество	82
Принципы осуществления власти	85
Личностный отбор	85
Обновление элиты	85
Иерархический принцип и принцип главы	8
Верховный глава	87
Отношения между капиталом и трудом: принципы эконо- мической организации	90
Обязанности трудящихся и неприятие их боевых орга- низаций	92
Признание частной собственности и роли капитала	93
Прерогативы руководителя предприятия	98
Вывод: сообщество производителей	100
Глава пятая. Идеология: попытка истолкования	103
Глава шестая. Организация, практическая деятельность, ее средства и стиль	109
Организация движений	111
Гражданские структуры партии	111
1. Пример фаланги	111
2. Политическая структура — автократический цен- трализм	111

3. Службы (управления)	115
4. Массовые организации	117
5. Вывод	118
Формирования военного характера	118
1. Институт, органично присущий самой природе движения	118
2. Принципы организации и действия	119
3. Структура фашистских боевых отрядов скуадре	121
Методы и стиль деятельности	123
Некоторые примеры	123
1. Карательные экспедиции и фашистские празднества в Италии	123
2. Нацистские сборища	126
3. Церемониал фалангистов	127
Анализ и истолкование	128
1. Формальные аспекты	128
2. Обоснования в пропаганде	132
3. Физическое насилие	137
4. Выводы	142
Проблема финансирования	144
Факты	145
Выводы	147
Заключение	153
Приложение: размышление о жертвах	157
Примечания	160

Р. Бурдерон

ФАШИЗМ: ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

ИБ № 12233

Редактор В. М. Леонтьев

Художественный редактор Ю. С. Лылов

Технические редакторы Н. И. Касаткина,

Н. А. Галанчева

Корректор И. М. Лебедева

Сдано в набор 19.04.83. Подписано в печать 29.09.83.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 1. Гарнитура
литературная. Печать высокая. Условн. печ. л. 8,82.
Усл. кр.-отт. 8,87. Уч.-изд. л. 8,42. Тираж 15 000 экз.
Заказ № 615 Цена 60 к. Изд. № 3664

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Прогресс» Государственного комитета СССР по
делам издательств, полиграфии и книжной тор-
говли.

Москва, 119021. Zubовский бульвар, 17

Ленинградская типография № 2 головное предпри-
ятие ордена Трудового Красного Знамени Ленин-
градского объединения «Техническая книга» им.
Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Госу-
дарственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 198052, г. Ленин-
град, Л-52, Измайловский проспект, 29

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ

ШТЕЙГЕРВАЛЬД Р.

**БУРЖУАЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И РЕВИЗИОНИЗМ
В ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ГЕРМАНИИ**

Пер. с нем.

Автор — известный западногерманский философ-марксист — критически анализирует основные «немецкоязычные» течения и школы буржуазной философии XX в. и современного ревизионизма. Он раскрывает идеалистическую сущность и антимарксистскую направленность неокантианства, философии жизни, неотрейдиизма и фрейдомарксизма, концепций франкфуртской школы; обстоятельно анализирует идейные позиции социал-демократизма, троцкизма, ультралевых и правых оппортунистов. Книга убедительно доказывает, что многочисленные разновидности ревизионизма объединяет враждебность к ленинизму и реальному социализму.

Рекомендуется философам, социологам, преподавателям вузов, пропагандистам.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ**

ИРИБАДЖАКОВ Н.

КРИТИКА МЕТАФИЗИЧЕСКОГО РАЗУМА

Пер. с болг.

Автор — известный болгарский философ, труды которого неоднократно издавались в нашей стране. В эту книгу вошли его наиболее интересные работы по актуальным проблемам марксистской философии и социологии. В них глубоко анализируются еще не исследованные вопросы развития теории познания, материалистической диалектики, философского обобщения достижений и социальных последствий научно-технической революции. Значительное место уделяется критике идеалистических и метафизических концепций, выдвигаемых современной буржуазной философией в ее исследованиях общественного развития и исторического прогресса человечества.

Рекомендуется философам, социологам, преподавателям и студентам вузов.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

В книге рассматриваются три разновидности фашизма: итальянский, германский и испанский, раскрывается его классовая природа, идеология и практика, анализируются причины прихода фашизма к власти в условиях всеобщего кризиса капитализма, разоблачается реакционная сущность фашистской разновидности расизма и национализма, ее антисоциалистическая и антимарксистская направленность

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА